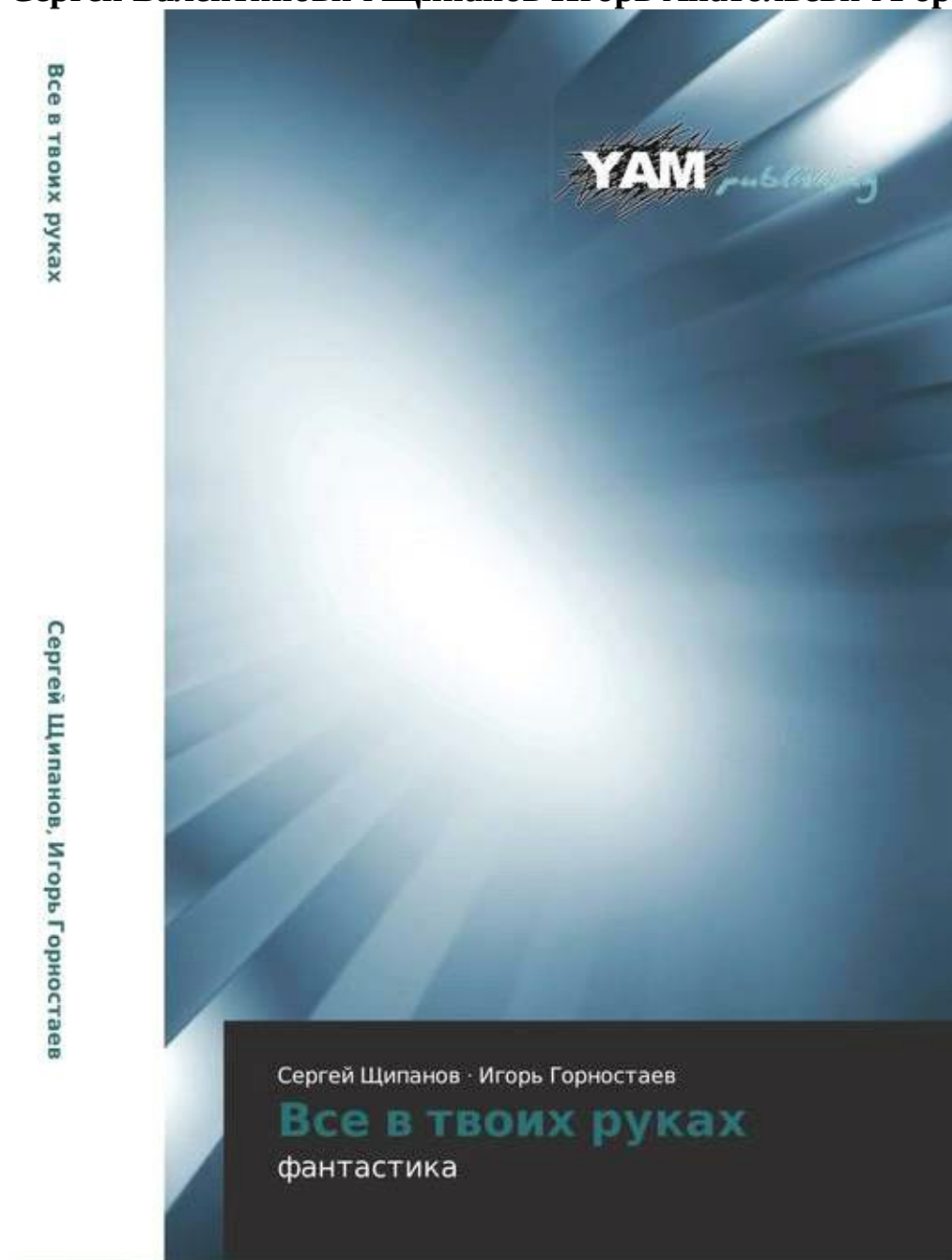

Сергей Валентинович Щипанов Игорь Анатольевич Горностаев Все в твоих руках

И. А. Горностаев, С. В. Щипанов Все в твоих руках

Вместо пролога

За месяц перед описываемыми событиями

1

Дверь не имела опознавательных знаков, кроме нанесенного черной краской через трафарет двойного номера «47, 47а». По обе стороны коридора выстроились в ряд не менее полусотни подобных крашенных в цвет лимонной плесени дверей, с табличками и без,

некоторые с цифровыми замками и запрещающими надписями.

Работники Института имели разные формы допуска к секретным материалам, и, соответственно, подразделялись на тех, кому «можно» и на посторонних, которым «вход воспрещен». Впрочем, в последние лет пять, где-то с восемьдесят девятого года, штат возглавляемой доктором физико-математических наук А.А.Велеречевым «сорок седьмой» лаборатории, сократился настолько, что малоквалифицированных, подпадающих под запрет сотрудников не осталось вовсе. Даже вместо уборщицы полы мыла (за четыре отгула в месяц) инженер второй категории.

Сева Юрин, очень высокий светловолосый парень, не дождался на свой стук ответа. Тогда он легонько толкнул дверь и, волнуясь, словно абитуриент на приемной комиссии, шагнул с линолеума коридора на щербатый паркет комнаты.

В помещении находился всего один человек. Велеречев Арнольд Адольфович разгадывал кроссворд.

— Добрый день. Можно? — вежливо поинтересовался Сева.

— Проходи, Всеволод. Садись.

Арнольд Адольфович приветливо улыбнулся, аккуратно сложил газету, отложил в сторону.

— Ничего, что я на «ты»?

Молодой человек не возражал: не успел привыкнуть к официозному обращению, порой неловко себя чувствовал, если кто-то «выкал» в его адрес.

Сева осмотрелся. Не слишком шикарные, но вполне приличные апартаменты, не без претензии на оригинальность: стены украшены двумя красочными репродукциями, одна с полузверями-полунасекомыми, видимо, с картины Сальвадора Дали, другая с крылатыми монстрами в готическом интерьере, должно быть, Иеронима Босха. Полки высокого, до потолка, стеллажа, занимающего всю боковую стену комнаты, уставлены книгами вперемешку с грудями трансформаторов, конденсаторов, монтажных плат с транзисторами-резисторами, и другим электронным хламом. Так выглядел, вспомнил Сева, книжный шкаф в квартире его соседа-радиолобителя. Но, ведь, не пайкой самодельных приемников балуется в рабочее время Велеречев, этот современный алхимик.

— Чайку? — предложил хозяин кабинета.

— Нет-нет, спасибо.

— А я всё же налью.

— Спасибо.

Арнольд Адольфович заварил цейлонский. Хороший чай, вкусный, ароматный. Во дни Севиных детства и отрочества на полках магазинов в его родном Ленинграде лежал, в основном, грузинский — жалкая пародия на чай; иногда «выбрасывали»?36, и лишь трижды в году, на 1 мая, 7 ноября, и Новый Год родители Севы получали от профсоюза «набор», в который входила стограммовая пачка «со слоном». Иное дело сейчас. Чай на любой вкус: цейлонский, индийский, китайский, и даже настоящий «Липтон».

— ...Значит, тебя интересует философский камень, он же магистерий, он же красная тинктура? Который, как говорят, был вырезан из цельного куса изумруда. А другие считают, что получен из магнетита. Пятьсот лет назад. Где-то в Европе.

Тут Велеречев так глянул на собеседника, что молодой специалист едва не поперхнулся чаем. Севе показалось, что его обвиняют в попытке украсть великую драгоценность, или редкий антиквариат. Впрочем, хозяин кабинета тут же успокоил:

— Не ты первый, хе-хе. Великие умы античности, раннего средневековья и эпохи Возрождения ломали головы над проблемой облагораживания «несовершенных металлов»: свинца, ртути и иже с ними. Считается, что в пожаре Александрийской библиотеки погибли

свитки и папирусы с точными рецептами «великого эликсира», а «Алхимическая свадьба» переведена-переписана с вопиющими, неустранимыми ошибками. Эх-хе.

Тяжелый вздох Сева расценил как сожаление Велеречева о том, что он знает, но по каким-то причинам не может сообщить миру об огрехах в работе розенкрейцеров.

— Обладатели оккультных знаний время от времени подвергались гонениям, но не прекращали экспериментировать с различными составами, снова и снова пытаюсь разгадать древнюю тайну. Уж очень заманчива сама идея превращения какой-нибудь никчемной железной болванки в сверкающий золотой слиток. Или наоборот. Ты же знаешь, что было время, когда железо стоило в пять раз дороже золота, и в сорок раз — серебра?

Сева такими точными познаниями не обладал, но счел за благо согласно кивнуть. Что ж тут спорить? Арнольд Адольфович продолжил:

— Впрочем, адепты философского камня... — закатил глаза к потолку, наверно желая перечислить всех адептов поименно, но передумал, — ... были уверены, что он способен не только вызывать трансмутацию металлов, но и служить жизненным эликсиром, панацеей.

Велеречев умолк ненадолго, явно что-то обдумывая.

— Понимаешь, Всеволод, — продолжил он, — действие камня обусловлено, в первую очередь, тем, чего ждет от него владелец...

— Так он что, существует на самом деле? — вырвалось у Севы.

— Конечно! Другое дело, мы не знаем, что именно представляет собой философский камень. А: минеральное образование? Бэ: сложное органическое соединение? Цэ: быть может, не то и не другое — не материальная, а духовная сущность?.... Дэ: или всё наоборот.

Велеречев навалился грудью на стол и пристально уставился в глаза собеседнику; тот не знал, что и делать. Во взгляде этого низкорослого мужчины сквозило что-то ненормальное.

— Наоборот! — повторил он. — И то и другое и третье. Так что, если, скажем, ты желаешь получить золото, то и получишь. Как царь Мидас: все к чему он прикасался, становилось благородным металлом. Бедолага. Он умер от голода, хе-хе.

— А если я буду думать, что там заключена вся мудрость мира? — неожиданно для себя самого выдал напыщенную фразу Сева. Даже неловко стало за неуместный в приватной беседе пафос.

Его собеседник рассмеялся, блеснув металлической коронкой:

— Эк, куда загнул, ха-ха!

Потом посерьёзней:

— Хотя... Эдгар Кейси. Он таки имел «всю мудрость мира». Да-да. И даже использовал её, не без успеха, в лечебных целях. Но действовал он не осознанно, интуитивно. Больные приходили к Кейси, тот входил в гипнотический транс и рассказывал, как им следует лечиться... После не помнил что и почему говорил. Я объясняю этот феномен способностью Кейси, его «второго Я», подключаться к информационному полю Земли. В такие моменты он реально обладал мировой мудростью. Не думаю, что тебе это подходит: быть «репродуктором».

Всеволоду, если уж говорить честно и откровенно, больше импонировала возможность обогатиться посредством камня, чем получение каких-то знаний. Еще не известно, станет ли счастливее обладатель «мудрости мира»... Счастье, оно, конечно, не в деньгах, но с ними проще его добиться. Вот только...

— Допустим, у меня есть философский камень, и я могу получать золото в неограниченных количествах. Оно сразу же обесценится, — размышлял Сева вслух.

— Ну, не скажи... Мы на эту тему часто спорили с одним моим хорошим знакомым. Сибарит, вельможа, гурман и, вдобавок — умница... Умер в сорок пятом. Так вот, он в одной из своих книг поднял проблему мирового господства за счет как раз владения золотом. Не читал?

«Гиперболоид инженера Гарина».

— Так вы с Алексеем Толстым были знакомы? Ни фиги себе... Извините. Это всё же фантастика. В реальности, думаю, как станешь продавать — арестуют и посадят.

Арнольд Адольфович кивнул.

— Ох, Всеволод свет Кириллович! В этом ты трав. Не стоит оно того. Неправедно нажитое богатство не приносит счастья. Это прописная истина, и её можно найти в любой нотации.

«Почему неправедное? — подумал Сева. — Там же столько труда вложить придется», но промолчал. А вот с тем, что некоторые сотрудники Института используют отдельные слова в вышедшем из употребления значении, Юрин уже пообвыкся.

Велеречев, тем временем, продолжил:

— Мы отвлеклись... Пытаясь объяснить феноменальные способности Кейси, я пришел к выводу: в его организме присутствовало некое минеральное новообразование... возможно, что-то вроде камня в почках, но необычной природы. Это и был кристалл философского камня!

— Разве Кейси умел превращать свинец в золото?

— Далось тебе золото! Знаешь, что говорил другой мой знакомый писатель, Олег Куваев в известном романе «Территория» от лица персонажа-промывальщика? «Металл, он и есть металл, но этот — глупый! Из алюминия — самолет, из меди — провод, из железа — трактор, а из этого — сплошная судимость». Хе-хе.

Для Севы писатель Куваев (а тем более его персонаж) авторитетом не являлся, но мысль в некоторой степени здравая. Если не знать о применении золота в электронике и медицине.

— Так вот, Сева. Известны случаи, когда в теле человека обнаруживались чужеродные материалы. Их даже приписывали деятельности инопланетян, хе-хе. В конце восьмидесятых, в Югославии у одной женщины из тела, словно капельки пота выходили металлические кристаллики. Кое-кто усмотрел в этом признак приближающихся войн, и, как ни странно, оказался прав!

— Вы войну в Боснии имеете в виду?

— Не только... Впрочем, об этом еще рано говорить...

Севе пришла в голову новая мысль.

— Арнольд Адольфович, а что если и во мне имеется такой камень?

— Почему нет!? Люди зачастую даже не подозревают о своих необычайных способностях! А хочешь, проверим? Вот, взгляни.

Хозяин кабинета достал из ящика стола пачку снимков, похожих на рентгеновские. На каждом — силуэт человеческого тела. Один показался Севе знакомым. Неужели Ирма?

— Мы разработали прибор для сканирования. Вроде томографии. Названия еще не придумали. Методика проходит отладку, — пояснил Арнольд Адольфович. — Понимаешь ли, Сева, видеть мир можно на разных уровнях.

— Уровнях?

— Это обиходный термин, для удобства. Представь человека. Вот его фото — первый уровень, вот рентгеновский снимок — это второй уровень, вот его аура, биополе — третий уровень... Или так: первый уровень — внешность человека, второй — физиологические показатели, третий — его память, привычки, профессия, четвертый — скрытые способности... Понятно, да?

— Не очень. Как можно видеть профессию?

— Ну, милиционера, или врача, скажем, ты сразу узнаешь! Хе-хе. А Шерлок Холмс?! Он ведь определял профессию незнакомого ему человека по рукам, или по походке, хе-хе. Моя методика позволит, надеюсь, видеть то, что ни человеку, ни современным аппаратам не под силу: седьмой уровень. Хотя, честно говоря, стопроцентных результатов мы пока не добились.

Юрину это ни о чем не говорило: что седьмой уровень, что двадцать седьмой... Хорошо разбираются в рентгеновских снимках: либо врач — по специальности, либо больной — по судьбе.

— А что это за пятна? — заинтересовался Сева. На фоне темных силуэтов отчетливо выделялись светлые зоны и точки.

— Во, во! То самое... Но, понимаешь... не всегда удобно спрашивать: что, мол, у вас, уважаемая, светится? А может это, хе-хе, спиралька контрацептическая!? В общем, накапливаем статистику. Ну, так как, согласен?

— Прямо сейчас?

Сева сконфузился от перспективы узнать о себе нечто такое, что всегда пряталось внутри.

Велеречев всплеснул руками: что, мол, за глупый вопрос!

— А чего тянуть. Оборудование находится в задней комнате. Проходи, раздевайся.

2

Севу разбудил яркий свет и громкие голоса, неожиданно ворвавшиеся в полумрак и тишину капсулы.

— ... Это Юрин! Он у Солнцева в лаборатории...

— Не помню у вас такого. Недавно в институте?

— С апреля, кажется. Так, Всеволод Кириллович?

Сева, не прекращая неуклюжих попыток выбраться наружу, кивнул утвердительно и поинтересовался:

— А что случилось? Где Арнольд Адольфович?

Парень ничего не понимал. Час, а может, полчаса назад хозяин кабинета уложил его на кушетку-тележку и с лязганьем задвинул в цилиндрическую капсулу, посоветовав, напоследок, расслабиться и думать о приятном; Всеволод незаметно уснул...

Сильные чужие руки помогли выбраться. Сева неожиданно засмутился: он в одних трусах стоял перед одетыми в строгие костюмы мужчинами. Это были замдиректора по науке Инхандек и незнакомый мужик с колючими булавочными глазами, которые так и впились в лицо Севы.

Происходило что-то необычное. За неплотно прикрытой дверью в кабинет топтались люди, слышались взволнованные голоса. Сева принялся торопливо одеваться. Незнакомец не спускал с него глаз, буквально жёг взглядом.

— Значит, Юрин Всеволод Кириллович?

Хотя бы одеться дали!

Человек этот, понял Сева, «из органов», иначе как объяснить его бесцеремонность и властный тон!? Да еще в присутствии замдиректора. Что же случилось?

— Да, это я, — ответил Всеволод на вопрос «силовика».

— Давно вы здесь? — продолжил расспрашивать тот.

— Где? — не понял Всеволод.

— Здесь, в лаборатории Велеречева. В котором часу вы пришли сюда?

Сева совсем растерялся. Что означает этот допрос? Однако причин отмалчиваться не видел.

— После обеда... Я на часы не смотрел. Думаю, около двух было.

— А потом?

— Что потом? Ну, побеседовали... Минут, так, десять-двадцать. Арнольд Адольфович предложил мне обследоваться в этом... его аппарате. Я заснул...

«Силовик» как-то криво ухмыльнулся.

— Выходит, вы проспали около трех часов!?

— Как? — изумился Всеволод и глянул на часы — десять минут шестого!

Замдиректора стоял с отсутствующим видом, лишь изредка бросая на Юрина косые взгляды.

Его в чем-то подозревают, решил Сева. Тут в комнату заглянул врач. Во всяком случае, на мужчине надет белый халат, да и пахло от него лекарствами.

— Я закончил. Можно выносить...

У него за спиной, увидел Всеволод, на паркете лежало тело, небрежно покрытое простыней. Ноги парня подкосились, спазмом сдавило горло.

— Что такое? — врач подхватил Севу. — Тяжеленный... Дайте же стул!..

Резкошибануло в нос нашатырем. Всеволод дернул головой, открыл глаза. Все трое склонились над ним. Человек в белом халате убрал ватный тампон от его лица.

— Ну, вот... Ничего страшного. Какие все нервные стали...

— А что с тем? — спросил «силовик», мотнув головой в сторону двери.

— Огнестрельное. Выходного отверстия нет...

Севу опять замутило. Хорошо, еще, что остальным было не до него: наблюдали как выносят тело Арнольда Адольфовича. Впрочем, о Севе они не забыли.

— Итак, Всеволод Кириллович, расскажите подробно: с какой целью вы пришли сегодня к Велеречеву, о чем был у вас разговор... и, пожалуйста, в деталях, — возобновил допрос работник «органов», когда дверь за санитарами захлопнулась.

Севе пришлось поведать о поручении шефа, о философском камне... Допрашивающий скептически хмыкал, время от времени поворачивался в сторону Инхандека, молчаливо вопрошая: не ломает ли молодой специалист комедию, не «льет колокол»? Лицо замдиректора оставалось непроницаемым, но Сева видел — Инхандек слушает очень внимательно.

— А кто запер дверь: вы или Велеречев? — спросил, неожиданно, «силовик».

— Какую дверь? — не понял Всеволод.

— Входную дверь в кабинет. Она ведь была заперта изнутри.

Сева тупо моргал глазами.

— Никто не закрывал. Когда я пришел, она была открыта... То есть, наверное это Арнольд Адольфович...

— Зачем?

— Почему я знаю?! — чуть не на крик сорвался Всеволод.

— Спокойнее. Что вы так нервничаете? Значит, вы спали внутри капсулы и ничего не слышали?

— А что я должен был слышать?

— Ну как же... В кабинете устроен форменный разгром, все перевернуто вверх дном! Потом мы стучали, вскрывали замок...

— Алексей Вадимович, можно вас сюда? Тут такое... — раздался из-за двери голос незнакомого молодого мужчины.

«Силовик» оставил Севу, вышел на зов. Что он увидел, похоже, так его поразило, что он не удержался от громкого восклицания. Стеллаж с книгами и запчастями был сдвинут в сторону, за ним виднелась распахнутая дверца вмонтированного в стену сейфа. А в глубине тускло отсвечивало содержимое: десятки, если не сотни различной величины желтых камушков размером от грецкого ореха до кулака взрослого мужчины...

Если бы Сева видел в этот момент глаза Алексея Вадимовича, то подумал бы, что такого человека никогда не возьмут работать в старательскую артель, моющую золото где-нибудь на

I. Схватка

1

Вероятно, не много найдется ребят, которые не дрались хоть раз в жизни. Конечно, статистики допускают их существование. Но всё ли фиксируют эти вечные борцы с теорией вероятности? Учитывают ли в своих подсчетах, скажем, отмахивание младенца от нежных маминых рук, когда ограничивают его свободу, натягивая первый в жизни подгузник?

Всеволод, не избежал, разумеется, драк. Правда, последняя была в седьмом классе. А та, что приключилась на втором курсе — это скорее просто пьяная возня. Да что с ним драться? Высок, скорее длинён, и худ. Про таких говорят, что им любой спорт противопоказан, даже домино: стукнет, неровён час, костяшкой о стол покрепче — рука и переломится. Сам же молодой человек, лишенный от природы агрессии и даже чем-то похожий внешне на пацифиста Джона Леннона, выяснять отношения ни с кем не стремился. Он и так, со своих метр девяносто пять, смотрел на мир сверху вниз.

Однако, повальное увлечение восточными боевыми искусствами не миновало Всеволода Кирилловича Юрина, обладателя второго взрослого разряда по шахматам. Он ходил, какое-то время, на занятия в секцию карате, но так и не добрался до полноценных спаррингов. Зато просмотрел все фильмы с участием Брюса Ли и, конечно, его любимым каратистом стал высоченный негр из «Дракон пришел». Сева часто представлял себя на его месте, когда тот остается в обществе кучи красоток. Так что к драке Сева оказался, в некоторой степени, готов. Но всё же...

Внезапно мир вспыхнул буйством красок и звуков. Так бывает, когда, спасаясь от духоты и вонь реактивов, заполнивших маленькую комнату во время проявки-печати фотографий, сдергивают одеяло и распахивают окно, выходящее прямиком на облитый майским солнцем палисадник.

К Севе разом пришло ощущение неуязвимости. Он понимал, что не способен, конечно, ни остановить пулю на лету, ни даже перехватить брошенный тренированной рукой утяжеленный у острия десантный нож. А вот предугадать, куда будет направлен ствол оружия, увернуться от приближающегося клинка или уйти с «биссектрисы» за долю секунды до выстрела, как Таманцев в «Моменте истины» — вот что по силам!

— Скорость твоей реакции... Увеличена... Вдвое. Все, что могу тебе. Сейчас...

Юрин видел перед собой вовсе не того моложавого с «благородной сединой» на висках мужчину, каким он знал своего начальника, а человеческую развалину. Егорыч, минуту назад похожий на Тихонова в роли Штирлица, сдал буквально на глазах — часть своей мощи он передал помощнику. Видно, раньше поддерживал внешность магией, а теперь, лишившись магических сил...

— ... лучше быть мощным одному. Чем оставаться полусильными вместе, — произнес, словно угадал чужие мысли, Егорыч.

Да чего там: слышал мысли Севы Егорыч, слышал.

За дверью все еще топтались в нерешительности парни Меченого. В другое время или в другой обстановке, наверно, это были отличные ребята. С ними можно играть в футбол, или смело пойти в поход хоть высшей категории сложности, махнуть в горы, на К-2, к примеру. С

ними наверняка хорошо быть в одной команде. Но сейчас они по разные стороны. И у парней в руках срезки арматуры.

— Попробуй, сделай что-нибудь.

Сева бросил на Егорыча недоуменный взгляд. Тот, сухо шевеля губами, пояснил:

— Надо привыкнуть к новым возможностям...

Слова давались ему с огромным трудом. Но, видно, Егорыч приноровился к теперешнему состоянию, еще раз доказав, что человек — создание исключительно выносливое, приспособится ко всему. Откуда он выжал чуток сил? То ли напился серым сумеречным светом из окна, то ли подхватил полной грудью прану из воздуха помещения. Ведь сразу после сброса энергии на Юрина Егорыч был вообще «никакой».

Сева нагнулся за обгорелой спичкой, лежащей на полу... И пребольно стукнулся рукой о паркетину, хрустнувшую от удара. Неожиданно.

— Привыкай быстрее... Они ждать не будут.

В самом деле, молодцы, вооруженные железными стержнями, перешли к решительным действиям. На счастье Севы и Михаила Егоровича дверь открывалась наружу, так что амбалам пришлось минуту, а то и полторы, биться в неё с разбегу плечами, прежде чем удалось сокрушить «внешнюю линию обороны», на поверку оказавшейся не столь уж и хлипкой.

Первым в комнату ввалился парень, которого друзья звали Питон. Кличка как нельзя лучше подходила верзиле одного с Севой роста, но имеющему кулаки размером с пивную кружку каждый. При взгляде на этого бугая, поражающего воображение налитыми кровью глазами, сразу становилось ясно, что определение «отличные ребята» подходит мальчикам так же, как «Шарик» матерому волчаре. Питон быстро огляделся, и, не мудрствуя лукаво, замахнулся арматуриной. Сева сделал то, что ни одному обычному человеку не под силу: в один миг подскочил и ударил. Ударил неумело, в грудь. И тут же отскочил.

Впечатление, что осталось у Севы — будто он со всей дури врезал кулаком по бетонной стене, покрытой тонким слоем поролона. Ощущения Питона вообще не поддаются описанию: пробитая грудная клетка, поврежденное легкое, хлещущая из пробоины кровь... Он, несмотря на рану, махнул железякой, но скорее «на автопилоте». Кусок арматуры выпал из разжатых пальцев, зазвенел по полу. Парень схватился за грудь и завалился на бок, освобождая дорогу дружку.

Отличительными особенностями Шнапса были: «боксерский» нос, — приплюснутый, словно вдавленный в переносице, — и белесые, навывкате глаза. Внешность и повадки громилы вызывали сильное сомнение в наличии у него сколько-нибудь развитого интеллекта. Максимум — жать педаль акселератора.

Да, Сева, неважную команду ты бы выбрал, если б на свою беду примкнул, скажем, по малолетству, к такой компании.

Мельком бросив взгляд на упавшего, и решив, что того кольнули чем-то острым, белоглазый пришел в ярость: рот искривился, руки задрожали, в голове исчезли последние проблески разума. С неистовством взбешенного буйвола ринулся он на обидчика, пнув, походя, ногой оказавшийся на его пути стул. Сева сумел избежать столкновения, уклонившись от этой живой торпеды, словно матадор. Правда, никто из матадоров не успел бы вот так развернуться и отвесить удаляющемуся быку веский пинок. Витька Шнапс получил солидную прибавку к набранной скорости и не успел остановиться. А даже многослойный череп троглодита не предназначен таранить капитальную, довоенной кладки стену. Что говорить об обычной, хотя и тренированной лобовой кости Шнапса?

От страшного удара всем живым весом по штукатурке зазмеились трещины. Несколько мгновений Витька оставался недвижим, как натурщик для скульптуры «Мужчина, пытающийся

заткнуть дыру в плотине головой», затем отклеился и, по балетному плавно взмахнув руками, рухнул на спину. Стену окрасили темно-бардовые разводы.

Третьим и четвертым номерами на сцену явились накаченный крепыш Тайсон и тощий вертлявый Глист. Разгоряченный схваткой и легкими победами, пьяный от выплеска адреналина Сева сам бросился на бандюганов.

Тайсон не даром носил такую кличку — железные кулаки и отменная реакция делали его весьма опасным соперником; но, по сути, остерегаться стоило, в первую очередь, не его. Мерзкий и злобный Глист, презираемый даже своими, очень хотел отличиться, заработать у братков авторитет каким-нибудь кровавым «подвигом». Не ярость и безрассудство, как у Витьки Шнапса, руководили им, а холодный расчет, которые большинство назвали бы подлым. Держа правую руку за спиной, он сжимал в кулаке рукоять выкидного ножа. Когда Тайсон привлек внимание Севы, Глист бросился вперед, стремясь оказаться у противника за спиной. Сухощелкнула пружина, предъявляя в качестве весомого аргумента лезвие из крепкой, пусть и не закаленной стали, но отточенное так, что можно резать аппендиксы. На свое счастье Сева краем глаза уловил блеск у руки подонка, отреагировав молниеносно, ударив, как в «крутых» боевиках, ногой. Попал по запястью. Тяжело гудя, словно сорвавшийся ненадежно закрепленный пьяным токарем в кулачках болт, нож пересек комнату и угодил в оконное стекло, но не выбил, а лишь оставил дыру с кулак размером. Глист дико завыл.

В это же мгновение перед глазами Всеволода распустился огненными брызгами праздничный фейерверк. Засветил этот салют Тайсон — угодил кулаком в район виска.

Как боксер после пропущенного удара, который в порядке, и просто решил передохнуть, пока судья досчитает до восьми, Сева припал на одно колено, упершись рукой в пол. Правда, в отличие от опытного спортсмена, парень сейчас плохо представлял, что происходит и где он. Всего пару секунд — Сева придёт в себя.

Но Тайсон не собирался давать противнику это время. Не обращая внимания ни на вопящего фистулой Глиста, согнутого пополам и прижимающего битую руку к животу, ни на Питона, лежащего с раскинутыми руками и медленно истекающего кровью, ни на счастливо улыбающегося Шнапса, плящегося в потолок, Тайсон со вкусом отвел ногу назад, для удара по лицу. Ах, как сейчас он вломит этому «грачу»! Какой фонтан брызнет алым из переломанного, расплющенного носа!

2

Но ударить так, чтобы — ах! — Тайсону не довелось. Он чуть не упал, маханув ногой по пустому месту. Долговязый — исчез. Только что был тут, и исчез. Тайсон мигом огляделся, ожидая подвоха: нападения со спины. Пусто! Матерясь сквозь зубы, бандюган по-жлобски запустил руку за пазуху и извлек небольшую дощечку с затейливым геометрическим рисунком, похожую на те, что привозят из командировок в Индию в качестве амулета. Деревяшка эта, должно быть, языческий оберег, болталась на толстой и длинной золотой цепочке (грамм так на шестьдесят шесть), свисающей со сваеподобной шеи на волосатую гориллистую грудь.

— Босс, это Тайсон. — сказал прямо в амулет, как в микрофон. — Сопляк завалил наших и пропал. Я только примерился врезать ему в хлебальник, а он раз — исчез. Как сквозь землю! И что делать?

Ответ донесся из деревяшки:

— Где второй?

— Кто? — Тайсон опять завертел головой вправо-влево.

— Кроме пацана там должен быть мужик. Лет пятидесяти.

— Ага. Валяется тут один, наверное Питон уложил, я не видел... Но только ему... лет сто. Невидимый собеседник Тайсона витиевато выругался, и приказал:

— Жди, иду сам.

Бандюган спрятал амулет, поднял стул, опрокинутый Шнапсом. Аккуратно вправил вывихнутую ножку, осторожно присел.

«Да-а-а-а... Кто бы мог подумать. Всю братву, ведь, длинный перекалечил. Надо бы им помочь, да как? — размышлял Тайсон. Мысли текли плавно, лениво. — Может шеф мне чего отстегнет в довесок? Ну, типа премии».

В углу тихо хныкающий Глист решил заголосить погромче.

— Заткнись! — прикрикнул Тайсон. Достал, не торопясь, сигарету и прикурил от дешевой, хоть и позолоченной, зажигалки. Видать, очень равнодушен был этот «хозяин жизни» к презренному металлу. Как и все бандюганы из бывшей Страны советов.

— Он, сука... руку... мне... сломал, — доносилось вперемешку со всхлипами.

Тайсон поднялся, нехотя. Присел возле друга, щупанул припухшую конечность. Глист взвизгнул.

— Хреново, — констатировал Тайсон, — шину надо поставить, или чего-то там... Я не знаю как. Не ной! Сейчас Хозяин придет, поможет. На, хлебни пока.

Тайсон извлек из внутреннего кармана куртки-косухи плоскую металлическую фляжку, протянул увечному. Глист ухватил сосуд левой рукой, отхлебнул — едва не поперхнулся. Коньяк. Видимо, французский — у Тайсона все похоже на фирменное и дорогое: «прикид», сигареты, печатка на пальце; и жрать он желает лишь черную икру да осетрину.

Дверь, косо держащаяся на одной петле, скрипнула жалобно. На пороге стоял человек в широкополой шляпе (а-ля ковбой на пенсии); длинном, до пола, плаще, туго перепоясанном в тонкой талии; в темных очках. Опереточный злодей, да и только.

Несмотря на театральное одеяние, облик «Хозяина», с первого взгляда внушал уважение: чувствовалась в нем скрытая яростность, подкрепленная властной уверенностью. Человек, вне всяких сомнений, привык не просто командовать тупоголовой «братвой», а повелевать окружающими: казнить и не миловать.

Тайсон сразу же подтянулся, словно разгильдяй прапорщик, завидевший старшего офицера-карьериста.

Босс, ни слова не говоря, прошелся по комнате, нагнулся над бездыханным Питоном, оттянул ему веко, достал носовой платок, деловито и привычно-ловко отер пальцы.

— Готов.

Тайсон вздрогнул: не каждый день кореш, с которым буквально час назад потягивал в машине из горлышка холодное пиво, оборачивается столь же холодным трупом. Эх, тяжела ты, доля «джентльмена удачи». И ведь никто слезинки не прольет по Антошке Федорове: отца не знал, а мать спилась, да и померла, когда сыну было неполных двенадцать; затем детдом, ПТУ, первое «дело», колония-малолетка. Дальше — больше. Стал Антон Питоном, благо природа не обидела: и ростом удался, и силенки невпроворот. Знаниями не блистал, зато смекалки, — где, чего проверить, как «наехать» на бизнесмена или просто лоха и «срубить капусту», — хватало. «Братки» его уважали, побаивались даже: злой, да не просто злой — жестокий.

При виде Хозяина Глист замолк. Это далось ему не без труда — гримасы боли выдавали состояние подонка. Но босс, — Глист знал, — не терпел нытиков. Он героически стиснул зубы, и не проронил звука, когда Хозяин осматривал сломанную кость горе-помощника, лишь размазывал левой рукой обильные капли пота на лбу. Откуда-то из под плаща босс явил на свет небольшой потертый саквояжек: такие лишь в кино про американцев видели парни. Хозяин

раскрыл пузатую кладь, вытащил шестигранный флакончик красного стекла и пластмассовый стакан, накапал пахучего зелья, дал глотнуть Глисту. Затем провел ладонью над местом перелома — опухоль на руке моментально уменьшилась.

Тайсон с восхищением наблюдал за действиями шефа. Колдун, в натуре, чистой воды чародей! Он, глядишь, и Питона оживит?

— Отломи планку от шкафа, — проскрежетал, не оборачиваясь, Хозяин Тайсону, — шину поставим.

И, уже обращаясь к Глисту, успокоил:

— Как на собаке заживет. А пока будешь левой лапой орудовать — сделаю тебя левшой.

На всё про всё ушло минуты две: босс не тратил на пустяки драгоценное время. Перешел к Шнапсу — тот оставался недвижим, но дышал; на лбу вздулся огромный кровоподтек.

— Живой. Повезло ему, наверно, — обронил босс. Тайсон хмыкнул. — Я говорю: повезло, что мозгов нет, а то получил бы сотрясение.

Тайсон подхалимски загоготал.

Хозяин опустил на корточки и сделал несколько быстрых движений раскрытой ладонью, чуть не касаясь лба Шнапса. Тот открыл глаза, рывком сел. Босс плеснул ему того же зелья, что и Глисту. Громила поднялся, покачиваясь, словно дредноут на невысокой балтийской волне.

— Там, в конце коридора туалет. Иди, смой кровь с морды, — приказал босс. — Работнички, мать вашу! С одним дохляком-доходягой не совладали!

— Босс, он как реактивный был! В натуре, клянусь!! — оправдывался за всех Тайсон.

— Оставь свой жаргон, урка недоделанный! Не люблю. — Хозяин строго глянул на бандюгана.

Добавил, чуть погодя:

— Не распинайся зря. Ясно, что здесь не обошлось без переброски биоэнергии. Не морщи лоб — не для твоего ума эта проблема. Давай-ка старичком займемся.

Он оглядел кабинет, оценивая, должно быть, где удобнее «заниматься старичком». Выбрал солидный двухтумбовый стол, принадлежащий Егорычу, бесцеремонно одним движением смахнул с него все бумаги, настольную лампу и телефонный аппарат. Трубка телефона обиженно запищала, но тут же и умолкла — босс выдернул шнур.

Егорыча поместили на стол. Он, похоже, был жив, но в глубоком обмороке, если не в коме. Босс скинул плащ, швырнул, небрежно, на спинку стула, оставшись в сером, с «искрой» костюме, на заказ, видимо, сшитом.

«Клевый прикид», — мысленно отметил Тайсон — понимал толк в фирменных вещах.

Босс извлек из саквояжа еще один флакончик, на этот раз темно-коричневого, как у пивных бутылок стекла, поболтал, посмотрел на свет, задумчиво насвистел что-то. Достал короткий нож, протянул Тайсону:

— Разожми ему зубы.

Тайсон честно пытался выполнить поручение, но зубы старика не поддавались. Он, похоже, откинул копыта, да и окоченел уже. Тайсон бросил испуганный взгляд на начальника. Тот криво ухмыльнулся: ну, помощнички!

— Ладно, переверни его на спину и держи губы.

Кому такое понравится? Но Тайсон смиренно выполнил поручение.

Наблюдая, как Хозяин вливает, по капле, розовую жидкость в рот старичку, Тайсон вспомнил, вдруг, похожую сцену из читанной, когда-то, книги. Любил он читать, раньше. После не до книжек стало... «Граф Монте-Кристо», — всплыло в памяти бандюгана. Точно: Эдмон Дантес капает настой в рот безжизненному аббату Фариа. Чувствовать себя помощником будущего графа ему импонировало: вроде как доброе дело совершает. Тайсон ведь не был

исчадьем ада. Просто были нужны деньги — и он их делал. Как умел. За то, что бы забить насмерть человека ему платили тысячу долларов. Нормальные деньги! А тут босс пообещал столько, что можно не лишать жизни целый посёлок. За такие бабки можно и поддержать губы покойнику. А что? Мертвые не кусаются...

Действительность вступила в противоречие с опытом. Мертвяк внезапно резко согнул шею, и пальцы левой руки Тайсона оказались у него во рту.

— А-а-а!!!!

Вот так: безымянный, средний и указательный пальцы остались без первых фаланг. Тайсон с ужасом и отвращением смотрел на руку, тряс ею, забрызгивая все округ. Пришлось срочно вмешаться Хозяину. Босс перехватил Тайсона за запястье, сделал резкие движения вверх-вниз и по кругу — кровь в момент перестала фонтанировать.

— Не визжи!

В углу Глист принялся издавать какие-то подозрительные звуки. Тайсон бешено зыркнул на него. Друган замолк.

Тут умерший заговорил:

— Что тебе от меня надо, нежить?

— Ну-ну, обзываемся? — с видимым облегчением осведомился босс. — Я уж опасался — ты у нас особенный, магии не подверженный.

— Что тебе от меня надо, нежить?

— Сейчас, сейчас твоё любопытство будет удовлетворено...

В оккультном мире существует множество практик оживления трупов. О некоторых знал даже Тайсон: любил он посмотреть по видео новенький «жутик». Но никогда ещё низ живота у него не стягивался в такой холодный узел от страха перед происходящим.

Босс запел. Предварительно он скрючился, скривился, и пошел кругом, приволакивая ногу. Напоминал при этом голодного стервятника, который кружит около найденной добычи, таща за собой мешающие на земле крылья. Вытянутая шея и шляпа делали его еще более схожим с грифом. А вот звуки песни...

Слов не было, как таковых. Утробное ритмичное завывание, перемежающиеся гортанными причмокиваниями-прищёлкиваниями, вот что несло по комнате, заставляя вибрировать оконные стёкла.

Вернувшийся из туалета Шнапс потом говорил, что пришел в себя оттого, что у него в груди будто сработал будильник: всё затряслось мелко-мелко и запищало в ушах. Глист, всё еще потрясенный спасением руки, ничего подобного не заметил. Ему казалось, что просто где-то включили компрессор, вот окна и зазвенели.

А что они должны были почувствовать? Не про них творилась та волшба.

Труп старика, начавший под действием эликсира не только кусаться, но даже и говорить, проявил признаки страдания: видно, противился тому, что с ним делало заклинание, облаченное в форму «песни».

Тайсон не удивился бы, если из старческого полутрупа показался, вдруг, голубой дымок, или туманный человечек, которым режиссеры любят имитировать отлетающую душу. Ничего такого. Сгорел старик. Начал обугливаться, причем совершенно без дыма и язычков пламени, и исчез полностью.

— Что это было? — без всякой надежды на ответ прошелестел со своего места Глист.

Но боссу требовалось похвастать. Не будь «братвы», он бы похвастал сам себе:

— Я перевел его в волновую материю. В прежнем состоянии ничего бы он нам не рассказал. А так, может, что узнаем... Я всё что можно, из этого тела, — Хозяин сделал жест в сторону стола, на котором покоился недавно старик, — забрал. И передал кое-кому. Так что у

вас теперь свой колдун и маг имеется. Не бог весть что, конечно, да уж какой получился — при переброске часть энергии теряется безвозвратно. Старик-то считал, что всё отдал мальчишке. Ан нет. Я еще ой как много из него сумел высосать! Жаль, только, о камушке сказать ничего не сможет...

Раздалось побряхтывание. Это вставал Питон.

Произошло чудо.

Чудо не в том, что мертвый поднялся — эка невидаль. Вон, старикан только что нежитью обзывался; а про зомби кто нынче не слышал? Нет, чудо было реальным — Питон плакал.

Из его глаз текли одна за другой крупные чистые капли, пробегали по подбородку и исчезали где-то на груди. А сами глаза были как у мироточащего изваяния: пустые и глядящие зрачками внутрь.

— Ты что, Пит? — произнес Шнапс, присевший на корточки у стенки по причине сильнейшего головокружения.

— Мне было хорошо. Я видел свет. Зачем вы меня разбудили?

Такие слова от Питона! «Братки» не знали, что и подумать.

— Сопли подбери, — бросил Хозяин жестко. — Не для того я тут возился с этим старикашкой. Куда он его отправил? Куда послал мальчишку, где спрятал? Отвечай!

Тот, кто еще недавно был Питоном, молчал. Тайсон, заметив, что босс начинает багроветь от злости, заторопил:

— Пит, не тяни. Тот пацан, что убил тебя... Где он? Говори, скорей. Шеф нас туда отправит.

Антон-Питон, вдруг, усмехнулся, и четко назвал место, куда Егорыч направил Севу.

Босс извлек из кармана амулет, — точную копию того, что имелся у Тайсона, — средство связи, вполне в духе колдуна. Сказал отрывисто:

— Меченый! Быстро приезжай! Дело!

II. Сквозь время

1

Как много из того, о чем мечтается в детстве, остается нереализованным. Охота в тропическом лесу, покорение глубин с аквалангом, полет в космос, парашютный прыжок... Детские мечты порой тем и хороши, что не становятся реальностью.

Когда Всеволод Кириллович Юрин был еще Севкой, то часто пробовал представить, что ощущает человек в свободном падении, когда нет веса, по всему телу бьют тугие жгуты воздуха и на тебя несется с бешеной скоростью земля. Удивительные, должно быть, чувства рождает полет... Эх, хороши бесплодные грезы детства! Именно неосуществимостью.

На самом же деле, когда под ногами внезапно пропала опора, Всеволода скрутил животный страх, выключив остальные чувства. Он падал в никуда, в темноту, и ужас не отпускал, давя, как пассатижи орех. Начисто пропало ощущение атмосферы. Он — мельчайшая песчинка, несущаяся сквозь пустоту навстречу... Чему? Он сгорит метеором в плотных слоях? А если вовсе не будет атмо- или гидросферы, например жидкого метана? То в лепешку о твердую поверхность? Кажется, он кричал, пока не исчез сам для себя.

Сева пришел в сознание от страшного зуда на лице, ладонях, запястьях. Массированная атака комаров. Сотни, если не тысячи кровососов сотрясали воздух мерзким писком над распластавшимся на земле человеком, а десятки самых успешных уже наполняли серые брюшки. Укусы оказались действенным противообморочным средством — не хуже нашатыря

или похлопывания щек. Сева приподнялся, протер руки и лицо, давя назойливых тварей; с трудом сел, опираясь о землю (невероятная быстрота реакции пропала, он вновь стал обычным человеком), огляделся. Лес. Не просто рощица какая, а настоящая тайга. Огромные — не обхватишь — сосны стояли плотной стеной. Их ветви почти закрывали небо, отчего тут царил полумрак, хотя сейчас, — указывал кусочек голубизны над головой, — была середина дня. Деревья от корней до кроны поросли мхом, как и почва вокруг. Сырость. Низинка. Джинсы на зад у уже пропитались водой. Но не только с зудом и промокшими штанами связаны неудобства: что еще не так?

Сева ощущал себя и ахнул — исчезли фирменные японские плавки, джинсы теперь надеты прямо на голое тело, мало того — с них пропал «зипер», пуговица и клепки. Отсутствовали пуговицы и на рубашке. Что за хрень такая? Он с беспокойством глянул на ноги: дорогушки кроссовки, слава богам, на месте, хотя без шнурков. И носков нет. Сева поднялся на затекшие ноги, придерживая одной рукой джинсы, другой отгоняя настырных комаров. Потрясение, вызванное падением в бездну, еще не прошло; голова соображала туго. Душили отчаяние и обида — впору закрыть лицо руками и разрыдаться. Но было не до слез: проклятые насекомые, решили, по-видимому, выпить из него всю кровь, до последней капли. Пришлось срочно изыскивать защиту. Всеволод заметил низкорослое лиственное дерево, вероятно осинку (скудны были его познания в ботанике). А, не один ли черт! Не время забивать башку ерундой! Он отломил ветку погуще и попробовал махать ею — без толку. Обнаружив, что материал достаточно гибок и прочен, Сева выбрал ветвь подлиннее, очистил ее от листьев и пристроил на джинсы вместо ремня. Нелепая конструкция не позволяла штанам свалиться. Рубашку пока пришлось оставить расстегнутой, давая дополнительное преимущество комарам, не желающим оставить человека в покое. При всех неудобствах, доставляемых кусачими тварями, их существование следовало считать несомненным плюсом — из-за них Юрину не доставало времени для стенаний по поводу отчаянного положения, в котором оказался.

2

— В любом лабиринте есть выход, — утверждал Егорыч, и добавлял, — даже если этот лабиринт кишечник сожравшего тебя хищника. Другое дело, что в этом случае будешь выглядеть на выходе несколько...э-э, неприглядно. Хотя, многие и при жизни являются... тем самым.

Шеф имел в виду, разумеется, не своего помощника. В это Севе хотелось верить. Уважал Егорыча, хотя и недолго любил. За редкостное занудство. За желчный, неуживчивый характер: настоящей язвой был Егорыч. Упаси бог попасть ему на язык. Потому, верно, и жил бобылем — ни семьи, ни родных. Коллеги тоже его сторонились, даже побаивались: все-таки маг первой категории. Таких, на весь Институт было трое: Директор, Инхандек да Егорыч.

Юрин, когда его зачислили в лабораторию Солнцева, волновался страшно: а ну как не потянет он, или не сработается с шефом. Эль-Файед, напутствуя Севу, дал такую характеристику Солнцеву: «Сложный человек Михаил Егорович. Нетривиальный. И непредсказуемый — вещь в себе».

Удивительно, они сработались. Егорыч вечно брюзжал, ехидничал, зачастую весьма нелестно отзывался об умственных способностях нового помощника, но оказался, в сущности, не таким монстром, какимставляла молва. У него было железное правило: сор из избы не выносить. Все, что происходит в его Лаборатории, касается только их, для институтского начальства они — единая команда. Никому Егорыч не даст в обиду своих.

Служебные дразги, попортившие немало крови, перед лицом настоящей опасности казались мелким недоразумением. Егорыч и Сева были вдвоем на весь Институт, — рабочий день закончился, — когда явились парни Меченого.

«Наверняка он отправит их вслед за тобой. Как только будешь на месте, сразу уходи... Держи строго на запад. Постарайся выйти к...», — сбивчиво объяснял Егорыч, пока еще выстаивала дверь, сотрясаемая ударами. «Кто «он»?», — перебил его Сева. «Главный... Прощай Всеволод... Я начинаю вить заклинание, отбивайся...».

3

Держи на запад... Эх, Егорыч, Егорыч... Где этот чертов запад!? А ведь что-то такое проходили в школе, по географии... Всеволод напрягся. Припомнил: мох наиболее густо растет с северной стороны дерева. Ну, да, верно! Если встать лицом к северу, запад будет... слева. Туда!

Сева шел, не разбирая дороги, лишь бы убраться подальше. Продирался сквозь кусты, преодолевал буреломы. Шел, подсознательно стараясь приметить следы присутствия человека: тропинку какую-нибудь, просеку-вырубку, затесы на стволах... Ничего. Дикой, неприветливой выглядела чащоба, в которую забросила судьба.

Лес наполнился звуками. Отовсюду неслись: стрекот, жужжание, перестук, чириканье, писк, хруст. То и дело, буквально из-под ног, выпархивали птицы. Да, сколько их тут? Бурые белки, а может и куницы, или даже соболи, прошмыгивали, сотрясая густую хвою прямо у Севы над головой. Непуганое зверье. Да, похоже, не часто забредают сюда люди. Стоп! Что там еще!? Хруст стал отчетливее и сменился громким треском — должно быть, крупная топталась животина, да не одна. Сева, на всякий случай, пригнулся и осторожно раздвинул кусты. Взору открылась широкая поляна, беззаботно освещенная солнцем. Несколько мгновений глаза привыкали к свету.

Ого! С противоположной стороны, ломая заросли, выскочил бык. Коричневой масти, со светлой полосой вдоль хребта, с хищно изогнутыми рогами.

Юрин, сугубо городской житель, побаивался любую скотину, если та была крупнее кошки, но сейчас появление животного обрадовало — значит где-то рядом люди! Выходить из укрытия он, все же поостерегся — бес его знает, что на уме у этого красавца-рогоносца. Инстинкт, как стало ясно сразу же, спас Севу от огромных проблем. Бык повел себя очень странно: выскочив на поляну, развернулся, задрал голову и издал утробный рев, исполненный такой дичайшей ярости, что враз умолкла лесная пернатая мелочь. Ответом ему был звук, которому позавидует и паровоз; на поляне появился еще один бугай — практически близнец первого. Свирепые самцы принялись бить копытами землю, вырывать рогами и кидать за спину куски дерна. Убедившись, что ни рёвом, ни угрозами противника не испугать, быки закружили, намереваясь устроить нешуточный бой. Раздался стук, словно щелкнули огромные кастаньеты — это сошлись в пробе крепости рога. Будто мушкетёры проверяли прочность шпаги визави. Сева запутался, который из быков выбрался на поляну вначале, и не мог бы сказать: какой первым рванул в атаку. Тяжелый топот, фыркание, хрипы сопровождали яростную схватку. Дрожала земля. Быки расходились, мотали пенными окровавленными мордами, ревели и опять шли «на таран».

Сева остолбенел. Напуганный и потрясенный стоял он, боясь шелохнуться. Неистовая злобность бешеных тварей противоречила всем его представлениям о домашних животных. Самый свирепый андалузский бык, гроза матадоров рядом с этими монстрами живой природы смотрелся бы как немецкая овчарка вблизи сцепившихся в смертельной схватке бультерьеров.

«Они ж дикие!», — дошло до невольного свидетеля поединка.

Один из «бойцов», истекая кровью, завалился на бок.

Сева, стараясь не наступить на какую-нибудь хрупкую веточку, поспешил прочь от опасной поляны, благо она лежала в стороне от «магистрального направления». «Нужноделатьноги, нужноделатьноги, нужно...», — крутилось в голове заевшей пластинкой.

Лес кончился внезапно, как обрезаю. Впереди — чистое поле. Именно чистое: ни построек, каких, ни пашни. Вольные луга. И ни малейшего намека на человеческую деятельность.

Вечерело. Сева пребывал в абсолютном отчаянии. Куда теперь!? Ноги подкашиваются, желудок подвело, все тело зудит от комариных укусов, чешется, а лицо опухло, точно с двухнедельного запоя. Так и брел он полем, куда глаза глядят, решив, что нужно идти, покуда хватит сил, на запад, а там... видно будет.

Рано или поздно кончаются силы и у самых выносливых. Всеволод понимал, что дошел до предела своих возможностей. Приспела ночь; темень — хоть глаз коли.

«Всё, приехали. Конечная станция. Пассажиров просим покинуть вагон».

Сейчас он упадет и... В этот момент Сева ткнулся в изгородь. Сначала он ничего не понял и несколько мгновений с упорством достойным барана налегал грудью на препятствие. Наконец дошло: «Забор! Ограда, плетень, тын... О, боже, здесь люди! Человеческое жильё». Изгородь была почти два метра высотой и сделана на совесть — без прорех.

— Эй, люди! Хозяева!!! — прокричал Сева.

Голос утонул в ночи, как в пруду камень. Ни звука в ответ. Хотя бы собака залаяла... Где-то должна быть калитка. Или ворота. Сева пошел вдоль изгороди. Она тянулась и тянулась сплошной лентой, плавно загибаясь, без каких бы то ни было промежутков...

Сева остановился — требовалось собраться с мыслями и найти выход. Вернее вход. Ограда, похоже, шла по кругу. Может, в темноте, он уже обошел ее всю. А может и не один раз? Сева схватился за голову. Что за чертовщина происходит!

«Так, спокойно. Не будем поддаваться панике. Раз огорожено, зачем-то это нужно... Гениальная мысль!»

Сева громко расхохотался, давая разрядку натянутым нервам, и испугался — смех жутко прозвучал в ночной тишине. Так нельзя. Успокоиться. Взять себя в руки.

«Дьявол их знает, для чего они поставили изгородь. Потом разберусь. Надо перелезть ограду и идти к центру круга. Почему к центру? Ну, так... Если там что-то имеется, то, скорее всего — посередке. А если ничего нет? Можно будет хотя бы заночевать в огороженном месте, а не посреди дикого поля».

Боялся зря. Шагах в сорока от забора Всеволод едва не впечатался в бревенчатую стену. Изба.

Сева остановился в нерешительности — уж очень неприветливо выглядел этот дом. Темные, наглухо закрытые ставнями, окна. Полное безмолвие. Склеп просто. Но чувство опасности у еле волочащего ноги путника притупилось настолько, что он отмахнулся от мрачных мыслей и поднялся на крыльцо. Постучал.

— Входи, человек, коли с добрыми помыслами.

Дверь отворилась с мелодичным, каким-то даже родным, скрипом. Сразу же в глаза ударил яркий свет. Электричество! Вполне цивилизованное жильё. Впрочем, Севе было уже все равно.

— Проходи, гость дорогой.

Голос показался Юрину знакомым.

Сева пересек прихожую, — а не деревенские сени, как можно было ожидать, — и оказался в просторной комнате.

— Здрас... — Слова застряли в горле — с дивана у стены на Севу смотрел, приветливо улыбаясь, Егорыч. — Вы?!

— Как звать-величать тебя, добрый человек? — Егорыч не признал помощника. Или делал вид, будто не узнает.

— Егорыч, это же я, Всеволод!

— Садись Всеволод. Вот и стул.

Опять загадки. Не много ли на сегодня? От усталости Сева уже ничего не соображал. Покорно уселся, точнее, рухнул на стул, а глаза закрылись сами. На минуту-другую парень буквально выключился, но хозяин легонько тряхнул его за плечо.

— Притомился, Всеволод? Вижу... Из леса, значит, вышел? Давай-ка, я тебя в ванную провожу.

Сева поднялся и безропотно последовал за хозяином.

— Вот душ, — пояснял Егорыч. — Ты сначала горячий сделай, потом ледяной, потом опять горячий — усталость пройдет. Вон полотенце. А одежей твоей я озабочусь.

Живительные струи помогли Юрину вновь ощутить себя мыслящим существом. Благодать! Так бы и сидел под душем...

«Хватит. Хорошего — понемногу».

Не терпелось поговорить с Егорычем — пусть объяснит, что все это значит.

Хозяин постучал и сказал, что одежду оставляет на стульчике, перед дверью ванной.

Сверху лежали трусы. Обычные, хэбэшные, разве что вместо резинки — тесёмка... Не ношенные. Вот спасибо Егорычу! Уж очень некомфортно ощущал себя Сева без этой простой вещицы. Джинсы и рубашка были его, только чистые, будто выстиранные, с новыми пуговицами и «зипером». Чудеса! Имелись также новые хлопчатобумажные носки. Под стулом стояли кроссовки. Со шнурками.

— С легким паром! — приветствовал гостя Егорыч. — Хотя, о чем это я — ты же не из бани... Давай Всеволод, к столу. Повечеряем, да поговорим обо всем.

После предложения «повечерять» следовало ожидать какой-нибудь необычной, «фольклорной» сервировки: мисок, деревянных ложек, самовара... Нет, обычная посуда: тарелки, вилки, рюмки, хрустальный графинчик. Посередине блюдо с источающим пар кушаньем: кажется, рагу с мясом. Много холодной закуски: соленья, копчености, салаты. Сева едва не захлебнулся слюной. Как же он проголодался! Мельком, все же, окинул взглядом комнату. Нормальная мебель. Шкаф, секретер, диван. Без особого выпендрежа. Книги на стеллажах, за толстыми стеклами. На полу — коричневый полосатый ковер толстого ворса. Да и сам хозяин выглядел вполне современно: в домашней пижаме, аккуратно пострижен, гладко выбрит. Это был, без сомнения, его начальник Михаил Егорович Солнцев, только помолодевший, смотрелся лет на тридцать пять, не боле.

— Давай-ка по маленькой, за знакомство! — Егорыч плеснул из графинчика по рюмкам. — Здравы будем!

Сева набросился на еду, забыв о приличиях. Наливка, которой угощал хозяин, слегка ударила в голову. Егорыч не расспрашивал ни о чем, подкладывая еду в тарелку, подлил в рюмку. Утолив первый голод, Сева поинтересовался:

— Егорыч, вы меня не помните?

Хозяин покачал головой.

— Вот что, Сева, говори мне «ты». Здесь принято, да и разница в возрасте не столь уж велика.

— Мне так неудобно...

— Сделаем как удобно мне, ладно?

Егорыч оставался самым собой.

— Хорошо. Если вы... то есть ты хочешь... Может на брудершафт выпьем? — хихикнул Юрин. — Как будто мы не знакомы?

— Это ты брось! Если ты когда-то и встречался со мною — то был другой Егорыч. Тот, кем мне еще предстоит стать. В моем будущем. В твоём прошлом.

Всеволод глянул по сторонам, на шкаф, остекленные стеллажи, на люстру с пятью лампочками, и хмыкнул: видать не в очень далеком прошлом он очутился. Или шеф просто морочит ему голову?

— А здесь... какой год?

— По-вашему? Год одна тысяча двести пятидесятый от Рождества Христова.

Сева присвистнул.

— Что, правда!? Тринадцатый век? Нашествие татар, Батый, рыцари Тевтонского Ордена, Александр Невский... И все это сейчас?

— Для тебя, пожалуй, «сейчас». Однако, уж восьмой год минул, как князь Александр Ярославич бил тевтон на Чудском озере. И татар здесь нету. Здесь Русская Земля.

— А-а, понятно... То есть, ни черта не понятно! Вы... ты одновременно и там и тут, что ли? Или ты из нашего времени сюда сбежал, да всю обстановку и прихватил?

— Никуда я не сбегал, — обиделся Егорыч. — Живу и живу. С рождения. Ну, балуюсь маленько, вещами разными, мудреными. Я ведь маг. Умею заглядывать в будущее. И в прошлое. Пожелай я, скажем, богатства, мог бы подглядеть, где торговые гости, лет сто назад, клад в лесу зарыли. Мне надо? Золото, или самоцветные камни какие, я и сам могу создать, хоть из козьих окатышей. Только они мне ни к чему.

— Ясно. Обустроил, значит, себе хату по последнему слову техники двадцатого столетия. Перекинул оттуда сюда?

— Ты, Всеволод, видать, не посвящен. Сюда из будущего ничего забрать нельзя. Только послать в прошлое... Все сделал я, извини за нескромность. По вашим образцам, конечно. С магией уладился, сам понимаешь.

— А электричество?

— С лампочками повозился... Вольфрам, понимаешь! Ну, а дает ветряк и генератор. Воду из колодца насос качает.

— А неплохо ты устроился! Дом со всеми удобствами. Хотя и в тринадцатом веке. Ха! Давай в теремке вдвоем жить!

Определенно, наливка была хороша!

— Я-то устроился? Ну, грешен. Не след бы мне этого делать... Нарушаю законы Божии. Мнится, кара за то будет.

Похоже, Егорыч верно предвидел. Там, в будущем, наехало на него «колесо судьбы» в лице Меченого и его «братков».

— Ну, а я? — поинтересовался Сева. — Со мной как теперь? Здесь остаться, или как?

— Смеешься? Я же ничего не знаю пока.

— Так я расскажу всё, — заторопился Юрин. Он вошел в то, редко доступное, состояние счастливого опьянения, когда всё вокруг становится простым и понятным, и снизошедшим озарением хочется поделиться со всеми.

Егорыч его остановил:

— Э, так не пойдет. Ты же устал? Вот, давай, спи и увидишь во сне, всё что мне надо знать. Ты спишь, я сплю, сны твои вижу. А знаешь, сколько всего за ночь человек усмотреть может?

Сон мгновенно сморил парня.

Иной раз бывает: валишься на постель замертво, а покемаришь час-другой, и вдруг, посреди

ночи, проснешься свежий, как огурец для засолки. Так и Севу — около полуночи что-то кольнуло.

— Егорыч?

Не отозвался хозяин. Юрин попытался снова задремать — не получилось.

«Хочешь побороть бессонницу — думай о хорошем». - припомнил Сева где-то слышанный совет. Попробовать, разве.

«А Егорыч-то, не хило тут все обустроил... На то и маг... Вот бы мне такие способности. Ну, хоть вполовину. Тоже стал бы из козьего дерьма золото делать... Оп! Золото!.. А не припрятан, часом, у Егорыча в чуланчике философский камень? Не просто так он о золоте обмолвился... наверное...»

Дальше мысли запутались, Всеволода одолела-таки дрема.

4

Поднялся Сева еще до рассвета: его не слишком вежливо растолкал Егорыч.

— Вставай, лежебока! Дело делать надо. Быстро одевайся, умывайся, зарядку, завтрак — и в путь. Зубную щетку, бритву и полотенце найдешь в ванной. Бегом!!!

Пока Юрин брился-умывался, хозяин за дверью растолковывал:

— Я уже в курсах про текущий процесс, покопался в твоих извилинах, прости уж, словечек-паразитов, черт возьми, нахвтался... Ну, тема тут такая, блин...

— Егорыч, не ври! Я такими словами не пользуюсь!

— Отзынь, это всё фигня и понты. Шарага за тобой приперлась уже. Шкандыбают, гады, по лесу. Поплутают, ясный пень, но ведь нарисуются тут... Примочки с прибамбасами у них клевые.

— Чего?

— Да артефакты мощные он им дал.

— Кто?

— А черт его знает! Сволочь какая-то, короче. Главное, я их замочить ну никак не могу. И тебя не могу в будущее отправить...

Стрелой, пулей, нейтрино вылетел Сева из ванной.

— Как это «не могу»?!!

В коридоре Егорыча не оказалось. Впечатление, говорили сами стены:

— Не ори! И без тебя хреново. Если Меченый тут, значит, я там уже не мог им помешать. Значит, они меня там убили. Если ты всё, двигай на кухню.

Сева хотел спросить, где она, но сей миг почувствовал запах и отправился, куда потянул желудок.

Егорыч пил что-то похожее на таежный чай.

— Шеф, мне придется жить в тринадцатом веке всю жизнь?

— Сева, не умничай, разговаривая с покойником. Хотелось бы покоптить под небом подольше... Правда, это не мой случай. Я, судя по всему, тратил все магические силы на поддержание бытия. Грустно. А ты давай-давай, наворачивай.

Севу ожидала полная сковорода жареных на сале грибов.

— То, что я тебя не могу отправить в будущее — ерунда. Отправлю в прошлое. А поскольку время это змея, кусающая свой хвост, то...

— То?

— То надо, что бы Меченый сотоварищи не рванул следом за тобой.

— А что им надо-то?

— То есть, хочешь отдать, что бы не приставали? — Егорыч криво ухмыльнулся.

— Что отдать?.. Нет, не хочу. Я хочу знать, что им...

— Им нужна моя дорога.

Замолчали. Юрин пытался понять, что он услышал, и при чем тут он, а Солнцев молчал, ибо все сказано.

— Но я ни о какой вашей дороге не знаю...

— ...хотя сейчас по ней отправишься, — продолжил за Всеволода Егорыч. — Я один знаю, и как теперь понятно, и в твоё время буду один знать, как из прошлого оказаться в будущем. Возвращаясь в прошлое. Шаг за шагом. Сейчас ты двинешь, а я — буду работать с братками. По полной программе.

Только сейчас вспомнил Сева свои ночные мысли. Дорога рэкетирам нужна, как же! Бабки им требуются, вот что. Или золото. Не зря, ох не зря Солнцев о золотишке обмолвился.

— А скажи-ка мне, Егорыч, — начал было Сева, но договорить не успел.

III. По полной программе

1

Меченый был зол как... как... Нет того, с кем можно сравнить злого Меченого. Любой другой не выдержал бы этой злобы, умер бы на месте. Колдун их кинул, совершенно понятно. Обкурил чем-то, вывез в лес, как каких-то тупых бизнесменов, и бросил полураздетыми. Из оружия (смешно сказать!) один лишь маленький костяной стилет на шелковой нитке остался. Правда, не простой — время от времени сам собой приподнимается с груди и будто тянет за собой, указывая острием, куда надо двигать. После, дело понятное, обзавелись кое-чем. Не фонтан, конечно: не «калаш» и не «узи», но что тут, в лесу, отыщешь?

Беда с одеждой... Больше всего не повезло Тайсону. Остался в одних боксерских трусах. Меченый с парнями прикинули: оказывается, из одежды всё, что не хлопок, не шелк и не кожа, у них не осталось. Сука колдун, мог предупредить. У Тайсона штаны и куртка из кожзаменителя оказались. Теперь он как культурист на выступлении. Только вместо слоя темного масла на рельефном теле сплошь раздавленные комары.

Витька Шнапс повязал джинсовку вокруг бедер, благо тельняшка осталась. На гнусов внимания не обращал: пусть жрут, терпимо.

Глист в одной футболке тоже хорош. Ишь, в сторону косится... Но никто же не виноват, что у него с Меченым размер джинсов одинаков? Зато Меченый ему свою футболку отдал: сам остался в рубашке. Хуже всего с кроссовками. Они вроде и есть, а подошва-то пластиковая... Может, будь каучуковой — и обошлось бы, а так...

Один только Питон остался полностью при своих шмотках. Нет, его одежда тоже пострадала, но тут же восстановилась — не без колдовства, ясное дело. «Прикид» у Питона прежний, а сам он... не человек, а робот какой-то, что твой Терминатор — один к одному. Даже похож на Шварценеггера, по крайней мере, ростом и шириной плеч. И такое же выражение на морде, каменное. Молчал все время Питон, слова не вытянешь, да никто и не пытался с ним заговорить: вроде есть он, и, в тоже время, нет его.

Меченый нес на плече увесистую дубину. Витька Шнапс оторвал один рукав тельняшки, завязал узлом, положил туда окатыш, подумывающий о карьере валуна. Кистень практически вышел. Тайсон — тоже с каменюкой, только напоминающей рубило. И длинный камень, и такой, что можно удобно держать. Глист, тот выломал ореховый прут, обеспечил себя копьём —

Аника-воин, смех один! Меченый хохотнул, глядя на этого придурка с одной левой рукой — правая в лубке. Хорошо, что медведь вышел на них уже после того, как обзавелись этой всячиной. А то бы не он от них удрал, хвораая «медвежьей болезнью», а они б врассыпную кинулись. И что случилось бы, погнись мишка за кем?

Крестоподобный стилет тянул то в одну сторону, то в другую... Наконец — вышли. Уже ближе к полудню, по крайней мере, солнце стояло высоко, увидели изгородь.

Сунулись. Первый полез Глист, а она под напряжением. Глиста так вдарило — отлетел бедняга. Оставили отлежаться, хотели пойти обратно в лес, притащить бревно какое-нибудь, да тут Питон — подошел к забору и ударом ноги проломил дыру.

— Избушка-избушка! — крикнул Меченый, — А ну, повернись к нам передом! А то спалим, к ядреней Фене!

Огонь был для них большим вопросом. Сигареты на месте, а зажигалки исчезли. Спички может, и сохранились бы, только они ими не пользовались. Курить очень хотелось, и это было еще одной причиной злобы Меченого. Впрочем, как и всех остальных. За исключением, наверное, Питона. Его разозлить, что деревянный чурбан — с таким же успехом. Никто не обратил внимания, что бывший дружбан не пошел, вместе со всеми за загородку, а остался стоять снаружи, а потом и вовсе пропал с глаз долой.

Дверь отворилась. На высокое крыльцо вышел Егорыч. Строго и внимательно оглядел пришедших.

— Меченый, смотри, как две капли... Сын, наверно? — тихонько проговорил сзади Тайсон.

Меченый прикинул, что к чему. В такой избе, как знать, и двустволка могла на стеночке висеть, заряженная медвежьим жаканом.

— Слышь, мужик. Мы к тебе ничего не имеем. Батю твоего, или он брат тебе старший, мы лично не трогали. Он сам, от старости. Могу перекреститься.

Егорыч спросил без улыбки:

— Неужто крещеный?

— А то! — гордо откликнулся Меченый. — В церковь каждый месяц, и на Пасху с Рождеством хожу. Но ты нам зубы не заговаривай, парнишка у тебя ховается?

Из-за спины Егорыча выглянул Сева. Выглянул, и снова исчез в темной глубине сеней.

Меченый успокоился. Босс предупреждал, что парня может тут не быть, и дал наказ, чего в этом случае делать. Но он — тут, так что все в порядке.

— Давай без драки: мы парнишку не обидим, только с собой заберем. И тебя не тронем. И избу не спалим.

Егорыч покачал головой.

— Как же ты, Денис, думаешь, Бог тебе все прегрешения отпустит?

Меченого давно уже не называли по имени.

— Я не понял, при чем тут мои грехи? Попы отмолят!

— А давай, я тебе покажу, что тебе на том свете будет! — Егорыч скрестил руки на груди и прикрыл глаза.

Парни стояли и ждали команды Меченого. В три-четыре прыжка они достигнут мужика, не успеет он ни развернуться, ни спрятаться в хате. Однако Меченый молчал. Остальные трое стояли сзади него и не видели лица своего вожака.

Им счастье, что не видели. Ужасно было оно. Страшное видел Меченый. Тело парня, ввергнутое в каталепсию, стояло как вкопанное, но тронь — на бок завалится. Горло ему сдавило, будто железной хваткой, даже вздохнуть трудно, а уж выдохнуть и подавно. Лишь глаза жили. Они выдавились наполовину из глазниц, напитались кровью, сделавшись похожими на крашеные в луковой шелухе куриные яйца, а всю радужную оболочку поглотили зрачки.

Может, зрачок на белок полез от боли — поди, разберись!

— Эа. Э-а...э...А-а-а-а-а-а!!!!

Как ударенный сзади косой по коленям, рухнул перед Солнцевым Меченый.

— Верую!! Научи, как жить?!!

Братки не понимали происходящего.

— Меченый, ты в себе?

А Егорыч четырежды щелкнул пальцами, будто положил крестное знамение, и сказал сакраментальную в своей простоте фразу:

— Будьте здесь и будьте там.

Всё. Бандюганы перестали видеть и слышать происходящие. Егорыч же обратился к их главарю:

— Денис. Это так и есть. Я вижу будущее. И это только половина из того, что тебе предназначено. Но ты будешь молиться всё отпущенное тебе время, и на твою долю останется только вот то, что видел.

— «Только»?

— Коли ты бывал бы в церкви чуть меньше, сложилось бы еще хуже. А пока... Работай. Скоро сюда придут люди. Построй скит, учи пришлых слову божьему. Ты в храмах много что слышал. Дружки твои... Ты с ними построже, но почему зря не обижай. У нас тут на юге татары шибко лютуют...

— Чего?

— Подумаешь — поймешь. А мне пора. Созрел я.

— Чего?

— А этого ты не поймешь, можешь не думать.

И растаяла изба. Вместе с Егорычем и восковой фигурой Всеволода, так ловко сделанной Солнцевым из запасов своих бортнических.

Парни, разбредшиеся по лугу, пришли в себя, и с удивлением (и с облегчением) оглядывались.

— Что это было? — спросил кто-то.

— Всё была... правда, — ответил Денис грустно.

2

На этот раз падение в бездну Юрин перенес куда как спокойнее, хотя, чего греха таить, холодный сгусток в районе диафрагмы присутствовал. Ну не экстремал он, наоборот — сибарит, любитель пива, хорошей компании, преферанса по полкопейки за вист, чтобы не напрягал результат. Нормальный молодой специалист, вчерашний студент, а ныне — рядовой сотрудник «полузакрытого» исследовательского центра...

Вот только выбора у него не оказалось.

Не успел Сева задать свой вопрос: нет ли, мол, у Егорыча, в записке философского камня? Не договорил — перебил его будущий начальник, рявкнув:

— Пора! В три приклада!..

Местность, где теперь стоял Сева, нисколько не напоминала недавний дремучий лес. Господствовала унылая тундра: равнина, под ногами чахлая травка, кругом уродливые карликовые березы, островки лежалого снега, лужи-болотца. Холодный ветер гнал, с огромной скоростью, низкие облака. Вдалеке топтались какие-то крупные звери: может овцебыки, а то и мамонты — не разобрать.

Сева мгновенно продрог до костей. Приплясывал, хлопал по бокам.

«Давай, Егорыч, давай отправляй дальше. Замерзну к такой матери!.. А это еще кто?!!».

Вовремя обернулся — сзади к нему приближались, короткими перебежками, два странных существа. Обезьяны? Или...

«Господи, помилуй! Только не это!»

Люди? Сева запаниковал: нет для человека более страшного противника, чем другой человек, чужак. А этих и людьми-то назвать — язык не повернется. Заросшие от макушек до пят рыжим волосом, с непомерно длинными руками, без шей, с сидящими прямо на плечах головами. Чудовищная помесь человека и зверя. Они явно собирались напасть. У Севы не было на сей счет ни малейшего сомнения, как не вызывал сомнений и итог: свирепые «человекозвери», вооруженные дубинами, наверняка каннибалы, разделаются с ним в два счета!

Спасла, должно быть, одежда — «троглодиты» не спешили атаковать столь необычного вида пришельца. В этом сером мире сини джинсы? Хм... Они резко остановились, перебросились несколькими гортанными возгласами, затем принялись орать громче, не иначе, созывая своих. Всеволоду, к счастью, не довелось узнать, верна ли его догадка. Вновь «разверзлась земля» и продолжился стремительный полет сквозь тьму.

Наконец в глаза ударил ослепительно-яркий свет. Жаркое, словно в тропиках, солнце играло бесчисленными бликами на уходящей за горизонт водной поверхности.

Море! С небольшого пригорка Всеволод смог рассмотреть узкую полосу песчаного пляжа, гряду дюн, яркую, словно с буклета турфирмы, зелень низкорослых пальм, там и сям разбросанных вдоль берега. Курорт, и только. А вокруг — ну и ну! Ботанический сад, право слово: буйство тропической флоры самых невероятных цветов и оттенков. И звуки! Какофония фауны. Сочинение безумного композитора-авангардиста. Кваканье, вой, визг, рев наполняли влажный, перенасыщенный ароматами воздух. Недолго любовался Сева «киплинговской» природой — последовал новый скачок.

А-а-а-а! Сева едва не захлебнулся. Вынырнул на поверхность и отчаянно замолотил руками. Кругом только соленая вода и ни клочка твердой земли. На этот раз он угодил прямо в море. За что же ему такое!

— Егорыч!! — отчаянно завопил Сева. — Помоги! Тону!!

Разве мог его, затерявшегося во времени, услышать оставшийся в тринадцатом веке начальник? Но случилось чудо — Егорыч откликнулся:

— Сева, что случилось? — Голос шел «изнутри» сознания.

— Тут море!

— Не бойся! Продержись минуту, от силы полторы... Потом отправлю дальше. Ты пребываешь сейчас в мезозойской эре — сто пятьдесят шесть миллионов лет от нас.

«Продержись». Легко сказать... Всеволод, вообще-то, неплохо плавал, но мешала тесная одежда, сковывала движения. Одно хорошо: вода была сильно соленой. Не как в Мертвом море, разумеется, а все же держит... пока. О чем еще толковал Егорыч... «Мезозойская эра»... Так здесь что, динозавры!? Воображение нарисовало огромных хищных тварей, крадущихся из глубины, разевающих страшные зубастые пасти, готовящихся разорвать его на клочки... Непомерно долго тянулись полторы минуты.

Еще «прыжок». Юрин догадался, что продвижение в прошлое каждый раз ускоряется: тысячи лет, миллионы, десятки миллионов...

Еще не обсохнувший после купания в мезозойском море, Сева теперь утопал по колено в липкой вонючей грязи, держась обеими руками за ствол неведомого ему растения: то ли древнего бамбука, то ли хвоща. Густые заросли из таких же коленчатых, мачтообразных стволов закрывали обзор. Противная тварь, напоминающая стрекозу огромных размеров — до метра в

длину, только без крыльев — тарасилась иссиня-черными ячеистыми глазами. «Стрекоза» оседлала кочку в двух шагах от человека и покуда не выказывала враждебных намерений. Сева, в свою очередь, старался не двигаться: «Сиди, сиди. Я тебя не трогаю, и ты — не трогай».

— Сева, живой там еще? — мысленно позвал Солнцев.

— Егорыч, миленький, когда уже конец!? Давай, возвращай домой, — взмолился Юрин.

— Потерпи, чуть-чуть осталось.

— Сколько «чуть-чуть»?

— Полтора десятка миллиардов лет — всего-то делов, — спокойно ответил шеф. — Да, ты не бойсь — пролетят единым мигом. Попадешь на момент начала Большого Взрыва и, если верны расчеты ваших ученых...

— Как это, «если верны»? — разволновался Всеволод.

— Ни в чем нельзя быть уверенным. Пока сам не убедишься. Ну, Сева, с Богом!

— Подожди! Как же я там бу...

Всеволод не успел спросить, чем ему там дышать, когда окажется в Космосе, да еще в момент рождения Вселенной, не спросил, почему прозвучало «сам», если проверяет лично он, Сева, а не Егорыч...

На этот раз «падал» не в абсолютной темноте: вокруг роились светящиеся точки. Разных оттенков: и яркие, и тусклые. Звезды? Их становилось все больше: рои светляков сливались в единый поток, громадную плазменную спираль.

Невесомый и нематериальный, Сева наблюдал со стороны грандиозную картину Рождения Мира, прокручиваемую в обратном порядке, как в скоростном просмотре видеокассету. Спираль сворачивалась в колоссальный клубок, который все время уплотнялся, превращаясь в шар, затем в точку, вспыхнувшую зажженной спичкой и погасшую...

IV. Погоня

1

В странном месте оказался Всеволод, пройдя момент Большого Взрыва. Тьма сменилась тусклым желтовато-белым светом, еле-еле проступающим сквозь невообразимо плотную завесу тумана. Любые звуки, казалось, должны глохнуть в этой вязкой газовой-жидкой среде. И впрямь царило полное безмолвие. Под ногами — будто слой ваты. Грунт не грунт: слишком мягкий и пружинит, покрытие, может, искусственное — не разобрать. Куда занесла, опять, нелегкая?

— Егорыч, — осторожно позвал Сева.

Шеф отозвался не сразу. Всеволод начал нервничать: что если бросил его Егорыч? Слава Богу, начальник откликнулся:

— Сева, ты в порядке?

— Не знаю! Я в кисель какой-то попал. Вытянутой руки не видно.

— Не бойся! Иду к тебе.

Сначала появилось темное пятно, по мере приближения приобретающее очертания человеческой фигуры.

— Егорыч?!

— Сева! Привет, друже!

Они обнялись. Сева едва не всплакнул.

— Егорыч...

Ком стоял у него в горле.

— Ну, ну, будет тебе. — Шеф легонько похлопал помощника по спине. — Да, почему ты

меня всё Егорычем кличешь? Я — Михаил. Можно Миша.

— Как хочешь. Миша, так Миша. Куда мы попали, а?

— Сам толком не знаю. Должно быть иное измерение... Похоже, вселенная устроена гораздо сложнее, чем мы привыкли думать... Ладно, не время сейчас вскрывать тайны мироздания. Нужно выбирать.

Михаил растопырил средний и указательный пальцы буквой «V», вытянул руку и стал неспешно поворачиваться вокруг собственной оси. В какой-то момент пальцы дрогнули, указав направление. Михаил сразу, без подготовки, принялся открывать «окно»: энергично рубанул рукой воздух сверху донизу и по горизонтали. В воздухе повисло сиреневое очертание креста, с перекладами около двух метров длиной. Крест сначала медленно, затем все быстрее, стал вращаться, приняв вид дымчато-серого круга.

— Сева, ты первый, я следом.

И Михаил подтолкнул помощника к эфемерному «окну». У Севы заглодело все внутри, как недавно, при скачках во времени. Что ждет его «по ту сторону»? В каком мире он окажется?

— Давай, давай! Вперед! — приказал будущий шеф и Всеволод, зажмурив глаза, шагнул в круг, как в пропасть.

Падения в бездну не последовало. Сева свалился и больно ударился коленом лишь потому, что неловко опустил ногу на неровную каменистую поверхность. Поднялся. Огляделся. Хвала Создателю — Земля! В том, что находится он на родной планете, у Севы не возникло сомнений, хотя местность была совершенно незнакома.

Горы. Он стоял у подножья скальной стены, уходящей вверх на черт знает какую высоту. «Стена» была разрезана надвое широкой промоиной. Под ногами — довольно крутой склон. Повезло, что не скатился вниз: тогда бы не отделался ушибленным коленом. Местами торчали глыбы, величиной с небольшой дом. Каменистый склон заканчивался руслом речушки, петляющей между валунами и колючими зарослями. На противоположном берегу громоздились точно такие же скалы с каменной осыпью у основания.

Михаил возник прямо из воздуха. Тоже упал, встал, отряхнулся.

— Егорыч... Извини, Миша, тут горы, — проинформировал Всеволод.

— Сам вижу. Я так и предполагал... Ну, это ничего. Представляешь, если б где-то на пупе Земли мы вышли? Или на островах Гипербореи, а? Там ведь тоже есть «окно».

— А мы где? В Альпах? В Кордильерах? На Тибете? А может, Урал?

Михаил огляделся.

— Не думаю. Впрочем, зачем гадать, узнаем.

— Куда же теперь?

— Эх, Сева, Сева, — попенял старший товарищ. — Какое правило существует для заблудившихся в незнакомой местности, а? Не знаешь? Идти вниз по течению речки! Куда-нибудь она, да выведет: или к большей реке, или к водоему. В любом случае там должны быть люди.

Они съехали по щебенке, расходящейся «веером» вниз от промоины, подвижной, словно рыхлый снег. Вдоль речки тянулась тропа, явно натопанная. И не похоже, чтобы звериная. Значит, не совсем уж в диком краю оказались Михаил с Всеволодом. Только ведь не с любым человеком желательна встреча. Иной раз предпочтительнее дикие звери.

Шипастые заросли оказались кустами облепихи. Вполне российское растение, со съедобными плодами. Михаил остановился, осторожно, чтобы не пораниться об огромные колючки, отломил веточку, густо усыпанную оранжево-желтыми ягодами. Сорвал одну, попробовал.

— Хочешь? — Протянул ветку Севе.

Всеволод недовольно пожал плечами: ерундой занимается шеф. Куснул, все же, ягоду, сморщился: горьковато-кислая.

— Лох, — констатировал Михаил.

— Чего!? — обиделся Сева.

Глава их маленькой группы улыбнулся.

— Это я не про тебя. Прости за шутку. Я когда через тебя с вашим миром знакомился, некоторых словечек всё же нахватался... Приставучие они, как мушки. Правда, и исчезают, как и мушки, быстро... Облепиха — семейства лоховых; ты же читал об этом, забыл?.. Очень полезная, кстати.

— Что, собирать будем? Делать тебе, Мишель, больше нечего?

Всеволод, которому напомнили, что в его голове провели полную инвентаризацию, и теперь, оказывается, знают о нем больше, чем он сам помнит о себе, не то, что бы хамил, скорее, огрызался.

— Эх, Сева. Не дружишь ты с природой. Я, ведь, не просто так ягоду попробовал. Хотел узнать: созрела, нет? Спелая. Значит — конец лета здесь, или начало осени. Солнце печет: скорее всего, вторая половина августа. А находимся мы, должно быть, в Средней Азии.

— По ягодам определил?

— И по ягодам тоже... Ладно, не злись. Давай шевелить копытами.

Тропа недолго петляла. Ущелье внезапно раздвинулось, открылась обширная котловина с озером. Еще не видя воды, путники догадались о ее присутствии по прохладному влажному ветерку, приятно охлаждающему лица измученных зноем людей. У обоих вырвались возгласы удивления и восторга, когда взгляду предстало едва тронутое рябью зеркало, в котором отражались небо и горы, гигантский кубок, наполненный кристальной прозрачности водой. По правую сторону над озером возвышалась необычного вида куполообразная гора, на противоположном берегу виднелась роща, или небольшой лесок из высоченных прямых деревьев с задранными кверху ветками — пирамидальных тополей, по определению Михаила. У Севы возникло ощущение, что озеро отчего-то знакомо.

— Гляди, дорога. — Михаил показал рукой влево. — А это еще, что?

Дорога была грунтовой, покрытая слоем пыли со свежими отпечатками автомобильных протекторов. Но не «грунтовка» удивила шефа, а надпись на крупном валуне, стоящем, как в сказках и былинах, на перекрестке трех трасс: дороги и двух тропинок.

«Хозяйство геолога Лабазнюка. Турист, не проходи мимо!», — было выведено суриком, порядком уже выцветшим. Жирная стрела указывала направление, где некий геолог Лабазнюк, держал некогда «хозяйство».

— Написано по-русски, — притворно удивился Сева. — А ты говорил: Азия!

— Средняя Азия, — поправил его Михаил.

Всеволод махнул рукой. Ему было, в общем-то, все равно. Даже сердиться не было сил — едва держался на ногах от усталости и голода. Еще и суток не прошло, как он, точно так же, буквально умирал от изнеможения, блуждая по лесу и дикому полю в тринадцатом веке. Неужели всего лишь сутки? А те тысячи, миллионы и миллиарды лет, что он преодолел!? Голова идет кругом...

— Да не один хрен!? — вырвалось у странника поневоле. — Закусочную, какую, найти бы! Харчевню, караван-сарай... как это у них называется. Живот у меня давно уже исполняет танец живота. Только давай передохнем сначала — ноги по колено стер.

— Надо было есть облепиху, — наставительно произнес Михаил.

Севе нехотать вспомнилось, как к ним по студенческому обмену приехали несколько ребят из Колорадского университета. И повезли штатовцев на природу, «на шашлыки». Американцы

настойчиво отказывались есть собранную специально для них костянику. Нанятый ректоратом переводчик, разбитной общительный мужичок (видимо, уволенный из МИДа за пьянку гэбэшник), со смешком спросил: «Парни, что вы к ним пристали? Если бы вам в Китае предложили откусать кузнечиков или опарыша, вы как?»

Всеволод понял: отказался от ягод он только потому, что те не мытые. Тоже, чистюля нашелся. Он даже тряхнул головой, отгоняя мысли. Потом разберётся со своими мотивами...

Путники расположились в тени скалы, усевшись прямо на землю.

— А чем ты собираешься расплачиваться в закусочной? — нарушил молчание Михаил.

О деньгах Сева и не подумал.

— Ты маг или завмаг? Придумай что-нибудь, сотвори чудо, — буркнул он недовольно, мол, сам сюда затащил, сам и заботься.

— Я маг, а не фальшивомонетчик, — парировал Михаил.

— А вчера, помнится, хвалился, что можешь золото из говна козьего делать. И, кстати, я потом только догадался: у тебя, что, философский камень? Золото с его помощью получаешь?-

— Это я образно про козьи окатыши... Только не подумай, что отрекаюсь от своих слов. Сотворить-то я, конечно, могу, но... Золото — еще не деньги. Потом отчеканить надо... Правда, теперь уже, как понимаю, не чеканят звонкую монету. И еще. Просто так ничего из ничего не получится. Сам, должно быть, знаешь про закон мироздания: если где-то что-то прибыло, значит, где-то убыло. А я не чернокнижник, я давно Белый Маг. Законы соблюдаю. У нас, как у Эскулапа, главная заповедь — «не навреди». Чудо могу сотворить лишь будучи уверенным, что не вызову каких-либо незаконнорожденных событий. Но ты не волнуйся, придумаем что-нибудь. Мир не без добрых людей.

— Христа ради побираться будем? — съехидничал Всеволод, одновременно удивляясь, как ловко Михаил его вопрос перевёл обратно. Вроде как Сева беспокоится о деньгах. Ну, шеф!..

— Зачем побираться... Хотя, должен тебе сказать: лучше просить, нежели злоупотреблять магическими силами.

«Праведник долбаный! — нехорошо обозвал шефа Всеволод мысленно. — Побираться ему, видите ли, больше нравится, чем сотворить жалкую сотню баксов. Такой пустяк. Никто и не заметит. А нам хватило бы, перекантоваться первое время». Наивный юноша! Ведь тут — только начать. Сотня, еще сотня, потом «штука» баксов и, пошло-поехало! Пустячок же... Со временем и миллион становится «пустяком».

Михаил внимательно посмотрел в глаза помощнику. Тому, вдруг, стало неловко — отвел взгляд.

— Ладно, Мишель. Делай, как знаешь.

Он пошарил в карманах, достал несколько мятых сторублевок и одну пятидесятитысячную купюру — всю имеющуюся, на двоих, наличность. Не густо. Если на те же пресловутые баксы, то чуть больше десяти долларов.

— Спрячь пока, — посоветовал Михаил. — Кажется, шумит что-то.

Сева прислушался — точно, явственно раздавалось гудение автомобильного мотора. Минут через пять звук стал столь громким, что можно было с уверенностью сказать: грузовая машина идет со стороны противоположного берега озера; а еще минуты через две Михаил с помощником увидели и саму машину. Это был трудяга «Газ-66», неизменный транспорт военных и всякого бродячего люда: геологов, топографов, изыскателей. Машина шла ходко, — даром что дорога не ахти, колдобина на колдобине, и проложена по-над обрывом, — только пыль столбом. Лихие, должно быть, джигиты, местные водилы!

«Внедорожник» слегка притормозил перед поворотом. Сева сделал рукой классический жест — машина остановилась. Человек, сидящий рядом с водителем, представительный

мужчина с аккуратной бородкой, приоткрыл дверцу.

— Вам куда?

Простой вопрос, но Севу поставил в тупик. Не отвечать же, что им нужно домой, в Соловейск. Помог шеф.

— Заблудились, вот. Нам бы в город.

— Туристы? — с явным сомнением в голосе, спросил бородач.

— Да... То есть... не совсем. Мы, в общем-то, археологи, — явно импровизируя, соврал Михаил. — Ездим, смотрим. Подбираем места для будущих раскопок.

Севе сделалось ужасно неловко — обман сейчас же раскроется! Ну, Миша! Только вчера, поди, выведаль в Севиной голове, кто такие археологи, а уже примеряет чужую роль на себя. Влипнешь с ним в историю.

— Так вам в Душанбе, видимо, надо?

Сева лихорадочно соображал: «Душанбе... это... Киргизия? Нет. Туркмения, кажется... или Таджикистан? Точно! Там и горы, Памир, вроде бы, и другие... Ну, конечно! Фанские горы! Берг рассказывал...»

— Да, — ответил Михаил, совершенно спокойно.

— Вам в другую сторону, — объявил бородач. — Только здесь попутку вы навряд ли поймаете.

Он повернулся к шоферу, негромко посоветовался с ним. Опять выглянул из кабины.

— Ладно. Не бросать же вас тут. Поехали с нами, в лагерь. Переночуете, а завтра Хайруло, — качнул головой в сторону шофера, — в Пенджикент едет, может вас подбросить до развилки. Там наверняка будут попутные.

Михаил с Севой забрались в кузов. Автомобиль оказался старым, если не сказать, древним, и в весьма плачевном состоянии: брезентовый верх в нескольких местах продран и кое-как заштопан алюминиевой проволокой, металлический кузов во вмятинах, словно по нему долго и старательно молотили пудовой кувалдой. Натужный вой мотора сочетался со скрежетом и бренчанием, будто с горы катилась железная бочка, наполовину заполненная камнями. Поразительно, как машина вообще умудрялась двигаться, да еще так резво.

Дальше поехали не по дороге, а свернули на тропу, в направлении стрелки, указывающей путь к «хозяйству геолога Лабазнюка». Оказалось, тропинка представляла, в сущности, тоже дорогу, только качеством напоминающую наиболее труднопроходимые участки маршрута авторалли Париж — Дакар.

В кузове находились какие-то ящики, на поверку оказавшиеся тяжелыми и кое-как закрепленными: они подскакивали, когда машина наезжала на очередной ухаб, ударялись о железный пол кузова, издавая адский грохот. Михаил и Сева не рискнули на них садиться, ехали стоя, держась руками за каркас под тентом. Юрину, к тому же, пришлось согнуться в три погибели. Клубы пыли сразу же заполнили все свободное пространство, грозя путешественникам страшной смертью от удушья. К огромному их счастью, поездка продолжалась не более семи-восьми минут.

На Севу, когда он выбрался, наконец, из пыльного плена на волю, нельзя было, наверное, смотреть без смеха или слез: одежда его уже подвергшаяся суровым испытаниям в море юрского и болоте каменноугольного периодов, пропиталась еще и современной лессовой «пудрой». Сева долго кашлял и отплевывался, очищая носоглотку от въедливой грязи. Михаил,

тот использовал, вероятно, хитрый магический прием, и выглядел куда как пристойнее. На официальную церемонию он так, разумеется, не дерзнул бы явиться, а сходить, скажем, в питерскую лавку за булкой — вполне.

Лагерь геологов состоял из пяти палаток: одной большой — «десятиместки», одной для четырех человек и трех маленьких — двухместных. Большая палатка, — выяснилось в дальнейшем, — служила одновременно кухней, складом и спальней повара.

— Вот мое хозяйство, — объявил бородач, указывая рукой на лагерь.

Сева только теперь рассмотрел, как следует, человека, к которому, нежданно-негаданно, попали в гости: чуть выше среднего роста, широкоплечий, в брезентовых штанах и клетчатой рубашке-ковбойке; что-то было в нем от джеклондоновских героев-золотоискателей. Сходство дополнял широкий кожаный ремень, оттянутый с правого бока тяжелой кобурой.

— Значит, вы и есть геолог Лабазнюк? — предположил Михаил.

— Он самый. Вадим, — представился геолог.

Познакомились. Лабазнюк рассказал, что всего в лагере, вместе с ним, семь человек: геологи, повар и трое рабочих-канавщиков.

— В лучшие времена итээровцев и рабочих до тридцати набиралось. А сейчас наша контора, Магианская экспедиция, на ладан дышит, — посетовал хозяин. — Как Союз развалился, так и мы под откос покатались. А вы сами откуда?

— С Севера, из Соловейска. Слышали, нет? Есть такой город. Очень древний, кстати. Основан чуть ли не самим Рюриком, пока тот до Новгорода не добрался.

— И что же там копаете?

— О, там много чего есть! — внезапно оживился Михаил. — Про стоянки времен неолита и говорить не приходится. А поскольку мерзлота совсем недалеко, земля очень хорошо сохраняет даже деревянные изделия. Берестяных грамот, правда, пока не находили... Но Древняя Русь во всей красе. Вот, три года назад клад монет времён Владимира Святославовича нашли. Причем, что характерно: гривны и киевские, и новгородские, и черниговские. А среди них — одна золотая монета самого Владимира.

Сева едва сдерживал смех. Шеф не зря представился археологом. Про культуру русского севера домонгольского периода он может рассказывать не то, что часами — неделями, и в таких подробностях, что никакому академику не приснится. Вот только не будет ли его правда для академиков бредом сивой кобылы?

Лабазнюк видимо понял, что Михаил, человек увлеченный, сел на своего «конька», и прервал его вопросом:

— Как же вы заблудились?

Сева с хитрой ухмылкой глянул, искоса, на шефа — давай, мол, выкручивайся.

— Мы здесь по заданию Академии, — сходу сочинил ушлый Егорыч, — Сначала в Пенджикенте были. Там, в окрестностях, раскопки проводятся. Может знаете...

— Да, конечно, — подтвердил, к изумлению Севы, Лабазнюк. — Пенджикентское городище. Седьмой век.

«Во, дает, начальник! — восхитился про себя Всеволод. — Интересно, знал он про раскопки, или случайно угадал?»

— Так вот, — продолжил Михаил, — решили мы, по дороге в Душанбе, самостоятельно посетить легендарный Искандер-куль и его окрестности...

«Выходит, озеро, что мы видели, и есть Искандер-куль? Как догадался?», — продолжал удивляться Сева. Лабазнюк же согласно кивал: понятно, дескать, новички в горах, вот и запутали.

— А зачем вы написали: «Турист, не проходи мимо»? — ловко сменил тему и ушел от

дальнейших расспросов Михаил.

— Ну, это так... Шутка, — чуть замялся геолог. А потом подмигнул. — Иногда среди них попадаются симпатичные туристки...

Сева сразу все понял. Лабазнюк был мужчина лет сорока пяти, не более. Крупный, уверенный в себе — такие, наверное, нравятся женщинам. А в туристических группах, как он слышал, обычно преобладают дамы определенного склада, ищущие острых ощущений и охотно идущие на мимолетный роман.

— ... Вот только туристов сейчас нет, — продолжал Лабазнюк. — У нас в Таджикистане гражданская война. Вы, конечно, в курсе.

— Оружие у вас по случаю войны? — поинтересовался Сева.

— Это? — Лабазнюк расстегнул кобуру и достал револьвер, явно обрадовавшись возможности похвастать перед гостями опасной «игрушкой». — Нам и в прежние годы полагалось по «стволу» на каждую группу. Сейчас — тем более. Наган со мною уже лет восемь. Безотказная машинка. Тридцать второго года выпуска, а работает как часы.

— Вам случалось его применять?

— Только по зайцам. А больше по бутылкам, — честно признался «стрелок».

— А что вы здесь ищите? — поинтересовался Сева. — Золото?

Почему-то принято считать, что геологи обязательно ищут либо нефть, либо золото. Лабазнюк ухмыльнулся.

— И золото тоже. Вообще-то мы специализируемся на сурьме и ртути. Хотите взглянуть?

Сева испугался, решив, что геолог потащит их в горы, смотреть на залежи руды. К счастью обошлось демонстрацией нескольких образцов.

— Это антимонит, — пояснил геолог, доставая из матерчатого мешочка куски белого камня, должно быть кварца с вкраплениями свинцово-серых «иголочек», — именуемый также сурьмяным блеском. А вот киноварь, сульфид ртути.

Он извлек из другого мешочка красивый ярко-алый камешек.

— По-арабски «киноварь» — «кровь дракона», — добавил всезнайка Михаил.

Лабазнюк хмыкнул, и как-то искоса глянул на Солнцева: откуда, мол, такой умник, и тот ли ты, мил человек, за кого себя выдаешь. Так, во всяком случае, подумалось Севе, но тут же он возразил себе: «С какой стати геологу в чем-то подозревать Егорыча? Солнцев же типа ученый — археолог, а про киноварь можно и в популярной книжке вычитать».

— Да, — спокойно согласился Лабазнюк, — во время оно киноварь считали застывшей драконьей кровью и приписывали этому минералу волшебные свойства, что не мешало использовать его в качестве красителя. Сейчас киноварь просто сырье для получения ртути.

Сева положил на ладонь и подбросил необычный камень: тяжелый, недаром ртуть содержит; принялся разглядывать образчик под разными углами: цвет минерала странным образом менялся с красного на синевато-серый, камень будто покрыт тончайшей металлической пленкой, и при этом ярко сверкал, искрился под солнечными лучами. Сева залюбовался его игрой.

— Нравится? — спросил хозяин.

— Интересный камешек. Говорите, его считали волшебным?

— А то как же, драконий ведь камень, — хихикнул Лабазнюк, — Хотя... дыма без огня не бывает. Мы, рационалисты, отвергая сходу все, что касается волшебства, часто с мутной водой выплескиваем ребенка. А ведь древние были далеко не дураки. Вот, возьмем философский камень. Скажите, легенда, мол, или просто заблуждение? Не-е-ет, все не так просто! Идея философского камня возникла не на пустом месте.

У Севы — уши торчком! Геолог сам заговорил на интересующую его тему. Но Лабазнюкне

не стал, почему-то, развивать свою мысль. Нахмурился. Замолчал.

Сева опять:

— Я где-то читал, что алхимики использовали в своих опытах именно киноварь.

= Верно, — согласился геолог. — И даже, вроде бы, не без успеха. Только не любая киноварь подойдет... Понимаете, в чем дело: как и среди живых существ, в мире минералов встречаются мутанты. Назовем их так. Распознать мутантов непросто, обычные методы здесь не годятся. Нужен особый подход...

— Вы тоже занимаетесь поисками философского камня?

Сева не терпелось услышать главное.

Лабазнюк снова нахмурился. Покачал головой.

— Сейчас мне не до этого. Надо думать, как выжить при нынешнем бардаке.

Геолог продолжил рассказ о местных событиях, но Сева слушал в пол-уха. Его больше занимала проблема, как привести в порядок одежду, да и сполоснуться не мешало бы.

— Вам умыться с дороги, наверное, нужно? — догадался спросить хозяин. — Бани у нас нет, увь. Но теплая вода — пожалуйста.

Он показал на ряд ведер, выставленных на солнце. Гости обрадовались, что не придется купаться в здешнем ручье: не были они большими любителями ледяных ванн. Михаил и его помощник, подхватив по ведру, отошли в сторонку. Сева, хоть и с трудом, но привел себя в божеский вид. Не без помощи, конечно. Это будущий шеф внял его мольбам — использовал свои необыкновенные способности. Со стороны, если кто наблюдал, все выглядело просто: Михаил несколько раз встряхнул джинсы и рубашку помощника — вещи опять, если не новенькие, то уж из «секонд хенда», точно.

— Всеволод...

— Что?

— Да, так... Мысль пришла: в чем прав геолог, так в том, что киноварь суть философский камень.

Сева глянул на будущего шефа с недоверием: не разыграть ли решил его друг Мишель.

— С какой это стати?

Солнцев выглядел абсолютно серьезным.

— Вот видишь, знания о современной науке у нас с тобой одинаковы... Почти. Я ведь их из твоей памяти почерпнул, в основном. Ну, знания кой-какие имеются, только с логикой у тебя напряг... Черт! Привязался жаргон этот. Что я сказать-то хотел... Философский камень нужен для получения золота, так? А как на самом деле его из горных пород извлекают, помнишь? Ладно, не напрягайся. При посредстве ртути! Амальгамированием. Вот и выходит, что содержащая ртуть киноварь и есть камень философский.

— Ну, это не интересно, — отмахнулся Сева.

— Конечно, тебе подавай кабалистику. Пещеру какую-нибудь, обитель чернокнижника... Пошли уж, алхимик-самоучка.

К ужину собрались все обитатели палаточного лагеря. Пара геологов и канавщики спустились по очень крутой и извилистой тропе, откуда-то сверху, со скального гребня. Рабочие, — похоже, местные жители, — гнали перед собой двух ослов, навьюченных тяжеленными мешками. Ишачки бодро семенили тонкими ножками-прутиками, хотя поклажа каждого составляла, по заверению Лабазнюка, больше ста килограммов. И как только спины у них не переломились!?

«Столовая» геологов представляла собой составленные в линию складные столы под брезентовым навесом. Стулья тоже были походные. На ужин повар приготовил похлебку из обжаренной на хлопковом масле баранины, томатной пасты, лука, картошки и риса. Непростое

испытание для европейского желудка. Блюдо называлось, почему-то, «суп рататуй».

Проголодавшиеся гости поначалу активно заработали ложками, но доедали супчик уже с трудом, чтобы только не обидеть хозяев. Зато налегли на салат из помидоров. Не обошлось без выпивки. Шофер Хайруло принес из кабины своего «вездехода» рюкзак Лабазнюка, откуда тот извлекал, по мере опорожнения, пластиковые бутылки с «русской водкой», изготовленной, если верить этикетке, в г. Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая.

— Таковую вот отраву пьем, — разливая жидкость по кружкам, посетовал геолог. — А лучшей здесь не найдете. Дожили, в душу-мать! Из Китая водку возим!!

Подозрительное пойло имело вкус ацетона, разбавленного серной кислотой. Так показалось непривычному к «паленой» водке Юрину. Но в голову ударило моментально. Впрочем, хмель так же быстро выветрился по окончании застолья. Осталась лишь тяжесть в мозгах и мерзкий привкус во рту.

Геологи сначала всё расспрашивали гостей о жизни в России: «как», «кто», «где», «почем» и «сколько». Постепенно перешли на политику. Досталось и Горбачеву с Ельциным и Гайдару с Черномырдиным. Потом начались разговоры «обо всем на свете».

Михаил с Лабазнюком затеяли околонаучный спор относительно происхождения нефти. Оба оказались сторонниками «органической теории» (как известно, существуют также гипотезы неорганического генезиса «жидкого золота»), но понимали данный процесс каждый по-своему.

— Ну, это же очевидно! — доказывал Михаил. — Заражение, размножение бактерий, превращение одного вещества в другое, избыточное давление...

— Нет никаких бактерий в нефти! — возражал геолог. — Мы бы давно так её и получали: запускали в цистерны с каменным углем бактерии, и открывали крантик. Однако, увы...

— Почему «увы»? — спорил волшебник. — У меня дома есть выписка из манускрипта одного алхимика, что именно так он и получил «масло земли» — нефть!

— Ох уж мне эти алхимики. Вас послушать, так в земных недрах и каверны с этиловым спиртом прячутся. Дрожжевые грибки, нагрев от магмы, перегонка... Только нет в земле ни водки, ни спирта.

— Как это «нет»? В Земле-матушке всё есть. Вы просто искать не умеете. Геологи... Вот, Александр Македонский — умел.

Лабазнюк оторвал взгляд от кружки с остатками продукции земных недр (согласно воззрениям Солнцева) и посмотрел, внимательно, в глаза собеседника.

— Македонский? Нашел в Земле спирт? Ха-ха-ха!

Михаил тоже засмеялся: шутка, мол. Геолог задумался о чем-то.

— У меня предложение. Давайте смотаемся втроем на Искандер-куль. Сейчас полнолуние. В такие ночи, рассказывают, из озера выходит призрачный конь.

— Буцефал? — оживился Сева. Он давно уже скучал, слушая речи подвыпивших мыслителей. — А конь на нас не кинется?

— Как знать, ха-ха, — хохотнул Лабазнюк. — На всякий случай, для страховки, надо бы ослицу с собой прихватить. Ну, что, идем?

Станным показалось Всеволоду предложение геолога. Но как откажешься? Сами же говорили, что пришли сюда на озеро поглядеть. Михаил не возражал, наоборот, обрадовался возможности в полной мере насладиться вечерней прохладой, совершить, так сказать, моцион.

Сказано — сделано. Лабазнюк с Михаилом и, чуть отстав, Сева направились к легендарному водоему, носящему имя величайшего из героев Древнего мира, и унаследовавшего частичку его славы.

— Вы не представляете даже, на сколько популярен среди местного населения Македонский, — гулко звучал, отражаясь от скал голос Лабазнюка. — Казалось бы, захватчик,

поработитель, а для них он... что для русских Илья Муромец... Или нет, скорее, Иван Грозный — великий и ужасный!

— Ничего удивительного, — отвечал Солнцев. — Сознание, что твоих предков победил герой, более лестно, нежели, если бы это был какой-то ничтожный царек. Вот и у нас преувеличивают мощь воинств Чингисхана и Батыя...

Беседа продолжалась еще некоторое время, но скоро прервалась — очень не просто вести разговоры, пробираясь в темноте среди валунов и колючек. В лунном свете эти чертоломные места выглядели совсем уж неприветливо, даже жутковато.

К озеру вышли чуть в стороне от ущелья, по которому Михаил и Сева спускались днем. Желтое пятно луны отражалось в серебристо-черном зеркале. Тени от скал чуть подрагивали на водной поверхности. Сейчас — не то, что днем — тихо и таинственно вокруг, словно в усыпальнице фараона. Казалось — ничего тут не изменилось за двадцать три столетия: в те же воды смотрел Александр, мечтая дойти до пределов Мира, луна так же серебрила зеркальную гладь, эти же скалы отражались в ней...

Берег в том месте представлял собой скальный обрыв, отвесно уходящий в озеро на значительную, должно быть, глубину. Всеволод осторожно подошел к краю и глянул вниз: до воды метра два. Темно, ничего толком не видно. Зачем они сюда пришли?

— Не туда смотрите, — послышалось сзади. Сева обернулся к Лабазнюку и не поверил глазам своим: от радушного хозяина, принимавшего их как дорогих гостей, — еще и часа не прошло, — не осталось следа. Теперь это был мрачный, озлобленный и, может статься, замысливший недоброе, мужик. Но прежде чем Сева успел что-либо сообразить, на лицо геолога вернулось приветливое выражение.

— Идите сюда, — позвал Лабазнюк Михаила. Тот подошел, встал, как и его младший товарищ у кромки обрыва. — Вон там, видите, скала торчит из воды. На лошадиную голову похожа...

Всеволод посмотрел в указанном направлении и... Резким толчком его сбросили с обрыва. Успел заметить, что вместе с ним падает и Михаил.

3

Сказать: вода была холодной — не сказать ничего. Скорее можно поверить, что это антифриз, остуженный до минус двадцати градусов. У Севы перехватило дыхание, сдавило грудь, казалось — остановилось сердце. Вынырнув на поверхность, он судорожно разевал рот, пытаясь наполнить легкие воздухом.

Удивительно, но при всем при этом, Сева отчетливо видел стоящего над обрывом Лабазнюка. Тот походил, теперь, на языческого жреца: волосы растрепались, холеная бородка распушилась, глаза налились огнем, поднятые к небу руки казались длиннее, чем были на самом деле, а ковбойка смотрелась рубахой волхва. Он что-то выкрикивал, должно быть, заклинания, и тряс растопыренными пальцами.

— Сева ныряй!! — раздался рядом крик Михаила.

В руке геолога-колдуна появился наган. Не только на языческую волшбу он надеялся.

Сева погрузился с головой, чувствуя, как начинают коченеть руки и ноги, и как затягивает озерная пучина.

«У-ум!», — донеслось сверху, рядом с лицом проурлыкала пуля, толкнув в щеку гидравлическим возмущением.

«Бум! Бум!», ухали приглушенные толщей воды выстрелы, а Сева опускался все глубже,

пока не достиг каменистого дна.

Может ли сознание пребывать отдельно от тела? Не одну тысячу лет об этом спорят и мудрецы, и невежды. Недавний студент не относился к сторонникам идеализма. Как, впрочем, и к последовательным материалистам. Сева был типичным агностиком — допускал, в принципе, наличие в природе некоторых метафизических явлений. Таких, например, как раздельное существование духовной и телесной сущностей человека. Но мог ли он вообразить, еще пару дней назад, что придется проверить это на себе?

Как в последнем временном прыжке, когда отделенное от тела сознание Севы пребывало в Космосе, сейчас его «астральная сущность» наблюдала со стороны за разворачивающейся в водах Искандер-куля и на берегу драмой.

Егорыч, вытянув вперед руки, плыл неглубоко под водой, извиваясь угрем. Лабазнюк продолжал палить из нагана, но пули не достигали цели. Сухо щелкнул боек — в барабане не осталось заряженных патронов. Геолог швырнул ставшее пока бесполезным оружие на видное место, и вновь принялся за ворожбу. Раскачиваясь всем телом, он замахал руками, заухал филином. Зеленоватое свечение разлилось вокруг колдуна мелкими крапинами, словно воздух заполнили мириады светлячков.

Голова Михаила показалась над водой.

— Ах ты, ведьмак поганый! — прокричал Солнцев.

Он вдруг свечой взмыл в воздух, точно дельфин на представлении в аквапарке. Тоже метра так на два вылетел. Но в отличие от дельфина не рухнул с шумом вниз, на спину, обдавая брызгами первые ряды, а воспарил над водой.

Лабазнюк вытянул длань в направлении противника. Раздался сухой треск. Разряд, подобный вольтовой дуге, полыхнул меж двух чародеев, но поразил не Егорыча, а того, кто покушался на его жизнь. Лабазнюк рухнул, как подкошенный.

Сева подумал, что шеф полетит к берегу по воздуху. Но нет. На водной глади озера появилась ледяная дорожка, на которую Михаил, не спеша, опустился, и отправился пешком, внимательно смотря под ноги, ступая осторожно, всей стопой.

Оказывается, он искал тело Севы. Глубина там была не более двух с половиной метров. Это от страха показалось Севе, когда тонул, что разверзлась бездна. К тому же, вода просвечивала (колдовской трюк?), как в солнечный день. Михаил остановился, поманил пальцем, и второй Сева, тот, который лежал под водой, начал всплывать. А тот, который наблюдал за происходившим, помимо своего желания ринулся к всплывшему телу.

Очнулся Сева оттого, что тело мяти и терли сильные руки. Он повернулся на бок, — ему помогли, — вырвал водой, перевернулся на живот и только теперь почувствовал: растирали двое. Кто же второй? Сева скосил глаз — увидел знакомую бородку.

Ну, нормально! Сначала чуть не утопил, да еще и пристрелить хотел, а теперь спасает?! Вместе с Егорычем!

— Ожил? Ну, значит, сто лет еще проживешь! — не скрывая радости, воскликнул Михаил.

— И меня век помнить будешь, — пообещал Лабазнюк. Встал и отошел в сторонку.

— Мишель, я ничего не понимаю, — жалобно прошептал Сева.

Солнцев махнул, досадливо, рукой.

— Накладочка вышла. Наш он. Белый Маг. Дурак только, — он повернулся к Лабазнюку. — Ты уж извини, Вадим, что ругаю тебя. Это я со зла, сам понимаешь. — Тот отмахнулся, ничего, мол, переживу. — Так вот. Был, оказывается, знак, что придут чужие, черные колдуны, то есть. И принесут большую беду. Он нас за них и принял... Хотел в озере заморозить. Воду переохладил. Не окажись я сильнее, мы бы с тобой застыли во льду, как мухи в янтаре. Н-да... А стрелок из тебя, брат, никакой!

Лабазнюк только вздыхал, сокрушенно. То ли расстроился, что ошибся, то ли так вот радовался, что стреляет не метко. Попросил Солнцева:

— Михаил, давай, уже, пойдем в лагерь. Что-то на сердце у меня беспокойно... Хайруло там один.

— Как один? — подал голос Сева. — А куда остальные делись?

— Нет. Один, в смысле, из наших, Посвященных. Он совсем зеленый еще, новичок в магии. Случись чего — боюсь, не справится. А черные в любой момент нагрянуть могут. Верю я знаку.

— Да, нужно поторапливаться, — согласился Михаил. — Ты как Сева, идти-то сможешь?

— Конечно.

Сева бодро поднялся. В ушах шум, все тело горит, ноги ватные, но — терпимо.

Тронулись в обратный путь. По дороге Михаил кратко поведал молодому товарищу, как ему удалось перебороть чуть было не угробившего их Лабазнюка. Он объяснил, что сознательно уменьшил мощность разряда, которым «вырубил» колдуна, так как понял, что тот напал на них по ошибке.

— А не то, изжарился бы ты, Вадик, аки грешник в аду, — закончил рассказ Солнцев.

— Тише! — неожиданно воскликнул Лабазнюк. — Кто-то навстречу идет. Хайруло, ты?

— Я, Вадим Сергеевич, — послышалось в ответ.

— Ты, почему лагерь оставил!?

— Беда, начальник! Беда! В лагере чужой!

— Кто? Что с ребятами!? — сорвался на крик Лабазнюк.

— Он убил всех. — Голос Хайруло дрожал.

— А, ты!? Ты что не защитил?!

— Я ничего не смог сделать, Вадим Сергеевич... Он — не человек. Мертвец... оживший.

Лабазнюк, как стоял, тут и опустился на землю. Закрыв лицо руками, вцепился в волосы бороды.

— Он видел тебя? — спросил шофера Михаил.

— Нет, не видел. Я маскировку задействовать успел, Вадим Сергеевич...

— Все равно, плохо дело, — пробормотал Михаил. — Уходить нужно. Срочно...

4

Всеволода бил сильный озноб: не прошло даром недавнее купание, а главное, сказывалось нервное напряжение. И страх. Липкий животный страх. Ужас перед грозной, неведомой силой, беспощадной, но отнюдь не слепой, действующей целенаправленно, и от того еще более жуткой. Известие о гибели людей в лагере потрясло не только Лабазнюка, у Севы оно вызвало настоящий шок.

Солнцеву пришлось сконцентрировать волю, чтобы не поддаться эмоциям. Наверное, ему удалось проще, чем остальным: Егорыч, сын сурового времени, бывший сам, некогда, воином, привык воспринимать смерть товарищей как грустную сторону жизни, не более того. Эти люди, геологи, остались в его памяти случайными знакомыми: как встретились, нечаянно, так и разошлись. То, что они погибли, — Егорыч прекрасно осознавал, — из-за них с Севой, дела не меняло. Так уж получилось, и не он тому виной. Сейчас не время стенать. Нужно принимать решение, действовать.

— Вадим, давай скорее убираться отсюда.

— Да, да... Там, на озере турбаза... Можно у сторожа переночевать.

Геолог был явно не в себе. Михаил цепко взял Лабазнюка за плечи, да встряхнул так, что

голова у того дернулась взад-вперед.

— Ты с ума сошел? Очнись! Случившегося уже не исправить. Надо о себе заботиться... Мы тут как в медвежьем капкане. Ты все тропки знаешь. Думай, как выбраться.

Лабазнюк молчал с минуту. Потом заговорил вполне осмысленно:

— Дорога здесь одна — вниз к основной трассе. Можно, конечно, по тропам, через перевалы, но... даже у опытных маршрутчиков ушел бы не один день. Да и смысла нет — все равно выйдем на ту же трассу. Лучше машиной.

Шофер Хайруло сразу же оживился:

— Вадим Сергеевич, я ее подгоню! Вы на дорогу выходите, к повороту.

— Машина в лагере...

— Нет, я поставил ее за пригорок. Забыли? Вы сами приказали, Вадим Сергеевич.

Вариант с автомобилем посчитали оптимальным.

Когда Лабазнюк вывел Севу и Михаила к грунтовке, Хайруло ждал их в знакомом «Газ-66». Без лишних церемоний все трое влезли в кузов. Ящиков уже не было, зато на сидении лежал спальный мешок и пара телогреек. Все это подстелили, чтобы не сидеть на голом железе.

— Хайруло! — крикнул Лабазнюк. — На основной дороге налево свернешь, на Айни.

Машина рванула с места, понеслась вдоль озера. Грунтовка скоро закончилась, и хоть асфальтовое покрытие оставляло желать лучшего, уже не так трясло, да и пыли заметно поубавилось. Можно было говорить, не опасаясь прикусить язык.

— Доедем до райцентра Айни, дальше либо прямо, в Пенджикент, потом в Самарканд, либо направо, через Шахристанский перевал в Ленинабад, и на Ташкент, — объяснял Лабазнюк. — Кстати, документы у вас есть? Через границы придется ехать...

— У меня нет с собой, — ответил Всеволод осторожно.

— А у меня, откуда, — хмыкнул Солнцев совершенно спокойно. — Я и в глаза не видел, какие они, документы эти.

— Ну, хотя бы, охранная грамота, какая... Что там, в твоем веке, было в ходу? «От князя Володимира, прозванного Красно Солнышко, сия грамота дадена схимнику Солнцеву М.Е. в лето девятьсот... дремучего года, дабы посадские людишки не чинили сему достойному мужу препон...», — ерничал Лабазнюк. — Вот бы на таможне обалдели, увидев такую ксиву!

Ко всем возвращалось, понемногу, душевное равновесие. Геолог, все еще мрачный лицом, говорил спокойнее, шутил. Сева с Михаилом в ответ переглядывались и улыбались. Егорыча, похоже, не смущали такие пустяки, как отсутствие каких-то, непонятно для чего нужных, бумажонок. Его младший товарищ, напротив, понимал, что «без бумажки ты — какашка», и опасался столкновения с представителями власти, но отчего-то уверился — вопрос разрешиться сам собой. Он спросил, небрежно так:

— И что теперь делать?

— Ничего. Хайруло у нас мастак переходить границы. Не впервой ему. Придумает чего-нибудь. Кстати, как ты думаешь, Сева, на чем мы едем? На какой машине?

— На обыкновенной. Газ-66.

— Э, нет! Это для нас, а тем, кто со стороны смотрит, видится совсем другое: лимузин или шведский двухъярусный автобус с тонированными стеклами.

— Как так?

— А вот так. Сам увидишь потом...

— Лучше бы наоборот: мы в лимузине, а со стороны пусть видят ваш драндулет, — огрызнулся Всеволод.

— Обижаешь, — усовестил привереду Лабазнюк. — Наш вездеход, хоть и не новый, а фору любому «лендроверу» даст! Вот подвески жестковаты — это да.

Слова Лабазнюка о том, что Хайруло придумает, как перейти границу, а главное тон, каким это было сказано, сдули с парня веселость. Сева, вдруг, ясно осознал: он еще не дома. Тут, хоть и ближнее, но зарубежье, чужая страна со своими законами, писаными и неписаными, и здесь убивают!

За бортом машины была сплошная темень, лишь вода поблескивала в шумной реке. Промелькнули тусклые огни в одноэтажных строениях небольшого поселка; автомобиль выкатился на основную трассу, бесконечно длинной змеей петляющую по узкому Фандарьинскому ущелью.

Совершенно фантастическим смотрелся, наверное, сверкающий лаком и никелем автобус, — европейское чудо с мягкими рессорами скандинавской стали, — на древней азиатской дороге, которая, как уверял Лабазнюк, не ремонтировалась со времен Чингисханова нашествия. Справедливости ради нужно отметить, что ехали по местами битому, но асфальту; кое-где по бокам стояли полосатые столбики и бетонные ограждения, вспыхивали люминесцентными красками указатели.

Зажатая между скальной стеной и обрывом трасса была пуста в этот ночной час. Слева, на слиянии Фан-Дарьи с крупным притоком, вынырнул из темноты странный населенный пункт: городского типа микрорайон из стандартных панельных пятиэтажек, совершенно неуместных среди диких скал. Торец ближайшего к дороге дома представлял собой панно, подсвеченное фонарями, на нем Ленин в полный рост. Обычный плакатно-безликий Ильич с бородкой, в кепке, с приклеенной улыбкой, но шагающий по... человеческим черепам. Автор, должно быть, собирался изобразить брусчатку Красной площади, или просто бульжную мостовую, а получилось нечто напоминающее фрагмент «Апофеоза войны» Верещагина. «Чур, меня, чур!», — пробормотал Всеволод, увидев жуткое творение неизвестного художника.

— Сарвада, — огласил название странного поселка Лабазнюк. — Там есть достопримечательность: крепостные развалины начала девятнадцатого, кажется, века. Однако, любой местный житель станет уверять вас, что это крепость Македонского, ха-ха... Без Александра Филипповича, ну никак! А что самое интересное — доля правды здесь все-таки есть. Археологи утверждают, дескать, сия цитадель разрушалась и вновь отстраивалась неоднократно, а самые древние части кладки в основании стен относятся к эпохе Александра.

— А Ленин по черепам идет. Символично, — обронил, задумчиво, Сева.

— Угу. Попирает ногами древние цивилизации. Только, шабашники, расписывавшие дом, вряд ли намеривались вкладывать в свою мазню столь глубокий смысл. Ха! Единственно, что заботило их при создании «шедевра»: как бы не объегорил заказчик при расчете. Получали они, наверняка, с квадратного метра росписи... Помню был у нас на курсе студент, Вася Захаров. Неплохо, кстати, рисовал. Однажды ему повезло: на каникулах устроился в бригаду «художников-оформителей», разрисовывать остановки на загородной трассе. Ну, там, цветочками всякими, ракетами, Чебурашками и котами Леопольдами... Отличная, хвалился Вася, шабашка, плюс левак: крыши и заборы частникам красить. Недолго, впрочем, длилось его счастье: раз похмелился с утра, чрезмерно, и свалился с крыши. Нogu сломал... Ничего даром не дается, так-то!

— До, ут дес, — прибавил молчавший до сих пор Михаил. — Это по-латыни: даю, чтобы и ты дал.

— Больно грамотные все стали, — сказал Лабазнюк, и хихикнул ехидно. — Да, кстати, мужики! Я же о вас ничего, по сути, не знаю. Ну, кроме того, что вы не Черные, и что ты, Егорыч, из прошлого, а Сева — из Института. Просветили бы... — Он, снова, помрачнел. — Я должен знать что происходит! Мои люди погибли. За что!?

Солнцев печально вздохнул.

— Соболезную, Вадим. На их месте мог оказаться кто угодно. Мы с Севой ни в чем перед тобой не виноваты. Нас преследуют...

— Кто?!

— Эх, кабы знать... Думаю, вот чего. Дорога, как понимаю, не близкая, уснуть, мы все равно не уснем. Пусть Сева расскажет все подробно...

Всеволод не возражал. Спать совершенно не хотелось. Уютно урчал мотор, машина шла плавно, рытвин и бугров под колесами не ощущалось, будто и впрямь ехали в комфортабельном автобусе.

— Значит, так, — начал рассказ Сева. — Бандюганы назначили мне встречу, «забили стрелку», как они выражаются, а я...

— погоди! Ты, отчего с конца приступаешь? Давай по порядку.

Сева задумался, стал вспоминать...

Часть вторая РЕТРОСПЕКТИВА

За пять месяцев перед описываемыми событиями

V. Выпускник факультета гидросистем

1

Все дело в том, что Сева не хотел служить в родных вооруженных силах.

Отроческие годы пришлось на афганскую войну и перестройку, когда со страниц черно-белых газет и из динамиков цветных телевизоров неудержимым потоком неслись страсти-мордасти о дедовщине и генеральском беспределе.

В результате поступил Юрьев Всеволод Кириллович в ленинградский институт, но не в исторический (на археолога) или театральный, как мечталось в детстве, а другой, технический, зато с надежной «бронью». Позже выяснилось: перевестись никуда не удастся, а девять из десяти ребят-выпускников попадают опять-таки в армию, пусть и в звании лейтенантов. Ждет их два конкретных места: весь в соснах Плисецк и весь в песках Байконур.

К моменту окончания института, ставшего «техническим университетом», Байконур превратился в за границу с соответствующим размером командировочных, а потому места там не хватало даже кадровым военным. А стране не хватало младших офицеров, так как выпускники пехотных училищ делали всё, чтобы попасть под увольнение из рядов вооруженных сил: пили и дебоширили. И ожидала Всеволода участь командира взвода в любой точке великой восточной или северной части России.

Однако Сева не хотел в армию.

Альтернатива существовала: три года у черта на куличках, в одной из организаций, которые именуются «ящиками». Так что выпал молодому специалисту не только казенный дом, но и дальняя дорога в город с поэтичным именем Соловейск, на фирму с прозаичным названием ФГУП «ВНИИиК».

Автобус прибыл в Соловейск исключительно удачно. Ровно в девять Всеволод вытирал ноги о коврик, что скромно раскинулся у двери кабинета заместителя директора по кадрам. «Кадрам и безопасности», как гласила табличка, извещающая, что хозяина кабинета зовут Семисинев Поликарп Исаевич. Сам Семисинев оказался уже на месте, так что принял Юрина без промедлений, но отчего-то слишком долго рассматривал документы. Потом выписал направление в общежитие и попросил зайти к нему завтра в это же время.

Расспросив у вахтерши, как пройти к общежитию, Сева вышел из проходной под по-апрельски холодное северное небо, внимательней взглянул на полученную бумажку-направление с бледненьким зеленым треугольным штампом, и буквально остолбенел. На бланке, когда-то давно напечатанное название организации было зачеркнуто и шариковой ручкой написано: ФГУП ВНИИиК. Но не это вызвало изумление, а то, что именно зачеркнула синяя шариковая ручка — НИИМагии.

МАГИИ!

В детстве Сева был мечтателем и фантазером. Как и всякий нормальный ребенок. Любил читать носовского «Незнайку в Солнечном городе», «Шел по городу волшебник» Томина, и вообще, истории, где герой получает в дар волшебные спички, или палочку, или еще что-то исполняющее любые желания. В мечтах Сева, разумеется, воображал себя владельцем такого магического предмета.

Ух, как замечательно, когда исполняются желания! И при этом делать ничего не надо: не слезая с печи, «по щучьему велению, по своему хотению», имеешь все, что душе угодно.

Сева уже тогда понимал: само собою никогда ничего не получается, и бесплатного сыра не бывает. Даже в мышеловке. Но продолжал мечтать, пока не вырос из детских штанишек.

В старших классах времени для пустопорожнего фантазирования оставалось все меньше и меньше, а потом институт... Взрослая жизнь — какие уж тут фантазии. Да и нет нынче никакого волшебства. Двадцатый век его окончательно упразднил.

В этом был убежден молодой специалист Юрий В.К.

И вдруг — Институт Магии.

2

Утром следующего дня Сева, как было велено, явился в кабинет Семисинева. Замдиректора на месте не оказалось.

— Поликарп Исаевич на совещании, — проинформировала сноровисто работающая вязальными спицами секретарша.

— А когда будет?

В ответ та равнодушно пожала плечами.

Прерогатива начальства — заседать и совещаться; удел подчиненных — ждать.

Молодой специалист вышел в вестибюль. Хотел, было, вернуться, чтобы спросить, куда же ему теперь, но постеснялся. Окинул взглядом просторное помещение. Пилястры, лепные карнизы и розетки, массивные двустворчатые двери — «сталинский стиль», теперь так не строят. Но ничего необычного, магического Сева не углядел. Никаких кабалистических знаков на стенах, пентаграмм, зодиакальных символов. Зато в глаза лезли: красный ящик с пожарным рукавом и огнетушителем в одном углу и пестрящая приказами-указами доска объявлений в другом. Молодой специалист был разочарован.

Тут Сева заметил, что на него строго поглядывает вахтер, седоусый мужчина в годах, но с прямой спиной — сидел, как говорится, аршин проглотивши. «Отставной военный», — решил про себя Всеволод. Вахтер находился в плексигласовом кубе, напротив вертушки проходной. Сева подошел.

— Извините, не подскажите... Заместитель директора уехал, а мы вчера договорились о встрече. С кем мне теперь говорить?

— Ну, со мной теперь поговори, — милостиво разрешил мужчина.

«Шутка, что ли... Армейский, наверное, юмор».

Хохма не показалась Всеволоду ни умной, ни смешной. Впрочем, обижаться на незадачливого шутника — занятие и вовсе глупое. Всеволод смиренно попросил:

— Подскажите, кто сейчас вместо Семисинева.

Вахтер, видимо, собрался вновь сдохнуть, но раздался начальственный голос:

— В чем дело, Кордонов?

Поскольку рядом больше никого не было, Сева решил, что такова фамилия седоусого. Тот не смутился:

— Вот, гражданин интересуется, куда ему. Я как раз хотел его к вам направить, — и, уже Севе. — К начальнику отдела кадров, вам, юноша.

Из глубины коридора вышел мужчина в темно-синем в мелкую полоску костюме-тройке.

— Злоупотребляете, Павел Леонидович. А вы, Всеволод Кириллович, пожалуйста, идите за мной. Поликарп Исаевич мне про вас говорил.

До Севы, когда он отошел от вертушки, донеслось бормотание Кордонова:

— От горшка два вершка, а уже встреча с Семисиневым у него, гляди-ка... Видать, столичная штучка. А я зло не употребляю. Я добро употребляю...

Табличка на двери, оставшейся приоткрытой, была много скромнее чем у зам. директора и выдавала кроме должности только фамилию и инициалы: «Начальник отдела кадров Мишин П.П.»

— Можно? Здравствуйте. Я был вчера утром у...

— Проходите, проходите. Садитесь. Документы у меня.

В отличие от замдиректора, человека солидного, начальник отдела был невысок, толст и шустр. Он тут же начал куда-то звонить по местному телефону (набрал только три цифры) и пригласил кого-то к себе. В кабинет тем временем ввалились двое. Как видно — муж с женой. Хотя, правильнее — жена с мужем. Пыталась устроить его на работу.

Мужик с безразличием продаваемой коровы на сам процесс трудоустройства никак не реагировал. Оказалось, приведен он был всего лишь с целью демонстрации возможности пребывания в трезвом виде. Мишин выражал сомнение в реальности нахождения в таком состоянии данного индивида сколько-нибудь долго. Несмотря на эмоциональный нажим женщины, сопровождаемый криком и размахиванием рук, мужа пристроить на вакантную должность крановщика не удалось. Как Сева понял из дебатов, мужика уже дважды брали на работу сюда и после выгоняли по статье.

Выдворение супруги крановщика «с товаром» из кабинета совпало с появлением немолодого человека, почти старика, и при этом — могучего. Таким, говорят, был великий Пикассо в свои девяносто.

— Что имеете предложить, уважаемый Петр Павлович?

— Заявку подавали на молодого специалиста? Забирайте.

— Ну, Петр Павлович, не грубите.

— Забирайте. Куда хотите. Это Солнцев Михаил Егорович, — сообщил, теперь уже Всеволоду кадровик, и кажется, счел на этом свою миссию исчерпанной.

Покинув кабинет следом за новым руководством, Всеволод решил, что они направляются на чердак: лестница шла вверх, а здание было одноэтажным. Однако вместо чердака они прошли один лестничный пролет, другой, поднялись на третий этаж и, пройдя коридором, свернули в большое помещение, даже зал, казавшееся еще больше по причине отсутствия там людей. Если бы не начало рабочего дня, можно было подумать, что все на обеде.

— Прощу! — широким жестом Солнцев указал на стул. Юрин сел.

— Итак, что закончили? ЛГУ, академия?

— ЛИСИ. Правда, он теперь называется иначе, да и стал университетом...

— Не захотели именоваться ПИСИ? Понятно. А факультет? — в голосе слышалось неприкрытое разочарование.

— Гидросистемный.

— Извините?

— Факультет гидросистем.

— И как это вы к нам попали?

— По распределению...

Михаил Егорович стал совсем другим человеком, чем пять минут назад. От его благожелательности не осталось и следа. Он с размаху хлопнул по столу раскрытой ладонью — столешница прогнулась, спружинила и подбросила телефон. Трубка слетела с рычажков, сделала кульбит и как бы приросла к уху покрасневшегося хозяина. Пока трубка исполняла акробатический номер средний палец правой руки Солнцева, обремененный золотым перстнем с треугольным черным камнем, трижды ткнул в кнопки набора.

У телефона оказался достаточно сильный динамик, или связь просто была хорошей, но Солнцев не успел ничего сказать, как до Севы донеслось:

— Что хотите сказать, любезный Михаил Егорович?

— Петька, гад, ты что мне подсунул?

Наверное, от таких слов молодому специалисту должно было бы стать плохо. И впрямь, его состояние напоминало то, что он испытал, выйдя со вступительного экзамена по математике, когда решил, что из пяти вопросов письменной работы на три ответил не правильно, а значит, в институт не примут. Такой же звон в ушах и жжение в груди.

Тем временем «гад» ответил:

— Что просили.

— Я просил?

— А кто номер специальности в служебной записке ставил?

— Так это моя лаборантка, Курицына... Та, что в декрет ушла.

— Не Курицына, а Куркова. И потом — проверять надо, прежде чем визировать документ. До свидания, Михаил Егорович.

Трубка, сигналив звуками «занято» перестала прижиматься плечом и облегченно плюхнулась на старое место. Только после этого руководитель посмотрел на Севу и, оценив состояние молодого человека, счел возможным успокоить:

— Не бойтесь, не бойтесь. Это мы только со своими чиновниками такие строгие. Иначе до них не доходит. Знаете, как лошадей — нельзя гладить, они не чувствуют. Порог чувствительности другой. Их похлопывают.

— А я? Вы действительно хотели другого специалиста?

— Говоря откровенно — да. Но, ничего страшного. И ваша специальность пригодится. Как говаривали раньше: «забудьте все то, чему вас учили в институте»... Знаете, Всеволод Кириллович, я представляю ваш институт, — или как он там, университет теперь? — вроде медицинского инструмента, призванного расширить интеллект своих учеников. Не более того. Понимаете, если сегодня обучать чему-то новому вас или вчерашнего десятиклассника, вы предпочтительнее. Но это лирика. Что подразумевает ваша специализация?

— Магистрالی. Арматура. Проверка-эксплуатация. Проектирование. Ремонт.

— Так вы инженер-сантехник?

В устах Михаила Егоровича название специальности звучало ругательством. Хотя в институте их факультет так и дразнили, но на самом деле к сантехнике пневмогидросистемы имеют весьма отдаленное отношение. Сева бросил, язвительно:

— Ну, если дизайнера «Мерседеса» назвать каретником, то да.

На практике выпускники их альма-матер работают на криогенике в ракетной и атомной технике. MOM и СредМаш.

— Как же вы здесь оказались? Ответ может быть только один — из-за брони. С бронью у нас случилась такая история. Прислали из Министерства обороны комиссию. Что ей тут показывали, судить не берусь, но уехали полковники в бледном виде и вскоре подсунули министру на визирование некую cedулю, в которой говорилось о том, что в ВНИИиКе работают и попадают туда одни сумасшедшие, с которыми дела лучше не иметь. Поэтому предлагается сотрудников данного НИИ в армию не брать, считая их автоматически недееспособными. Так что бронь у Института не от того, что мы тут чем-то важным занимаемся, а из-за того, что тут только дураки работают. Но это шутка.

В чем соль шутки Сева не понял. Может, умные тут вообще ничего не делают?

— Теперь по существу. Нам нужен зоолог. Специалист по гидрам. Имеется большое сомнение в том, что эта работа для вас. Уж не взыщите.

— То есть, мне назад, в Петербург?

— Ну, зачем же так сразу... Сделаем так: я расскажу вам о нашем Институте. В общих чертах. Заодно подумаем, в каком направлении можно будет вас использовать. Если, конечно, захотите остаться.

Сева собрался, было, возразить, мол, и так все ясно — он здесь не останется. Работа не по специальности не для него. Тем более в этом захолустном Соловейске. Однако промолчал — все же любопытно послушать, чем они тут занимаются, какой такой магией.

— Для начала, неплохо бы чайку попить. Как вы на это смотрите, Всеволод?

Не дожидаясь ответа, Солнцев достал из стола сначала одну, а потом вторую чашку с чаем. Горячим и крепким.

— Прошу. К сожалению, ни печенья, ни сухарей.

Фокус? Кажется, нет. Ни к лицу начальству устраивать цирковое представление, имея цель удивить молодого специалиста. Или это и есть магия? Сева не стал ломать голову, а потянулся за чашкой.

VI. Институт имени Кастанеды

1

В Институте, как, впрочем, и во всех учреждениях бывшего Союза, любили гонять чай. Причем не с печеньем, сахаром или, упаси бог, тортами, просто — чай. Обжигающе-горячий, духовитый, такой, что когда набираешь в ложечку, а потом выливаешь обратно в чашку, кажется, что вязкость его гораздо выше, чем у простой воды.

Вот так, почти беззвучно потягивая чай, Михаил Егорович рассказал об учреждении, в которое по ошибке кадровиков попал молодой специалист:

— Ну, как говорить, кратенько... Институт образован в тысяча триста... — Солнцев запнулся, поправил себя, — в тысяча девятьсот тридцать третьем году. На базе... Впрочем, не суть важно. Объединили несколько лабораторий... Итак, ВНИИиК. Всероссийский Научно-исследовательский институт. Имени К. Кто такой «К» — не знаю. Курчатов, Келдыш или Королев? Не знаю. Может кто-то другой. Кибальчич, например... Запутали окончательно. Устав предприятия часто меняют, и имя сменяется с той же скоростью. Даже имени Кастанеды было, правда, не долго. А до восьмьдесят девятого года мы назывались НИИМагии.

Произнесено это было буднично. Чересчур буднично. Да, и на Севу, видевшего название на бланке, слова наставника впечатления не произвели.

Михаил Егорович продолжил:

— В шестидесятых сюда приезжали писатели Стругацкие: им организовали встречу с сотрудниками Института. Братья делились творческими планами, читали отрывки из своего нового романа... где про НИИЧАВО...

— «Понедельник начинается в субботу», — не удержался, встрял с подсказкой Всеволод.

Солнцев кивнул:

— Да, да. Именно так. Любопытное совпадение, а?

— Но у Стругацких НИИЧАВО — вымышленный институт, а ваш...

— Молодой человек, — перебил Севу наставник, — часто фантазии, на самом деле, переплетаются с действительностью. Жизнь, порой, преподносит такое!.. Куда там научной фантастике.

Тут Солнцев принялся стучать пальцами по столу. Звук получился сильный. Была в нем некая музыкальность, впрочем, слух у Севы хоть и не плохой, но не абсолютный. Тем не менее, ему показалось: это не столько мелодия, сколько азбука Морзе.

— Пойдем дальше... Ох, Пэ Пэ, старый хрыч, подловил меня, ох подловил... Ну, делать нечего. Так. Институт — московская организация. За забором — Соловейск. А тут — Москва. Пять лет назад эта разница ощущалась. Что еще. У нас несколько тематических отделов. Занимаются они, чем ни попадя: от языческих культов до массовой психологии включительно.

— Психологии?

Всеволод поразился. Инженеру-гидравлику здесь делать нечего, это понятно. Но специалист по гидрам... Зачем?!

— Что тут удивительного? Массовая психология — очень важная дисциплина. Специалисты в этой области сейчас весьма востребованы. В рекламном деле, на ТВ, да и в администрациях всевозможных.

— А зачем вам зоолог, занимающийся гидрами?

— Ну... чтобы было понятней: тезис кнута и пряника. В качестве кнута предполагается исследовать Гидру.

— Какую?

— В общем случае — любую. Не суть важно. Главное, что бы электорат пугался.

— А-а-а...

Сева сделал вид, что понял.

— ... Мы ушли о темы. Отделение «А» занимается вопросами Минобороны. Финансирование там двоякое. Заказы большие, но не оплачиваются. Долг растет, а судится с минобороной... себе дороже. Отделение «Б» работает по спецсредствам: ФАПСИ, ГРУ, ФСБ, СВР, иностранных дел, другие всякие. Но там все очень закрыто. Туда новичков не принимают, да и кадровые проблемы у них невелики. Да и вообще — его здесь нет. Он то ли под Ленинградом, то ли под Горьким. Отдел «Г» — медицина. При Горбачеве чуть не закрыли, но теперь переориентировались на лицензирование народных целителей и ничего, кто остался — довольны. Мы с ними ведем некоторые совместные проекты, в плане телепроповедников и телепсихиатров.

— А что при Горбачеве?

— До восьмидесят пятого исследовали возможность вечной жизни и молодости. Добились кое-чего, следует сказать. Многие ордена получили, госпремии. А при Горбачеве эти исследования потеряли актуальность.

— Перестала интересовать вечная жизнь?

— Боюсь, что необходимость ее продлевать, несмотря ни на что, перестала быть жизненно важной. Отделение «Д» — отделение сельского хозяйства, «Е» — промышленность, отделение

«Ж» — космос.
— А конкретно, с чем работают?
— Ну, вот «Е». Технологические процессы. Влияние на них человека. Тоже интересные работы. И практический выход есть.
— А «космос»? В этом отделении занимаются НЛО?
— НЛО, снежным человеком и лох-несским чудовищем занимаются везде...
Почему-то Севе захотелось оглянуться, как будто снежный человек стоит сзади.
— ...но в нерабочее время. Начальство такие занятия не одобряет.
— Отчего?
— От того, что у директора на столе под стеклом лежит высохшая и пожелтевшая от времени бумаженция, на которой текст: «Работать надо не с утра до ночи, а с умом и за зарплату». Космос. Название громкое. Можешь считать, — Солнцев перешел на «ты», — что я оговорился. У нас теперь космоса нет. Он есть. Но его все равно, что нет. Поскольку в магии, волшебстве и чародействе эта отрасль сейчас не нуждается. Позже — наверняка понадобится, а пока... Далее. Кроме отделений есть лаборатории, занимающиеся специальными вопросами и ни в одно отделение не входящие. Лаборатория Нострадамуса, например. В лучшие годы в Институте работало около шести тысяч сотрудников. А теперь... Большинство из оставшихся в административных отпусках числятся...

Солнцев рассказывал, а Сева уже почти не слушал. Мысли переключились на произошедшую прямо у него на глазах трансформацию: собеседник теперь не выглядел ни пожилым, ни могучим. Перед Севой сидел вальяжного вида господин, скорее похожий на театрального режиссера, недавно вернувшегося из заграничного турне, нежели на сотрудника захолустного научного института. И пиджак Солнцева из черного сделался вдруг дымчато-серым с серебристым отливом. Опять фокусы?..

— ... зачислим вас на должность мага-стажера. Согласны?

Кто бы осудил молодого специалиста, за то, что он сразу согласился стать магом?

2

Самым приятным в деятельности начинающего мага оказалась сама работа. Выяснилось, что в чародействе, с точки зрения науки, пыталась разобраться только одна лаборатория, возглавляемая «Егорычем» — М.Е.Солнцевым. Лаборатория входила структурно в отдел доктора физ-мат наук Инхандека, по совместительству — заместителя директора. Учитывая, что начальник больше внимания уделял всему Институту, чем одному из своих структурных подразделений, то над проблемой работали всего двое: Егорыч и Сева.

В Институте занимались решительно всем. Тут Егорыч не соврал. Но занимались как-то... неконкретно. Со стороны могло показаться — дурака валяют. В теннис настольный играют. В рабочее время! А в одном отделе и вовсе пристрастились в «ноус» резаться, называемый еще «морским бильярдом». В этой игре вместо шаров используются деревянные шайбочки, и стол раза в четыре меньше стандартного бильярдного. Но игра от этого не стала менее увлекательной. Сева, увидев как-то раз ученых мужей, азартно гоняющих киями шайбочки по натертому борной кислотой (для лучшего скольжения) столу, заинтересовался и захотел поучаствовать. Куда там! Очередь из желающих «сгонять партийку» была больше чем в институтской столовой в обед.

Те же, кто игнорировал «интеллектуальные игры» (или просто боялся получить от начальства нагоняй) большей частью просиживали штаны, и занимались банальной писаниной

(в перерывах между чаепитиями).

Впрочем, какая-то работа в Институте, все-таки велась. Сева точно было известно: их учреждение регулярно получает заказы от сторонних организаций и непосредственно от правительства РФ, и выполняет их, используя «нетрадиционные методы», в обиходе именуемые волшебством. Только как это происходит, Сева не знал. Но надеялся, когда-нибудь, узнать.

Егорыч предложил Юрину, для начала, ознакомиться с Институтом, так сказать, напрямую. На левом лацкане пиджака молодого специалиста теперь висела пластиковая карточка с цветной фоткой владельца, фамилией и должностью. Нигде, кроме как у себя Сева таких больше не видел. Егорыч, не вдаваясь в подробности, сказал: «Нужно».

С этой карточкой Юрин мог ходить везде и расспрашивать, кто чем занимается. И с ним действительно беседовали. Причина такого отношения была Всеволоду не совсем понятна. То ли Инхандек издал распоряжение, то ли некто, а конкретно Егорыч, пустил слух, что молодой человек — ревизор.

Как бы там ни было, но за две недели кое-что Сева разузнал. Только что из этого знания могло бы принести пользу?

Вот, например, в Институте отсутствовала такая достопримечательность, как «вечная лужа». Таковая обычно организуется на российском предприятии около гаража или свалки, отравляя жизнь заму по хозяйственной части посредством жалоб сотрудников (шоферов) и замечаний разнокалиберных комиссий. Так вот. В Институте луж не было. Была стена.

Стена была старой. Видимо, очень нужная, раз ее не сносили, а с завидным упорством чинили. После ремонта стена держалась год-полтора на честном слове начальника ОКСа, но так как он был не особо сильным чародеем (иначе работал бы в другом месте), то стена принималась за свое любимое занятие — осыпаться. Раз в полтора года ее ремонтировали. Потом все повторялось. Снова и снова.

Лужа — часть природы. Стена — рукотворная штука. Значит, в нее изначально вложена магия.

Еще одна достопримечательность: камень, здоровенный, в полтора человеческих роста (если поставить стоямя) и с сорокаведерную бочку в обхвате булыжник, валяющийся в центре институтского двора. Такая каменюка, только чуть поменьше, была бы уместна в саду японца (любят они украшать свои участки дикими глыбами) или перед входом в геологическое учреждение. Ибо был камень, судя по всему, какой-то редкой «породы», но как попал он сюда — оставалось только гадать. Наполовину камень врос уже в землю, видать не год, не два лежал без движения. Сколько времени пролежит еще — не ведомо никому...

Сотрудники Института были с молодым специалистом любезны, но отказывались демонстрировать свои способности.

«Понимаете, Всеволод Кириллович, — доступно растолковывал один из магов, — Все это должен был бы вам объяснить Солнцев. Мы же тут с формулами и погрешностями больше работаем. Экспериментальная часть давно-давно пройдена. Узкие мы специалисты. Два одинаковых станка, одна и та же технология. И получаются разные результаты. Мы даем рекомендации. И продукция идет качественной там, и там. Для этого нужен цикл мероприятий. А получить продукцию без станка — это гораздо энергозатратнее».

Сева пытался найти ответ в книгах, которые порекомендовали ему в библиотеке. Но не находил ответа. Как если бы дали ни аза не смыслящему в радиотехнике человеку неисправный приемник: догадайся, мол, как он работает и почини. А может быть наоборот, Сева читал «ученик по ремонту», но без «матчасти» не мог осознать: что и для чего нужно.

Словосочетание «маг-стажер», поначалу так понравившееся молодому специалисту, начинало приедаться. Сколько еще он будет ходить в стажерах? Ну, это ладно, все с этого

начинают, вот первая составляющая... Какой он, к шутам, маг! Сева знал: чтобы стать МАГОМ, нужно пройти Посвящение. Только как, и, главное, когда его «посвятят»? На вопросы Всеволода Егорыч отвечал уклончиво, мол, проявишь себя с лучшей стороны, тогда... А как показать свои способности, если тебе, толком, ничего не поручают...

— Вот что Всеволод Кириллович. Подумал я, подумал, и понял — Вам нужна ПРОБЛЕМА! Такая, для решения которой потребуются проявить мыслительные способности.

Сева был не на шутку встревожен: Егорыч обращался к нему на «вы», да еще по имени-отчеству! Обычно это означало: шеф сердит. Очень сердит. Егорыч, однако, продолжил спокойно, даже как-то безразлично:

— Вам поручается отыскать философский камень.

Найти средство против СПИДа, доказать теорему Ферма, жениться на английской принцессе — поручи шеф ему что-нибудь из этого списка — и то меньше поразился бы молодой специалист. Изумление, смятение, недоверие — все отразилось на его лице.

— Что-то не так? Я не достаточно ясно выразился? — Егорыч в упор смотрел в глаза стажера.

Сева замотал головой.

— Ясно. Только... как же... я его отыщу?

— А это уже — решать вам! Скажу лишь: проблема очень сложная, посему — не бросайтесь очертя голову. И не спешите рыться в манускриптах. Продумайте, как следует, варианты, а уж потом приступайте. И еще. Философским камнем вам придется заниматься параллельно с текущей работой, за вас делать ее никто не станет. Информации вами получено достаточно, укладываться в голове она будет еще долго, так что пока будем использовать вас на общетехническом направлении. Вот вам научно-технический отчет, вот — новые экспериментальные данные. Готовьте новый отчет по образу и подобию.

Перед молодым специалистом легли папка и брошюра в картонной обложке.

— Как готовить? — тупо переспросил Сева.

— Как курсовые и дипломную работу, — ехидно сообщил шеф.

«Оказывается, правильное у нас обучение в высшей школе», — подумалось Севе.

3

В институте, как вскоре уяснил Сева, работало немало симпатичных девушек, можно сказать, сверх меры. Множество приятных, милых и сексапильных девушек, или незамужних женщин. Причина такого положения не совсем понятна, но факт: если в стране действительно существует проблема нехватки мужей, то здесь она проявилась со всей очевидностью. Три к двум — таково было соотношение слабого пола к сильному. Что же касается свободных, не обременённых «кандалами Гименея» и не достигших пенсионного возраста мужчин, так их и вовсе — раз, два и обчелся. Да что там, всего трое: Володя с ВЦ, Жора-связист, и Николай из отдела «Б».

Девушки в институте мало что красивые, к тому же сплошь умные да образованные. Так что ребята из гаража и мехмастерской им не подходили. Извечный женский вопрос усугублялся условиями маленького городка, в котором остро чувствовалась нехватка рабочих мест и высших учебных заведений. Все парни старались уехать: кто за длинным рублем, кто за запахом тайги.

В общем, неудивительно, что появление нового сотрудника, — молодого, неженатого, высокого и, в общем-то, симпатичного, к тому же из северной столицы, — вызвало в рядах соискательниц звания «замужняя дама» легкий переполох.

«Надолго сюда?», «Как его зовут?», «Сколько-сколько лет?» — эти вопросы волновали барышень на выданье и на выданье по второму разу в первую очередь. А поскольку в отделе кадров работали тоже не старухи, информация растеклась достаточно быстро.

Взгляды, которые бросали на Севу девицы, имели самое разнообразное толкование. «Молоденький, какой!», «А гонору, то!», «Ну посмотри же на меня!», «Фу, грубиян!». Так как Юрий совершенно не умел читать женские взгляды, то поначалу институтские дамочки сочли нового сотрудника букой и гордецом.

Природную застенчивость Всеволод старался скрывать нарочитой холодностью, граничащей с высокомерием. Такую маску он носил не специально, как-то само собой получалось. Его считали нелюдимым, заносчивым черствым эгоистом; лишь близкие знали, что под личиной себялюбца прячется душа человека впечатлительного и уязвимого. В свои двадцать два года Сева не нажил, толком, ни друзей, ни подруг. Знакомые ребята были, конечно, а вот с девочками...

В школе в него по уши втюрилась соседка-одноклассница Людочка Мякенькая. Нескладная, вся из острых углов, девочка, вразрез с фамилией, обладала кремневой твердости характером. Она, похоже, решила, во что бы то ни стало заполучить Севу, и несколько лет кряду отравляла ему существование беспардонным сованием носа во все его дела. Положение усугублялось тем, что жили они в одном подъезде, к счастью, на разных этажах: Всеволод на втором, а Мила Мякенькая на четвертом. Каждое утро обожательница выстаивала на площадке перед дверью Юриных и, не спрашивая согласия Севы, сопровождала до школы, игнорируя насмешки знакомых. Любой завыл бы от такой настырности! Сева долго терпел. Потом, когда терпение кончилось, начал грубить, пробовал уговорить, пытался не замечать — тщетно. Мякенькая моргала огромными ресницами, проглатывала обиду и... преследовала его с прежней энергией. Не известно, чем бы все это кончилось, но Мякенькие-родители поменяли квартиру на большую, и семья переехала в другой район города, избавив Севу от не в меру рьяной поклонницы. Первой в его жизни.

В университете Всеволод на свою беду серьезно увлекся «примой» параллельного курса Мариной. Барышней столь же пустой и самовлюбленной, сколь и эффектной внешне. Вначале «прима» игнорировала, а может, просто делала вид, что не замечает Севу. Затем милостиво включила в свиту обожателей, позволив оказывать знаки внимания и надеяться на близкие отношения. Этот псевдороман продолжался более трех лет. Марина держала несчастного влюбленного на коротком поводке, не позволяя лишнего и не отпуская далеко. Иногда она разрешала обнять себя и подставляла для поцелуя щеку, а порой и тонкие холодные губы, но не более. Еще Марина имела дурную привычку рассказывать Всеволоду о своих поклонниках и обсуждать с ним их достоинства и недостатки, что вызывало в ухажере приступы тихого бешенства. Не единожды порывался он закончить не успевшую начаться связь, но всякий раз лукавая обольстительница притворно раскаивалась, обращала все в шутку, давала туманные обещания... Всё продолжалось снова и снова. Сева подозревал, что Марина поступает точно так же со всеми своими кавалерами. Но оказалось, что нет. Закончилась история банально и пошло: Марина забеременела и женила на себе выпускника юрфака, подающего надежды молодого адвоката, обладателя собственной(!) шикарной квартиры на углу Невского и Лиговки, доставшейся в наследство от бабушки, которая нашла себе старичка в Германии и укатила жить в Европу. И все это горе-ухажеру приходилось обсуждать с нравящейся ему девушкой.

Обжегшись с первым большим чувством, Всеволод решил впредь проявлять осмотрительность. Следующая его избранница, однокурсница Жанна, которую в группе звали, почему-то, Красулей, ничем среди подруг не выделялась. Ее прозвище носило явно иронический оттенок: ни фигурой, ни лицом, никак не тянула Жанна на фотомодел, разве что на обложке

журнала «Крестьянка» пришлась бы к месту. Но он ей нравится, — в этом Сева не сомневался, — и, значит, Жанна могла стать спутницей жизни. Их отношения носили, скорее, платонический характер, в том смысле, что походили на роман барышни и кавалера из мелкопоместных дворян времен Пушкина, когда влюбленные до свадьбы не смели и подумать о поцелуе, не говоря уже о том, чтобы лечь в постель.

При прощании перед отъездом в Соловейск Сева полушутя-полусерьезно назвал Жанну своей невестой. Она ответила, что будет ждать.

Не на войну, конечно, провожала своего «суженого» девушка, но все-таки... Сева вырос в своих глазах — его любят и ждут!

Однако, совсем игнорировать женщин Сева не мог. Даже если б захотел. Парень «с нормальной ориентацией», двадцати двух лет, и вдруг станет дичиться, избегать общения с прекрасным полом — это, по меньшей мере, странно.

С Ларисой Сева познакомился спустя месяц от начала трудовой деятельности. В Институте сотрудников постоянно откомандировывали из отдела в отдел — сказывалась нехватка персонала, руководству приходилось маневрировать, «латать дыры» на манер Тришкиного кафтана. Где требовались рабочие руки — туда бросали малоквалифицированных сотрудников. Миниатюрную девушку, похожую на светловолосую украинку, прислали из отдела Главного конструктора, помочь в подготовке рисунков.

— Привет, мальчики! Я — Лариса.

На звонкий голос повернули голову оба «мальчика». Михаил Егорович, который скрывал свой возраст (злые языки утверждали, что ему предлагали уйти на пенсию еще до мировой войны четырнадцатого года), уставился на девушку поверх очков, видимо раздумывая: расценить фразу как хамство, или комплимент.

— Всеволод, — назвался другой мальчик, и чуть привстав, отвесил излишне глубокий поклон.

И тут же взял инициативу в свои руки:

— Кажется, вы поступаете в мое распоряжение.

Лариса улыбнулась, оценив шутку.

Севе девушка понравилась сразу. Бесхитростная, открытая, не броская, но очень женственная. Не «тургеневская девушка», ни в коем случае. Скорее героиня Куприна.

Шеф перестал сверлить присланную рабочую силу глазами и занялся своими расчетами, отдав вновь прибывшую на откуп сотруднику. Такой прыти от Всеволода он не ожидал. Да Сева и сам не понимал, откуда взялись слова и наглость объявить себя начальником.

С Ларисой дела пошли значительно лучше. То, на что у Севы уходило по часу, и получались ужасно коряво, под ловкими пальчиками Ларисы приобретало эстетическую ценность буквально за пятнадцать минут. Да и чертила она не в пример быстрее. Сева не уставал нахвалить помощницу шефу. Но тот лишь пожимал плечами, мол, а чего ж мы ее призывали?

Приходилось Севе в благодарность оказывать даме знаки внимания, развлекать светской беседой. Однажды разговор зашел о «малой родине» Севы.

— Ты из Питера, да? Как я люблю этот город!...

Ну, да, разумеется. Северную столицу у нас любят все. Даже те, кто ни разу там не был. Кажется, кроме москвичей и одесситов. Тем, пока они не увидят все своими глазами, ничего не нравится.

— ... правда, я ни разу там не была...

Сева нарочито басовито хохотнул.

— Нет, ты не смейся. Я действительно не бывала в Ленинграде, но, наверное, знаю об этом

городе все! Нева, разводные мосты, белые ночи, атланты на ступенях Эрмитажа... Мне кажется, что все это я видела не один раз. — Лариса вдруг смутилась. — Ты, надеюсь, не примешь меня за восторженную дуру.

— Нет, что ты! — Севе очень импонировала ее открытость. — Я тебя понимаю. Знаешь, живя в Питере, не обращаешь на все это внимания. Ну... как бы тебе объяснить... Чуть не с детского сада тебя водят на экскурсии в Летний сад, Эрмитаж, Русский музей... Все это становится таким обыденным, надоедает, как... уроки литературы в школе. То есть, хочу сказать, что приезжие часто знают Петербург лучше нас.

Севе вдруг вспомнился родной город. Не открыточно-выставочный Ленинград-Петербург, а замусоренный, неухоженный, раздираемый противоречиями, уже завоевавший сомнительную славу «криминальной столицы»; средоточие политических интриганов — «радетелей за Россию»; намалеванные на стенах, поверх старых надписей типа «Зенит-чемпион» и «Виктор Цой, мы тебя не забудем», черной краской воззвания: «Бей жидов!»... Нет, не мог он сейчас гордиться своим городом. Хотя тот все равно был самым лучшим на всей Земле.

Как-то само собой получилось, что Сева начал провожать Ларису домой. Ну, в общаге все равно ведь делать нечего. Просто шли, болтали, так, без задней мысли. Расставались возле подъезда. И все. Сева топал к себе.

Как второклассники, какие.

А если у Севы и возникала мысль: надо бы пригласить ее куда-нибудь, в ресторан, скажем, то сразу вставал вопрос. Даже два. Удобно ли это? И главное, на какие шиши? Зарплата у молодого специалиста... да что там говорить — бывает и хуже. Хотя, куда уж хуже. Так, ведь, и ту задерживают. Единственное развлечение, которое Сева мог себе позволить — раз-другой в неделю посидеть в пивбаре на углу Энгельса и Сосновой. А Ларису туда не поведешь, уж больно публика там... плохо воспитанная, скажем так — из десяти слов семь, примерно, матерных произносят. Люди грубого физического труда — где им было галантным манерам выучиться.

Лариса намеков не делала, не кривила губ: что, мол, за кавалер такой. Но Сева чувствовал: девушке их «школьных» прогулок мало. Нужно делать следующий шаг. Или отвалить. В общем, или-или.

Вопрос решился сам собой.

Отчет закончили, и Лариса в один прекрасный день вернулась в бюро Главного конструктора.

Всеволод почувствовал себя беспородным щенком, с которым поиграли во дворе, да и оставили.

VII. Знал бы прикуп — жил бы в Сочи

1

Всеволод застал те счастливые времена, когда студентов в обязательном порядке вывозили на осенние сельхозработы, «на картошку». Нужно сказать честно: это были не самые худшие дни в его жизни, как и в жизни любого другого студента. Хоть и нелегко бывало: ветер, дождь, грязь, под конец по утрам лед на лужах, ворочать приходилось ужасно тяжелые мешки, а вспоминались, из институтской жизни, в первую очередь, именно те моменты.

Вечером костерок, гитара, бутылка портвейна по кругу, анекдоты, смех.

И карты. Не «дурак», «козел» или «ап энд даун», что в перерывах, а иной раз и во время лекций, пользуют студенты, а преферанс — король карточных игр. Солидное занятие. Одно приготовление к игре чего стоит: расчерчивание листка бумаги «под пулю», обязательный

договор — «ленинградка» или «сочинка», стоимость виста, время последней сдачи. А неперменные прибаутки: «первые висты — как первая любовь», «два паса — в прикупе чудеса», «нет повести печальней в мире, чем козыри четыре на четыре». И пусть уже тысячу раз слышал, и еще тысячу раз услышишь — без них, все равно, что на свадьбе без «горько». И кругозор расширяют. Многие знали б, скажем, что существует такой город — Жмеринка, если бы не начальник тамошней железнодорожной станции, который, согласно фольклору преферансистов «был большая сволочь — пасовал при трех тузах»?

В преферанс играют на деньги. В любую другую игру можно играть на «спички», «шелобаны» или «просто так». В преф — только на деньги. Но деньги здесь не самоцель, это вам не обдираловка какая, не «очко», «бура» или «три листика». Там — спринт: рванул, урвал; тут — марафонский забег.

Вновь приобщиться к студенческим радостям Всеволоду привелось уже на второй месяц по завершении учебы. Вышел приказ замдиректора направить группу сотрудников Института в ведомственный пионерлагерь для расконсервации и подготовки оного к летнему сезону. Не приказ, формально, а так, устное распоряжение. Уже потом Сева узнал, что администрация заботилась отнюдь не о детях сотрудников: помещения предполагалось сдать в аренду; бойкие ребята вознамерились устроить там что-то вроде загородного клуба. Послали в первую очередь самых молодых и, по возможности, одиноких сотрудников. Вероятно, таковых оказалось недостаточно, потому были и люди солидного возраста. Женщин тоже поехало изрядно: им и отгулы нужны, да и мыть полы со стенами парням поручать бессмысленно.

Выехали в субботу в лучших традициях советских выездных мероприятий, с песнями и «дозаправкой» в ближайшем магазине. Тон сначала задавал Жора-связист, единственный из всей компании, сносно владеющий гитарой. Настроение у него с утра было, видать, лирически-меланхолическое, и начал он с «Миленький ты мой, возьми меня с собой» и «По Муромской дорожке». Институтские дамы, коих в тесном автобусе было явное большинство, дружно подхватывали. Но уже после третьего стакана «Кавказа» настроение у Жорика поднялось столь резко, что он, без перехода, запел похабные частушки: «Выезжали мы на БАМ, с чемоданом кожаным...». Барышни зашикали, замахали руками и, в конце концов, отобрали у охальника гитару. Затянули любимую: «По Дону гуляет казак молодой». Цыганка в ней, как водится, опять нагадала деве смерть в «быстрой реке», вызвав приступ неподдельной грусти исполнительниц.

Сева пока только приглядывался к новому коллективу. Ухо следовало держать остро: всё, поди, сплошь ведьмы да колдуны кругом. Кроме, кажется, Жорика — невозможно представить человека с магическими способностями, вдрызг пьяного от бутылки «бормотухи». Вот та, блондинка, Симочкой, вроде бы, зовется — колдунья, чистой воды: голос, взгляд, повадки все... точно — ведьма. Хотя они, наверное, должны быть брюнетками? Ну, тогда, Ирма — глазищами-то как стреляет, и улыбается плотоядно. Что у нее на уме?

Опасения Севы, как будто, не подтверждались. Работа по благоустройству лагеря оказалась достаточно рутинной: мытье полов и окон, выгребание куч мусора, собирание и сожжение прошлогодних листьев... Никакой магии здесь не требовалось. Женщины исполняли обязанности уборщиц, мужчины — разнорабочих: поднеси, унеси, поставь, убери, прибеи, отдери. Колдуньи, с грязными тряпками в руках? Маги, кряхтящие под тяжестью перетаскиваемых железных кроватей с панцирными сетками? Смех, да и только!

Ночевать остались на месте, с тем, чтобы с утра пораньше продолжить работу, и успеть доделать все за день. Ужин с выпивкой плавно перешел в расписывание пульки.

Сева, хлебнув основательно, расхрабрился и сел четвертым за «стол зеленого сукна», представленный, собственно, ящиком, сверху прикрытым газетой. Его партнерами были: Ирма, та, на которую он подумал — ведьма, Алевтина, тоже с повадками бесовки дамочка и Николай

— серьезный мужик, явно себе на уме. Играли классику, с «распасами в темную» и «бомбами», по пять рублей за вист (полкопейки на советские деньги).

«Карта не лошадь — к утру повезет», — сдавая, бормотал под нос Николай.

Оказалось, что другой дежурной фразой у него была: «Битому неймется», когда партнер после подсада начинал опять торговаться. Иногда, шутки ради, заменял «неймется» на «не мнется». Он осторожничал, на прикуп не надеялся — брал игру только будучи уверенным на все сто.

Дамочки явно подыгрывали друг другу. Они не перемигивались, нет, и никаких тайных знаков, вроде бы, не применяли, но играли так, будто каждая видела карты партнерши. Когда они вистовали вдвоем против Севы, тому приходилось туго, а на распасах — и говорить нечего. Гора у Севы росла и росла, а карта все не шла. «Карта не лошадь...», — утешал Николай, сдавая.

— Девять пик, — объявила игру Ирма.

— Вист, — отозвался вчерашний студент.

Ход был «хозяйский». Ирма зашла с козыря. Сева и Алевтина «легли».

— Только попы и студенты вистуют на девятерной, не имея взяток в трех мастях! — процитировала Ирма, раскрывая карты. У нее получалось десять взяток — «заложилась» на третью даму в бубях, а у Севы дама была «дурой» — одна.

Партнерши рассмеялись злым, как показалось Севе, и ехидным смешком.

У-у, ведьмы! Объегорили мальчонку. Впрочем, если честно, сам виноват — зачем полез вистовать!?

У Севы гора достигла размеров Эвереста. И хоть не корову, как говорится, продувал, а обидно. Ни кто, ясное дело, проигрывать не любит, но для мужчины просто оскорбительно, когда обыгрывает его женщина.

«Прорвусь, — решил для себя Сева. — Не может быть, чтобы, хоть раз, не пришла хорошая карта».

У него была серия несыгранных бомб, а времени оставалось в обрез. Желая быстрее добраться до тройной, Всеволод «спалил» одинарную и двойную бомбы «шестериками» и ждал, теперь, «момента истины». Дамочки все чаще поглядывали на часы: был договор, что в двенадцать пойдет последний круг.

— Лови удачу — последние сдачи! — объявил Николай. Приемник в соседней комнате пропиликал полночь.

Николай сдавал первым, с него и начался «круг почета». У Севы мизерилось: две масти «чистые», в трефах девятка, и нет, совсем, червей. Эх, кабы знать, что в прикупе! Сева колебался, прикидывая и так и эдак. Опасно, тем более на «тройной»: можно на «паровоз» нарваться, тогда — финансовая катастрофа; с другой стороны, шанса отыгаться больше не будет. Как там говорится? «Отец сына лупил не за то, что играл, а за то, что отыгрывался»...

— Эй! Больше часа не думать! — поторопила Алевтина.

— Да, подождите вы! — Сева никак не мог решиться.

— Давай, уже, рожай ежа, — усмехнулся Николай. — Не бойсь! Бог не выдаст — свинья не съест.

— Мизер, — объявил Всеволод. Как со скалы прыгнул.

— Ну, наконец-то! — Николай открыл прикуп. — Годится?

Сева едва не заматерился: пришли две старших червы! Положение стало аховым, почти безнадежным. Оставалось лишь уповать на то, что партнерши не угадают его снос; очень слабая, надо сказать, надежда. Снести обе червы, оставив девятку, было самоочевидным решением. Сева так и хотел поступить, но в последний миг передумал — вместе с дамой червей сбросил девятку треф.

— Ну, Севочка, — с явным злорадством произнесла Алевтина, раскрывая карты.

— Ты попал! — поддержала ее Ирма.

Всеволод изобразил на лице какую-то идиотскую ухмылку: так ему легче было контролировать свои эмоции. Да разве их проведешь, ведьм этих!? Все карты насквозь видят, не иначе. И зачем только связался с ними!?

Партнерши быстренько разыграли «не ловленную» карту, на руках осталось по пяти штук. Наступил кульминационный момент. Сева продолжал улыбаться, но внутри сжался в комок: пан или пропал.

— Ну, что, трефу ловим? — спросила Алевтина Ирму.

— Это слишком просто... А Севочка у нас хи-и-трый, верно? — хохотнула ведьмочка.

Убить ее готов был Всеволод.

— Да-а!?!.. М-м. Тогда все может быть... Значит он оставил черву.

Невероятным усилием воли Сева не дал ухмылке сойти с лица.

Алевтина взяла двумя пальчиками свою семерку червей, повернулась к Ирме:

— Так?

Ирма вдруг качнула, отрицательно, головой.

— Нет?.. Как знаешь. — Алевтина положила карту на место. Зашла с треф.

Сева шумно выдохнул и мысленно перекрестился. Пронесло! Раскрыл карты.

— Ну, вы даете! — буркнул Николай. — Сто процентов — «ловленный» был мизер!

Дамочки не выглядели расстроенными, наоборот, похоже, остались довольны, что все так мирно разрешилось. Сева списал, не скрывая радости, восемьсот очков с горы и сразу вышел в плюс. Пулю закончили, практически, по нулям.

— Повезло тебе, Сева! — проворковала Ирма, складывая карты.

— Значит — в любви не повезет, — хохотнул Всеволод.

— Не везет в картах — в любовь и не суйся, — выдала свою формулу известной поговорки Алевтина, и так посмотрела на молодого человека, что у него перехватило дыхание. Гремучей смесью откровенного вожделения и соблазнительной фривольности был наполнен ее взгляд; так смотрят, наверное, самки на своих избранников во время брачных игр.

Сева вышел на крыльцо, закурил. Эмоции переполняли парня. Алкоголь еще не выветрился из головы, но сильнее водки пьянила неожиданно удачная концовка игры и, главное, взгляд, которым одарила его Алевтина.

Ночь была ясной и по-северному прохладной. Сева пожалел, что не накинул куртку. Сделав три-четыре затяжки, он отшвырнул сигарету, собрался, было, войти в дом, но столкнулся в дверях с Алевтиной. Сева посторонился, пропустил женщину, да так и остался снаружи. Алевтина обернулась, блеснула обворожительной улыбкой.

Они шагнули друг другу навстречу. Сева неумело обнял женщину, не рассчитал силы, сделал ей больно. «Медведь», — прошептала Алевтина, прижимаясь губами к его рту.

Закачалась, закружилась ночь, подхватила и понесла парня в диком хороводе. Мир раскололся, рассыпался в прах. Не было на свете ничего, что могло бы сравниться с необыкновенной сладостью колдовского поцелуя...

— Мам, ты где? — раздался вдруг голос Николая.

Иногда бывает так, что видишь молоденькую девушку, почти девчонку, и вдруг замечаешь рядом с ней сына-школьника. Иногда видишь женщину, и не знаешь, это молодая мама с дочкой, или молодящаяся бабушка с внучкой. В таких случаях бывает некоторое недоумение, которое улетучивается через секунду. Но когда лысоватый мужик сорока с лишним лет называет ту, с кем ты обнимаешься мамой — тут слетают любые колдовские чары.

Севу будто током шарахнуло. Так, видимо, чувствовал себя пушкинский кудесник,

добившийся любви Наины. Морок тут же разлетелся, словно его и не было вовсе, оставив лишь вкус поцелуя на губах.

Алевтина отстранила парня и отозвалась:

— Я здесь, Коля, подышать вышла.

«Да ведь ей за шестьдесят», — озарило Севу. Целовался со старухой! Чувства стыда и досады овладели им, внесли в душу смятение, хаос в мысли.

На крыльцо вышел партнер по преферансу.

— А, вот вы где... Сева, пойдём, поговорим.

«Ну, вот. Сейчас он еще за мамину честь вступится. Неужели видел? Или догадался?».

Когда отошли достаточно далеко, Николай сказал:

— Ты Сева, на Алевтину не обижайся. Ведьма, она ведьма и есть. Я по молодости переживал сильно, а сейчас отношусь к её выходкам поспокойней. Ведь будь она мужчиной, никто бы и внимания не обратил: подумаешь, шестьдесят пять — «седина в бороду, бес в ребро». А к женщине другое отношение.

Сева молчал, сочтя это самым лучшим в данной ситуации.

А Николай продолжил:

— Обычно она чары не сильные наводит, так что за здоровье не беспокойся. Но я на всякий случай попрошу Ирму, что бы она проверила и зачистила, если что. А ты, это... Не рассказывай никому, лады?

2

Обратно с «субботника» возвращались смурными. Клевали носами, сопели, кто-то даже похрапывал: не выспались, да и малость перебрали, накануне. Но были и такие, кому все нипочем.

Трое мужиков «в возрасте», как ни в чем не бывало, извлекли из сумок заначки. Разлили. Предложили и Всеволоду: тот все переживал, заново, вчерашнее приключение с Алевтиной. Сева пить не стал, однако поддержал беседу, постоянную спутницу всякого российского застолья, пусть даже оно происходит где-нибудь у заднего крыльца продмага, среди пустых ящиков, или, как сейчас, в поездке.

— Вы у Солнцева трудитесь?

— Да.

— Всеволод Кириллович?

— Да... А откуда вы меня знаете?

— Ну, батенька, у нас институт маленький... Все всё знают. Кстати: Арнольд Адольфович.

— Очень приятно.

Назвались и двое других. В лицо Сева, конечно, знал всех, или почти всех, институтских, но по-настоящему только начинал знакомиться.

Мужики, выпив и закусив остатками колбасы, предались воспоминаниям, благо свежий человек подвернулся. Сева не стал лишать «старичков» удовольствия почесать языки, да и самому было интересно: собеседники-то попались не совсем обычные.

Арнольд Адольфович, маленький, кругленький живчик, рассказывал:

— ... Еще перед войной было дело: покупали наши что-то там у американцев. Что-то для самолетов. Денег, естественно, в стране нет, утварь церковную и картины стоящие уже продали, золота жалко — что делать? А тут штатовцы сами проявляют инициативу: а хотим, говорят, на обмен, русский драгоценный камень. А, именно — александрит. Но тот камень не то что

редкий, а очень редкий. Если говорить о ювелирно пригодных образцах. Интересен он тем, что при дневном свете зеленый, а при свете свечи, допустим, малиновый. Вот, к нам и приезжает представитель ГПУ или НКВД, не помню, как они тогда обзывались. Идет к директору. Тот перепихивает на руководителя подразделения новых форм. Ванадий Павлович тогда был у них руководителем. И что придумал Ванадий? Взять простой искусственный корунд, красный, и заставить его терять цвет под солнечным светом. Как? Элементарно: добавить примесь ванадия! Вот такой у него вышел, хе-хе, каламбур.

— И что, получилось? — удивился Всеволод.

— А то! Американцы уже потом, спустя время, сами наладили производство таких, с позволения сказать, александритов, даже запатентовали придумку нашего Ванадия, как собственное изобретение! Хе-хе.

Сева был немного разочарован: думал, расскажут о колдовстве каком-нибудь, о магии, а тут... технический трюк просто.

— Далась вам эта магия, — сказал, посмеиваясь, Доктор (так называли сверстники второго участника «застолья»). — Думаю, что всякий истинный ученый немного волшебник... или, по крайней мере, иллюзионист. Литераторы привыкли изображать нас рассеянными чудаками, беспомощными в повседневной жизни, такими, знаете, «не от мира сего». Заблуждаются! Вот, в качестве примера, малоизвестный факт из биографии известного итальянского ученого, жившего в Пизе. Он подрабатывал на жизнь тем, что спорил с заезжими туристами на деньги: что быстрее упадет с башни, ядро железное или бумажное ядро в деревянном ящике, трехфунтовое или двенадцатифунтовое? И достижения фундаментальной науки приносили ему немалый доход!

Посмеялись. Сева, напустив на себя умный вид, добавил:

— Наверное, ядро в ящике будет дольше падать: сопротивление воздуха больше. Только разница во времени ничтожная, и ею можно пренебречь.

Молчавший до сих пор Савич, долговязый мужик в очках с толстенными стеклами, усмехнулся:

— Пренебречь, говорите... Как сказать. Помню случай: человек за воздух, как за соломинку ухватился... Я тогда у «естественников» работал, и ездил в командировки с геологическими партиями. На приполярном Урале было. Вертолет вез домой с вахты бригаду проходчиков. Мужики, как обычно, выпивали. Одному закурить захотелось, что в вертолете запрещено категорически — в салоне емкости с горючим находятся. А тому — море по колено. Сидит, дымит. Заглядывает к ним ботмеханик, и на мужика: «Ты чего делаешь! А ну, бросай курить здесь!». Проходчик, спьяну, понял приказ в буквальном смысле. Прежде чем бортмех успел ему помешать, открыл входной люк, окурок выбросить. Ну и, вслед за охнарем, сам вывалился. С высоты нескольких сотен метров падал. Комментарии, как говорить, излишни. Но! Мужик в свое время в ВДВ служил. И, постарался, как его учили, погасить, на сколько возможно, скорость. Раскрылился в тулупе своем. Перед ударом сгруппировался. Спасло его, в первую очередь, конечно, то, что упал на заснеженный склон. Но и грамотное поведение не последнюю роль сыграло. Отделался переломом конечности. Только ведь удача, она дама капризная: сегодня так повернется, а завтра — другим местом. Вот и проходчик не избежал-таки печального итога. Он так усердно обмывал свое чудесное спасение, что однажды уснул, пьяный, на улице, и замерз насмерть. В этот раз не помог и тулуп.

Помолчали. Разлили по второй. Выпили.

— Савич, — обратился к долговязому Арнольд Адольфович, хрумкая огурчиком, — расскажи, как у вас проходчик лошадь напугал.

— Да, — с готовностью откликнулся Савич, — был такой случай. Один проходчик, Вася,

здоровый жлоб, придумал, как, не вылезая из спального мешка, выходить по нужде. Прорезал дырки и, как приспичит, сунет ноги в сапоги и прямо в спальнике идет за палатку. Раз после смены работяги отсыпались до обеда: у них выходной был. Васе забожалось выйти. Он, как обычно — ноги в сапоги и на улицу. А тут начальство подъезжает к лагерю на лошади. Ну, лошадь видит, спальный мешок идет навстречу, напугалась, бедная, как заржет и в сторону от этого приведения! Начальство — кубарем с лошади. Досталось потом Васе за рационализацию.

— Не оскудела земля русская талантами! — воскликнул Доктор. — Изобретатели-самородки. Ломоносовы!.. Кстати, о Михайло Васильевиче. Он, как известно, утверждал: «Если где-то убавится, то в другом месте, обязательно столько же прибавится». Почему-то принято считать, что Ломоносов пришел к такому умозаключению, проводя химические опыты. На самом же деле эта взаимосвязь касается в первую очередь экономики, и была выявлена будущим академиком еще в Холмогорах, когда юный Миша торговал рыбой.

Подвыпившие кудесники-ученые дружно рассмеялись. Доктор, как в дальнейшем узнал Сева, любил сочинять байки и анекдоты о знаменитых людях, по-своему интерпретируя знакомые всем факты.

Разговор катился, перескакивая с пятого на десятое. Известное дело: обо всем на свете успевает поговорить русский человек за чаркой вина.

— Кстати, об экономике, — открыл новую тему Арнольд Адольфович. — Помню, был я в Ленинграде в командировке. Году в сорок седьмом, пожалуй. И надо же, порвался ботинок, стала подошва отходить, просить каши. Я — к мужичку, что в будке сидит, и ботинки с сапогами починяет. Снял ботинок, сижу, жду... Он его прошивает и у меня спрашивает: «А сам-то, кто по профессии?». Что ответить? Колдун? Волшебник?

Компания понимающе захихикала.

— ... Ну, я и говорю чистую правду, как в трудовой книжке и командировочном удостоверении записано: «Старший научный сотрудник». Молчит сапожник. Переваривает услышанное. А после и выдает: «Плохо в наше время без специальности».

— Дак, это завсегда так было... Кто руками умеет работать — с голоду не помрет... Один знакомый слесарь говорил: «Меня цена на водку не колышет. Пусть себе повышают. Видишь эту деталь?! Она как стоила бутылку, так и будет стоять!». Ха-ха-ха.

— Вот! Умеют люди... А мой-то, лоботряс, пока учился в университете, все письма слал: вышлите, мол, денег... Мы, в свое время, стеснялись у родителей просить. Вагоны разгружали ночами... Да, о чем это я? А, так вот. Письма сынуля перестал писать — телеграммы в ход пошли. Под конец прислал такую: «Пятьдесят. Миша». Я ему тоже послал: «Не шикуй зпт не подписывайся тчк Я и так знаю что ты Миша тчк»... До сих пор сидит, фактически, у меня на шее. Хоть у самого взрослые, уже, дети...

— А в каких годах ваш сын учился? — спросил Сева.

— В конце пятидесятых.

«Вот это да! — удивился Сева, про себя. — Сколько же лет ему?! А, ведь не скажешь по виду». Выглядел Арнольд Адольфович лет на шестьдесят, максимум. И вообще, Сева убедился: бесполезно пытаться определить возраст человека, особенно если тот работает в их Институте.

Не обошли вниманием и прекрасный пол — вечную тему, наряду с футболом и политикой.

— ... Я заметил, что у женщин слабо развито абстрактное мышление. Они привыкли думать конкретно. Вот один пример. Рассказываю знакомой анекдот: «В бар заходит голая женщина и спрашивает коньяку. Бармен таращит на нее глаза. Женщина: «Ты что, голых баб не видел?». Бармен: «Видеть-то я видел. Мне интересно, откуда ты станешь деньги доставать». Знакомая задумалась, а потом заявила: «Так она же натурой расплатится». Ха-ха-ха!

— Это бы ей много коньяка досталось...

— Фи! Еще старина Мюллер говаривал: «Предпочитаю водку. От коньяка я совею».

— Не скажи. Если хороший коньяк...

— Дубильные вещества в нем. Водка — чистый продукт. Вот у нас, на восьмом стенде Иванов работает, Федор Степаныч. Подсчитал, что выпил уже цистерну. Три с половиной тонны. Смог бы он столько коньяка выдуть? Никогда в жизни!

— Ты, Сева не верь им! Не водку пил товарищ Иванов, а разбавленный спирт. И не бери, бога ради, с него пример. Наш Степаныч — бывший бортмеханик. Еще в войну летал. После уволили его из армии за пьянство. Он в гражданскую авиацию пошел, на родину — в Красноярск. Летал на новых, тогда, «Ил-14». Пить хотел бросить, да на его беду в самолетах в качестве противообледенителя применялся этиловый спирт. Разве тут бросишь?! Иванову чуть-чуть оставалось летать до пенсии, когда турнули его с работы. Опять за пьянку. Куда с пятном в трудовой податься? В края суровые только. Перебрался на северо-восток, в Якутск. Приняли. Летал. Опять начал куролесить. Выгнали. Подался еще севернее. И, в конце концов, очутился на краю земли, в Певеке. Дальше только Северный полюс. Оставалось налетать буквально десятков часов, но Степаныч опять запил. Выгнали. Пригорюнился наш Степаныч — накрылась пенсия! Тут один приятель посоветовал ему пойти в парашютный десант (тушение лесных пожаров). Туда, мол, всех берут, и прыжки приравниваются к летным часам. Деваться некуда, пошел. Оказалось, правда: десантники, сплошь уволенные за пьянку летуны.

Объяснили им, что к чему. Пришло время прыгать. Посадили в самолет, летят. Иванов и так был еле живой с похмелья, а глянул в люк — вовсе муторно стало. Но как подумал, что пенсии не будет, закрыл глаза, и — вперед! Вывалился наружу, будто мешок с натуральным коровьим удобрением.

Два месяца прослужил Степаныч в десантниках, заработал пенсию. А под конец в наши края попал: у нас сильно в тот год леса горели. Тут и познакомился Степаныч с кем-то из институтских. Позвали его к нам работать. Тридцать лет уже...

Автобус катил по улицам Соловейска. Спящих растолкали, пустую тару и мусор убрали. Сева, вдруг вспомнил историю, рассказанную Арнольдом Адольфовичем в самом начале беседы. Он подсел к шустрому старику.

— Арнольд Адольфович, вы про камень говорили, про александрит, и я подумал... В общем, меня проблема философского камня интересует.

— Да?! — «мужичок с ноготок» умудрился глянуть на Севу сверху вниз. — С каких же, разрешите полюбопытствовать, позиций интересует вас данная проблема?

— Ну... — замялся Всеволод, — с разных. Откуда взялась идея философского камня? В каких направлениях велись поиски?..

— Вам, должно быть, Солнцев дал поручение отыскать камень, а? Верно? Ну, что ж. Заходите ко мне, в 47 кабинет. Потолкуем.

VIII. Ведьмочка

1

Дверь отворилась резко: было слышно, как ее толкнули, как дрогнули в раме стекла...

Юрин не обернулся. Он сразу догадался, кто вошел: вместе с потоком воздуха в комнату ворвалось душистое облако. Эти духи спутать невозможно ни с чьими другими. Парфюм, попадая на нежную женскую кожу, обязательно несколько меняет свой аромат. Даже если две девушки пользуются одинаковыми духами — всегда можно с закрытыми глазами понять, кто перед тобой. А запах, вызывающий странные ассоциации, — с огнем и снегом одновременно, —

мог принадлежать только ей.

— Я так и знала, что это ты здесь сидишь. Задерживаться после работы способны или старые маразматик, которым не хочется идти домой к женам-стервам, или молодые карьеристы, желающие заработать у начальства дополнительные баллы...

Ирма, не дожидаясь приглашения, пододвинула стул и уселась где-то за правым плечом Севы. Он нарочно не отрывался от текста, делая вид, что поглощен работой.

— Кто же я, по-твоему? Маразматик или карьерист?

Сева включился в игру, не задумываясь о возможных последствиях. Обычная осмотренность изменила ему. А ведь предупреждали, предостерегали: ни в коем случае не отвечай на заигрывания ведьм.

— Ты? Карьерист конечно. Честолюбивый, как всякий молодой специалист. К тому же не растерял еще иллюзий — веришь, что способен оставить след в науке. Тем более в такой мало исследованной области, как паранормальные явления.

Сева усмехнулся: все-то вы про нас, мужчин знаете... Считаете что все. Ну, да, конечно, честолюбив. Но не наука же загнала его на широту между Архангельском и Мурманском. Откуда Ирме знать, что у него не было выхода: или в армию офицером-двухгодичником, или сюда, где «даже летом холодно в пальто». Спасибо, хоть Восточная Европа, а не Западная Чукотка. Там ведь тоже есть филиал отделения РАН. А что торчит, когда все уже сидят у телевизоров, так не от желания выслужиться. Наоборот, из-за собственной нерадивости: дотянул до последнего, а шеф требует: вынь да положи ему отчет к запланированному сроку. Кроме того, выбор-то невелик: или в общаге маяться со скуки, либо тут вечер скоротать.

— Ну, хорошо. Я — карьерист. А сама что здесь делаешь?

Поняв, что изображать трудягу нелепо, Сева чуть повернулся на своем крутящемся стуле и оказался почти напротив женщины.

Молодой специалист, когда еще только знакомился с сотрудниками института, начал было обращаться к Ирме на «вы», — как-никак старше его на тринадцать лет, — но она воспротивилась, шутливо заявив, мол, «выкать» — значит видеть в ней старуху. А она вполне еще молода, даже просто — юная.

Вот и сейчас она будто студентка-первокурсница звонко и охотно рассмеялась, закинув головку и демонстрируя жемчужные зубы и тонкие ноздри.

— Я? Люблю работать в одиночестве. Дома никто не ждет, а дел накопилось — вагон и маленькая тележка.

Сева сам не заметил, как с готовностью побежал по приготовленной для него дорожке:

— Значит мы — товарищи по несчастью!

Ирма кивнула. Пристально посмотрела на молодого человека и улыбнулась, еще раз блеснув действительно красивыми зубками: берегись Сева, попадешься мне в сети, не вырвешься. Он как будто только теперь разглядел насколько хороша чертовка: густые темно-каштановые волосы, великолепная, без признаков морщин кожа, замечательная фигура...Эх, если бы не возраст. Впрочем, Сева слышал от выдавших виды мужиков, что женщины и в пятьдесят бывают невероятно сексуальными и охочими до молоденьких парнишек. Яркая тому иллюстрация — случай с Алевтиной. Он вдруг густо покраснел: не разучился еще стесняться мыслей «про это», и, кроме того, вспомнил об оставшейся в Питере Жанне, которую считал невестой. А главное, Ирма была профессиональной ведьмой, (Сева узнал от Егорыча), в буквальном смысле этого слова; хотя по ведомости она, наверное, проходила каким-нибудь старшим лаборантом-экспериментатором. Ведьма, разумеется, не в средневековом понимании, а в том контексте, который возник в конце двадцатого века: человек, наделенный экстрасенсорными способностями, сильнейшей биоэнергетикой.

Ирма пододвинула стул к столу. Севины колени чуть не уткнулись ей в бедро, да и лицо оказалось в опасной близости от темных чувственных губ.

— Дай руку! Предскажу судьбу. Что было, что будет...

Щеки коснулось горячее дыхание собеседницы. Сева ощутил сильное стеснение в груди. Ирма сжала его запястье ладонями. Какие они сухие у нее. И сильные. Да, кажется, влип...

Ирма провела по его ладони пальчиком с наманикюренным ногтем.

— Ты романтическая натура, Всеволод! Эмоциональный... увлекающийся, но... застенчивый. А это что... ай-яй! У тебя еще не было интимных связей с женщинами!

Сева грубо вырвал руку. Какого черта! Лезет, беспардонно, в его личную жизнь. У любого лица мужского пола обвинения в девственности вызывают неприятные эмоции...

— Извини. Я не хотела тебя обидеть. Ничего тут такого — все еще будет! В будущем у тебя...

— Не надо! Я не хочу знать про будущее.

Ирма улыбнулась открытой, располагающей улыбкой.

— Боишься судьбы? Зря. Карму нужно принимать, как есть: без страха и сожалений! Кроме того — у тебя все будет хорошо.

Она встала, зашла с другой стороны стола, села там.

— Чего ты боишься? Дай левую руку.

Сева нехотя выполнил просьбу. Теперь, когда между ними оказалась заваленная бумагами столешница, он почувствовал себя гораздо комфортней.

— Раз, два... три, четыре. Четыре женщины будут любить тебя! Двух будешь любить ты. Но женишься... ай-яй, на нелюбимой...

— Как? Нет, не верю! Я ее...

Сева осекся. Любит ли он Жанну? Ну, да, наверное... Конечно! А вот, женится ли он на ней, как договорились? Дождется ли она?

Спросить у Ирмы? Соврет, конечно. Тоже мне, гадалка нашлась, хотя... Эти чертовы ведьмы, как утверждают, действительно обладают кое-какими способностями. Не зря с ней опыты ставили. А потом уже придумали ей же поручить результаты тех опытов обрабатывать.

Ирма нажимала на ладонь как-то по-особому, там появлялись новые линии, которые гадалка разглядывала под разными углами, крутя Севину руку как врач.

— Про твою невесту Жанну я тебе не скажу, — усмехнулась Ирма. — Ты мне не веришь, зачем зря тебя волновать?

2

Лампа дневного света под потолком неожиданно замигала и погасла. Остались две глубокого розового цвета полосы. С вечерними сумерками остался один на один настольный светильник старой конструкции с большим цилиндрическим абажуром.

На лицо женщины легла неровная тень, лишь глаза, — ведьмовские, колдовские очи, — горели, прожигая Севу насквозь. От нее пробежал по руке ток, какой-то биоэлектрический разряд, кольнувший парня прямо в сердце, растекшись, затем, по всему телу, заставив затрепетать в чувственном угаре. Она переплела свои пальцы с его, глядя другой рукой запястье. У Севы не осталось ни сил, ни желания, остановить ее. Женщина оплела руками его шею. Теперь они пребывали в очень неудобной позе, разделенные столом.

Ирма с элегантною легкостью села на полированную крышку, перекинула ноги на его сторону, попутно смахнув на пол подолом юбки несколько листов. Не слезая со стола и не

отпуская парня, она прижала его голову к своей груди. Он неуклюже обнял женщину за талию, задыхаясь в жарких объятиях, беспомощный, словно муха в паутине. Ирма взъерошила волосы парня и чуть оттолкнула его от себя, явно играя, как кошка с мышкой.

Да она просто решила посмеяться! Послать ведьму ко всем чертям... А это еще что!?

Ирма так и сидела на столе, чуть откинувшись назад, опираясь прямыми руками. На ней была узкая юбка и черный облегающий свитер. И вдруг — одежда стала просвечивать, будто тонкий капрон. Сева отчетливо видел ее соски на аккуратных грудках, плоский живот с продолговатым пупком, узкую полоску кружевных трусиков...

Горло сдавило спазмом, окончательно нечем стало дышать; удары сердца слышны, должно быть, в коридоре. Сева с минуту любовался полуобнаженным телом, пока не застыдился, — нельзя так откровенно пялиться, — отвел глаза. А когда вновь посмотрел на женщину, то увидел на ней те же, обычные, свитер и юбку.

Что это было? Какой-то трюк с подсветкой изнутри? Или его воображение так разыгралось? Сева разволновался — прекращать надо эту чертовщину! Не даст он ведьме насмехаться над ним, соблазняя разными фокусами своими, бесовскими. Но прежде чем он открыл рот, Ирма опять схватила его руку и, наклонившись к уху, зашептала:

— Извини Сева, у меня непроизвольно получилось. Совсем забыла, что одежда на мне... обработана особым составом. Я надевала ее на Хеллоуин... Знаешь, да? Тридцать первого октября. Можно сказать — профессиональный праздник.

— Вы на шабаш в этот день собираетесь? — попытался сострить Всеволод.

— Да, — абсолютно серьезно ответила женщина. — Официально это именуется корпоративной вечеринкой, но по существу...

— И кто там еще бывает?

— Почти все наши. Члены Клуба Белой Магии.

— Белой? — искренне удивился Сева.

— Конечно. Черную магию у нас в стране практиковать нельзя. А мы ничем предосудительным не занимаемся. У нас проходят скучные собрания, съезды, конференции, но в Хеллоуин... На нем, как теперь выражаетесь, отрываемся по полной!

Сева представил себе что, судя по ее трюку с одеждой, вытворяют на этих шабашах ведьмы и колдуны... О-о!

Ирма, видя его смятение, постаралась еще и усугубить, принявшись нашептывать скабрёзности, делилась впечатлениями от оргий. Говорила она спокойно, без эмоций, просто сообщала информацию... Но и этого оказалось достаточно: голова у парня пошла кругом. Он как наяву видел картины утонченного разврата. Это была не обычная «групповуха» из порнографического журнала, а некое ритуальное, по-своему красивое действо, не ставшее, впрочем, менее бесстыдным, несмотря на всю изысканность. И она, Ирма, была главным действующим лицом бесовского карнавала.

Зачем она все это рассказывает? Насмехается, издевается над его чувствами. «Дрянь! Убирайся отсюда!», — захотелось крикнуть Севе, но язык прилип к небу. Сухо, сухо во рту...

— Я возьму тебя силой. Ты будешь моим, — шептала Ирма, стискивая парня в объятиях.

Он не понял, когда она успела переместиться со стола ему на колени. Запрокинула его голову и впиалась долгим горячим поцелуем в губы.

Сева совершенно утратил способность сопротивляться, оказавшись в роли маленького птенца, пойманного змеей, серой мышки, которую держит в зубах самый страшный в мире зверь, и той остается лишь дергать хвостиком. Против воли перед его мысленным взором появилось лицо Жанны. Невеста смотрела на Севу широко раскрытыми, полными гнева и удивления глазами. «Предатель!», — бросила Жанна в лицо жениху...

Ирма поднялась на ноги, легкой пушинкой вскочив с колен Севы, вытянула руки над головой, давая ему возможность оценить стройность фигуры, обхватила себя руками крест накрест, так что пальцы оказались на талии и медленно, с наслаждением, стянула свитер, под которым, как уже знал Сева, не было больше ничего; провела руками по застежкам — юбка упала к ее ногам. Ведьма тряхнула гривой великолепных волос и чуть повела из стороны в сторону упругими грудями. Затем, так же, не торопясь, расстегнула пуговицы на рубашке Севы. Не отдавая отчета в своих действиях, Сева прикоснулся губами к розовому, аккуратному соску, чувствуя как тот набухает и твердеет. Ирма негромко застонала, убрала грудь, подставив ему другую. Прошептала:

— И ее не обижай вниманием...

В это самое время руки ведьмы бесцеремонно шарили, забирались под Севину рубашку, расстегивали молнию на джинсах. Женщина наклонилась...

Сева не видел ее лица, только голову, макушку... И с этой головой вдруг стали происходить удивительные вещи. Волосы начали темнеть и укорачиваться — каштановая грива превратилась в короткую стрижку жгучей брюнетки. Сама она стала, как будто меньше ростом, и чуть-чуть полнее.

— Алекс, ты сегодня...

Девушка подняла голову и оборвала фразу на полуслове.

Их глаза встретились.

Сева смотрел и не верил — на него глядела... Жанна! Полностью обнаженная, она сидела у него на коленях, раскрыв в изумлении рот. Сева стал судорожно застегивать джинсы. Замок, как всегда бывает в подобных ситуациях, заклинило.

— С...Сева?!

Жанна вскочила на ноги и затравленно огляделась.

— Где я?

Всеволод впервые видел невесту голой. Увы, фигурой она уступала Ирме. Сева тоже осмотрелся: ведьмы нигде не было. Что такое произошло!?

— Жанночка, ты как сюда попала? Почему ты... раздетая?

Девушка молчала — ее била крупная дрожь. Скорее от испуга, нежели от холода.

— Где я? — повторила она, жалобно глядя в глаза жениху.

— У меня. На работе. Ничего не понимаю... Наверное это она...

Сева осекся. Ну, конечно, проклятая ведьма подстроила встречу с невестой, перекинув ее сюда из...

— Ты... ты где была!? — задыхаясь от волнения выдавил Сева.

Ему, наконец, удалось справиться с молнией. Рубашка оставалась расстегнутой и не заправленной.

— А ты? Что ты здесь делаешь ночью?

Самообладанию Жанны можно было позавидовать.

Сева смутился, весь его вид свидетельствовал: не работой был занят молодой специалист, ох, не работой. Ирма... Жанна... упоминание имени Алекс... Дьявольщина какая-то! Хаос, царящий в голове, не позволял трезво оценить ситуацию. Сева закрыл лицо ладонями, стремясь уйти от действительности. Только бы все это оказалось не настоящим! Галлюцинацией, ловким фокусом...чем угодно!

— Ха-ха-ха! — гулко прозвучал смех, отразившись от стен и высокого потолка.

Сева открыл глаза.

Жанна исчезла. На его стуле сидела Ирма, играючи поворачиваясь из стороны в сторону. На ней по-прежнему были только трусики.

Ну, конечно! То было наваждение, один из ее трюков! Как ловко она его одурачила!

Сева почти успокоился, даже злость на Ирму отошла на задний план. Главное: появление невесты, было всего лишь оптическим обманом. Ему в голову пришла удачная мысль: чтобы окончательно развеять сомнения, нужно прямо сейчас позвонить Жанне домой, в Питер, убедиться, что она спит и видит десятый сон.

Ирма лукаво ухмылялась и молчала, глядя, как Сева набирает, дрожащей рукой, телефонный код Санкт-Петербурга и номер невесты.

Протяжные гудки.

— Алло!.. Кто это?... Всеволод?... Жанну?! Что случилось!?!... Вы меня напугали, Сева. Вы представляете, который теперь час! — В голосе Жанниной мамы на другом конце провода слышалось не раздражение, а, скорее, досада. — Жанночки нет — она у подруги осталась ночевать...

Сева отчаянно швырнул трубку. У подруги! Знаем мы эту «подругу». Алекс!! Его приятель! Она сейчас опять с ним!!!

— Дурачок, не переживай так! — Ирма томно улыбнулась. — Забудь эту развратную девку. Найдешь себе еще...

Сева молчал. «О, женщины! Имя вам — коварство!», — хотелось крикнуть ему, но было стыдно от чего-то.

— Ну, иди ко мне, мой сладенький!...

IX. Пришелец с Фанских гор

1

Архивы, как ни парадоксально это звучит, сродни кладбищам. И там и тут находят вечное упокоение: люди ли, документы...

Так, или примерно так размышлял Сева, получив очередное задание шефа.

Есть любители посещать кладбища. Один знакомый Всеволода, когда ему предложили на выбор работу в любом из филиалов крупного НИИ, подошел к решению проблемы весьма основательно. Он не поленился, поездил по городкам, где эти самые филиалы располагались, и в каждом, прежде всего, шел на кладбище. Там он смотрел даты рождений-смертей и рассчитывал, приблизительно конечно, среднюю продолжительность жизни горожан. То был, так сказать, практический интерес: человек выбирал оптимальный вариант для проживания. Вот что недоступно пониманию, так это увлечение некоторых граждан «модными» кладбищами, вроде Ваганьковского в Москве или «Литературными мостками» Александро-Невской лавры в Ленинграде.

В Институте тоже имелся архив. Располагался он, подобно всем хранилищам, в подвальном помещении, подальше от глаз людских. И то сказать: самое место бумажным «мертвецам» там, ниже уровня земли.

Сеvu в архив отрядил Егорыч: поручил поднять кое-какие материалы по фольклорно-этнологическим экспедициям 1973 — 77 гг. в Сибирь и районы Крайнего Севера. В те годы, пояснил начальник, активно боролись с шаманизмом.

Надо сказать, Сева употребил весь накопленный за годы учебы опыт уклонения от работы, пытаясь избежать незавидной участи разгребателя бумажной свалки, каковой представлялось ему хранилище. Тщетно. Видно такова уж участь молодых специалистов — ковыряться в разного рода помойках.

— Всеволод! — Михаил Егорович нахмурился и указал глазами на стопки исписанных

листов, которые помощник старательно перекладывал с места на место. — Оставьте в покое бумаги! Вам давно пора быть в архиве. Я позвонил — вас там ждут.

Делать нечего, пришлось покориться. Чтобы попасть в хранилище ему пришлось выйти во двор и под дождем добежать до бокового корпуса. В торце здания имелся небольшой железный навес над входом в подвал. Спустившись на дюжину ступеней, Сева оказался перед обитой черным дерматином дверью, не имеющей каких-либо опознавательных знаков. Постучал. Ни звука. Приоткрыл дверь:

— Можно?

В его представлении архивариусом обязательно должен быть старичок в очках, старомодном пиджаке и с сатиновыми нарукавниками. Но заведующей архивом оказалась дама. Именно дама. Не «девушка», «гражданочка», «женщина» — эти обращения не годились для особи с таким выражением на лице. То была гримаса досады, брезгливости и высокомерия одновременно — ведь Всеволод оторвал ее от важного дела. Нет, она не распивала чаи и не болтала по телефону. Она читала. Что именно, Сева не разглядел — какой-то толстый том в роскошном бордовом с золотом переплете. Дама не удостоила вошедшего взгляда.

— Можно? — повторил он извиняющимся тоном.

Дама шумно вздохнула, заложила страницы листком бумаги, убрала книгу, и только теперь подняла на Севу глаза.

— Да.

— Мне нужно... — начал, было, молодой специалист.

— Вот. — Заведующая небрежно подвинула к краю стола пачку бланков. — Заполните «требование».

Полчаса, не меньше, ушло у Севы на заполнение двух бумажонок — пока разобрался что к чему, а спрашивать у этой особы... ну ее к бесу. Все это время дама сидела за столом с отсутствующим видом.

Все с тем же лицом архивщица приняла от Всеволода бланки и, не спеша, с достоинством, удалилась. Собственно архив располагался за следующей дверью, а здесь была, так сказать «прихожая». Несколько минут ожидания, и Сева услышал голос заведующей:

— Молодой человек! Пройдите сюда!

Сева едва не заблудился в лабиринте стеллажей, уставленных ящиками, ящичками, коробками, картонными папками и бог знает, чем еще. Сколько хлама накопилось тут за шестьдесят лет! Уму непостижимо, как можно найти что-то в этих «бумажных джунглях».

— Молодой человек! Вы идете или нет! — В голосе дамы слышалось явное раздражение. — Я что ли должна за вас это таскать!

«Это же твоя работа», — подумал Сева, но озвучивать не стал.

Архивщица указала на верхний ярус:

— Вон, видите, номера с 2064/01 по 2068/11. Возьмите стремянку.

— Я все не унесу за раз...

Дама бросила на молодого человека осуждающий взгляд, словно на дефективного ребенка.

— Куда вы собрались выносить архивные материалы! Вы что, не знаете правила!? Будете работать здесь. Вон там стол. Потом все на место поставите.

«Ну, ни ё моё! Мало того, что придется в этом дерьме ковыряться, так еще и здесь в подвале торчать!», — сетовал про себя молодой специалист.

— Михаил Егорович велел материалы ему отнести, — решил он взять архивщицу «на пушку».

— Ничего не знаю! — отрезала дама. — Принесите разрешение, завизированное директором.

Сева понял — спорить бесполезно.

Начать изучение материалов он решил с самой маленькой из двух десятков папок и коробок, указанных архивщицей. Для начала разыскал стол — ничего, работать можно. Стул есть, настольная лампа, даже стопочка чистых листов — забыл, видать, кто-то. «Раньше сядешь — раньше выйдешь», — вспомнил Сева подходящее изречение и решил: раз отвертеться невозможно, нужно напрячься и...

— Извините, — услышал Сева над ухом и от испуга выронил из рук папку. Она обрушилась на стол, выпустив облачко архивной пыли.

— Простите ради бога! Кажется, напугал вас.

Да, уж! Заикой так можно стать. Всеволод обернулся: что за чудо в перьях! Перед ним стоял человек, явившийся сюда не иначе как прямоком из тайги... или из тундры: борода а ля Лев Толстой, брезентовая куртка-штормовка, свитер грубой вязки, кирзовые сапоги.

— Извините, — повторил «таежник», — вы, вижу, материалы по нашей алтайской экспедиции изучаете?

— Да, а вы...

— Берг Модест Карлович. — Новый знакомый очень смешно картавил. Чем-то он был Севе симпатичен. Молодой специалист представился:

— Всеволод.

Берг улыбнулся, демонстрируя великолепные зубы — прямо-таки реклама «бленд-а-меда». Как он умудрялся содержать их в образцовом порядке, если действительно только что вернулся из какого-то заповедного места?

Сева ожидал, что Берг протянет руку для пожатия, но этого не случилось.

— Присаживайтесь, Сева. В ногах... ну вы знаете. — Сам он, как показалось, очень осторожно — чирей у него что ли — присел на стул с противоположной стороны стола. — Я вас не отвлекаю? Давно, знаете, не общался... Одичал, можно сказать.

Нет, Юрин был не против поболтать с мужиком. Во-первых — уж очень не лежала душа разбирать «макулатуру». Во-вторых — интересно узнать, откуда он прибыл, из каких таких диких мест. В-третьих, и это наиболее существенный момент — он, вероятно, поможет ему быстро отыскать нужные бумаги. Сева махнул рукой — дескать, чего уж там.

— Это была моя предпоследняя экспедиция... Алтай. Чудное место, «русская Швейцария».

— Предпоследняя? — Сева был удивлен — на папке, лежащей сейчас перед ним стояла дата: 1977 год.

— Да, — подтвердил Берг, — последняя была в Фанские горы. Тоже замечательное место! Помните у Визбора: «Я сердце оставил в Фанских горах...».

— У какого Визбора, — уточнил Сева. — Который Борман?

— Почему Борман?

— Ну, он играл Бормана в «Семнадцати мгновениях».

— Ах, да, конечно, Юрий Визбор... — Берг задумался. — Вам не доводилось бывать в тех местах, Сева?

Юрин покачал головой: какое там бывал — даже не представлял, где это может находиться.

— Вы прямо оттуда?

Берг, похоже, удивился. И даже смутился.

— В общем-то, да... почти. Сева, вы, пожалуйста, не обращайте внимания на... ну если что-то несуразное скажу. Видите ли... отвык я... Давно ни с кем не общался.

Во, дает мужик! Видать, на самом деле анахоретом сидел в глуши. Может, он только что приехал с этих своих гор? И сразу в архив подался?! Ну и ну.

— Вы там тоже шаманов изучали?

— Шаманов? Нет, что вы! Фанские горы в Средней Азии. Там нет шаманов. Фундаментальный ислам... Впрочем, во время оно это был один из центров зороастризма. Есть любопытное место в районе Искандер-куля — мазар Ходжа Исхок, он же пещера Сидячего Скелета. По местной легенде Ходжа Исхок был послан Всевышним с миссией обратить здешних в истинную веру. Но, тамошние люди, все как один, были упорными язычниками — они убили посланца Аллаха. Вот его-то, посланника, нетленные мощи, находятся в пещере... Сева, может вам все это неинтересно, вы скажите.

— Нет, почему же... любопытно. Как вы называли то место, Искандер...?

— Это озеро. Искандер-куль. Названо так в честь Александра Македонского. Вы, наверное, знаете: великого грека в Азии называли Искандером Двурогим. С озером связано множество легенд, — продолжил Берг. — Самая известная — об утоплении в сих водах Буцефала. Но, лично мне нравится другой ее вариант. Я слышал ее от Мавлона-бобо, старейшего жителя кишлака Макшеват. Легенду я записал и помню дословно. Вот послушайте. «Об этом рассказал мой прадед Сулейман, когда мне было шесть лет. Три родных прадеда ставили меня посередине мехмонхоны и вещали предания старины, слышанные ими от своих предков. А я должен был всё запоминать и после повторять слово в слово, ибо был их старшим правнуком. Ушли на войну мои дети и не вернулись. Не успели взять жен мои внуки — пропали в далекой России. Тебе перескажу я это.

Во времена незапамятные, когда солнцеподобный Искандер Зулкарнайн привел за собой несметное воинство жестокое и бесчисленное и столь же ненасытное как саранча; когда громогласный и молниеносный Искандер Зулкарнайн, называвший себя любимым сыном бога эллинов Зевса, вторгся в пределы благословенной Согдианы; когда благоухающий всеми пряностями мира Искандер Зулкарнайн захватил земли наших пращуров... Мы не склонили перед ним свои гордые головы.

Презренные, подобные нечистым псам и свиньям, чужеземцы, отдавали свои жизни, покоряя города и крепости, ведь ни одна из них не сдалась без боя. Увы, высокородный правитель Согдианы Бесс, запятнал имя свое гнусным преступлением — убийством царя царей, повелителя половины Вселенной, светозарного Дария. Колесо судьбы предателя свернуло с дороги удачи на тропу гибели. Бесс не смог собрать могучую армию и дать бой Искандеру. Пали Мараканда, Газа, Кирополь... Но защитники города-крепости Маг в горах к востоку от Мараканды оказались не по силам захватчикам. Утесом на пути горной реки, костром на тропинке муравьев, могучим львом перед отарой овец стояла крепость перед армией Искандера.

Прислал басилевс им письмо, в котором говорил, что вся страна у его ног, что они теперь — его вассалы и повелевает он сложить оружие. И если не повинуются они ему, то ждет их гнусная смерть, какая ожидает всех предателей.

Но смеялись в ответ защитники крепости.

Разгневанный их упорством, Искандер велел своим воинам перегородить стремительную реку, над которой стоял городок, и которая защищала его с одной из сторон.

Презренными воинами Искандера, забывшими на время ремесло ратное и унизившимися до работы землекопов, ниже крепости из обломков скал была навалена огромная плотина, перегородившая свободный от рождения поток, никогда не знавший ни оков, ни понуканий. Разлилось зеленое как старая бирюза озеро, воды которого, поднимаясь всё выше и выше, поглотили непокорную твердыню. Эллинский царь сказал, что одержал самую главную победу. Он со своими воинами устроил праздник, разбив шатры на берегу рукотворного озера, о который билась ледяная вода гор.

Конь царя, могучий Буцефал, пасся, свободно вонзая в изумруд берега агатовые копыта. В это самое время на другом берегу печально, как не облаканная султаном наложница, грустила,

опустив долу прелестную сухую головку с шелковой гривой молоденькая кобылка, единственное существо, уцелевшее из проглоченного ледяной водой города. Жеребец всесильного басилевса, заметив кобылку, заржал ретиво и помчался к ней. Юная, не знавшая седла лошадка, увидев огромного, устрашающего вида чужака, задрожала от страха будто перо под ураганным порывом ветра. Подобно обуянному похотью дикому злобному ослу неся Буцефал не разбирая дороги сквозь кустарник, перепрыгивая широкие расщелины и перемахивая небывалой высоты валуны. Кобылка поскакала прочь, но Буцефал, как и его хозяин, имел нрав упрямый и не собирался оставлять пылающую страсть неудовлетворенной. Без устали он преследовал юную легконогую кобылицу и скоро несчастная оказалась на скале, возвышающейся над новым озером.

Поднялся Буцефал на дыбы, радостно замолотил передними копытами — жертве некуда деться. Но рано он торжествовал — гордая кобылка, издав по-человечески печальный крик, бросилась со скалы. Воды озера сомкнулись над ней. Не покоровшись чужеземцу, лошадь разделила участь обитателей города-крепости...

И часто весной, когда с гор растаявшие снега переполняют озеро, над зеленоватым зеркалом вод слышится предсмертный крик. И силится вода прорвать воздвигнутую плотину. И приходят на помощь ей утонувшие защитники крепости. И зовут они к себе на помощь духов и демонов подземного мира. И люди, которые познали Аллаха и чтят Коран, не посещают это место».

Сева эта история показалась смешной: насильник-жеребец и покончившая самоубийством кобыла — надо же придумать такое! Он не рассмеялся лишь потому, что боялся обидеть рассказчика. Но Берг неожиданно хохотнул сам.

— Забавная легенда, правда?

Сева кивнул. Берг, видимо, довольный, что нашел в его лице благодарного слушателя, продолжил:

— С великими всегда так — все к чему они прикасаются, обретает толику «величия». Вот и конь — вошел в историю, благодаря хозяину, Александру Великому. Впрочем, существует гипотеза, что легенда о Буцефале, нашедшем упокоение на дне озера, имеет более древнее происхождение и указывает на место, где совершалась ашвамедха.

Видя недоумение собеседника, Берг пояснил:

— Это такой древнеиндийский обряд. Царь, желающий его исполнить, отпускал коня на «вольные луга» и со своим войском следовал за пасущимся животным, завоевывая все земли, попавшиеся на пути. Кульминацией сего мероприятия являлась собственно ашвамедха — ритуальное действие во время которого к коню подвели царицу и совершался акт священной зоофилии, символизирующий вечное обновление Вселенной, который должен был обеспечить незыблемость власти царя над завоеванными территориями. Затем конь, естественно, приносился в жертву. Известно, что народы Центральной Азии практиковали некоторые обряды, заимствованные у соседей-индусов. В случае с Македонским мы имеем: коня, ассоциирующегося у древних индийцев с Космосом, воду (озеро) — символ постоянно возобновляющейся жизни, молодую царицу — согдийку Роксану и могущественного царя Александра Великого.

«Ну и дела, — подумал Сева. — Знал, что древние любили почудить, но чтобы так...», а вслух сказал:

— Вы пытались там отыскать следы совершения этого обряда?

— Нет, что вы! История Александра для меня скорее хобби. Наша экспедиция носила более прозаический характер. Главная ее цель — составление реестра местонахождений мумий.

Во, как! Смешались в кучу кони, люди... Шаманы, Македонский, жеребец в роли Казановы,

теперь еще и мумиё!

— Сева, вы, конечно, в курсе — мумие ценный лекарственный продукт. Так вот, в районе Искандер-куля имеются богатейшие залежи этого сырья. Больше только на Памире. Но Памир закрыт для посторонних — погранзона, а здесь — пожалуйста. С начала семидесятых у нас в стране начался настоящий бум увлечения мумиё. Цена его на «черном рынке» доходила, как я слышал, до десяти — пятнадцати рублей за грамм. Как водится, нашлись десятки, если не сотни, «искателей сокровищ», которые ринулись в горы. Вы не поверите, Сева, но это походило на настоящее разграбление. В общем, было необходимо навести хоть какой-то порядок... Да, любопытно, а сейчас мумиё в цене? Вы не знаете, Сева?

— Не знаю. Никогда не интересовался мумиё, — честно признался Всеволод, и подумал: «Видать, он затарился там этими мышинными какашками, теперь сбыть хочет».

Странное впечатление производил его собеседник: с одной стороны, вроде, «не от мира сего», с другой, мужик, похоже, не терялся, и кроме научных получил и практические результаты. А вот следующим вопросом Модест Карлович добил Юрина окончательно.

— Сева, а кто сейчас чемпион мира по шахматам?

Ну, и как это прикажете понимать? Ладно, вполне допустимо, что есть люди, которые не смотрят телевизор, не слушают радио и не читают газет. Но таким до лампочки все чемпионы вместе взятые.

— Каспаров.

Сева заметил... Нет, просто невероятно — он был готов поклясться: Берг слышал эту фамилию впервые!

— А... Карпов? — Берг продолжал изумлять молодого специалиста.

— Карпов опять проиграл Гарри...

Собеседник явно не понял. Сева пояснил:

— Каспарову.

— Да, да, — задумчиво пробормотал Берг, как бы припоминая. Но Сева-то видел: для него это настоящее откровение. Сева попробовал вернуться к прежнему разговору — его заинтересовало горное озеро. Где-то, что-то он уже слышал раньше, мельком, но, убей, не помнил — что и где.

— Модест Карлович, расскажите еще про озеро. Это магическое место, если не ошибаюсь...

— Да, да, — пробормотал Берг, погруженный в свои мысли. — Как вы сказали? Магическое? Можно и так назвать. Таких мест на Земле не более трех десятков... где сходятся астральные векторы... Возможно открытие окна в параллельный мир... Сева, а вы давно здесь работаете?

Что-то он начал заговариваться. Уж не имеет ли Всеволод дело с ненормальным?

— Где, в институте? Нет, совсем недавно, с апреля.

— Вы не знаете Левашову Светлану Георгиевну? Она все еще тут работает?

Голос собеседника дрогнул, когда он назвал имя женщины. Или Севе показалось?

— Не знаю такую. А вы сами...

— Извините, Сева, — перебил Берг. — Мне пора идти.

Он поднялся со стула и, не попрощавшись, удалился. Но не в сторону выхода, а наоборот.

глянул на часы. Ё моё! Заболтался, а время обедать. И не черта не сделал, даже забыл поинтересоваться у нового знакомого насчет материалов по Алтаю.

Архивщица продолжала читать. Всеволода она окинула быстрым профессиональным взглядом: не несет ли чего с собой. На отдельном столике у нее грелась на электрической плитке эмалированная кастрюлька — игнорирует институтскую столовую, бережет желудок.

Егорыч, как на грех, сидел за столиком один. Пришлось Юрину подсесть к нему.

— Ну, как успехи? — поинтересовался начальник, промокая губы салфеткой.

— Я с Бергом познакомился. Интересный мужик...

Шеф смотрел на Севу, словно видел перед собой тень папы Гамлета.

— Каким Бергом!?

— Модестом Карловичем.

Парню стало не по себе, даже мурашки по коже.

— Берг погиб в конце семидесятых... В семьдесят восьмом, кажется.

По лицу Егорыча Сева понял: он не шутит!

— Как погиб? — выдавил парень с усилием.

— Несчастный случай в горах. Его шофер все время ружье с собой возил... То ли он его чистил, то ли еще что, в общем — случайный выстрел. Дробина попала Бергу в сердце. Умер мгновенно.

Ощущение у Севы — словно на него вылили ведро ледяной воды, или зашибли дверь, или подружка сообщила, что беременна, а аборт делать поздно, или... «Как же так. Я только что говорил с ним. Ошибка какая-то?», — крутилось у него в голове.

— Как он выглядел? О чем вы говорили? — принялся расспрашивать шеф. Всеволод, как мог, рассказал все. С минуту Егорыч молчал. Вдохнул печально.

— Ну, первое, что хочу сказать: случайных встреч не бывает. У высших сил все как в каталоге. Я имею в виду компьютерный каталог. Случайных встреч не происходит.

Молодой специалист только пожал плечами.

— А она ведь тоже умерла, знаете? Света... Светлана Георгиевна, про которую он спрашивал. Вышла замуж за иностранца, уехала с ним. В Швецию. И там умерла, представляете! От банальной пневмонии. Неу нас в России, а в благополучной Швеции!! Судьба...

Шеф снял очки и протер пальцами глаза — видать воспоминания разбередили старую душевную рану.

— Какая жалость, что не я встретился с ним. Мне позарез нужно узнать, куда он перед отъездом дел мою папку. На ней записан телефон...

Вот, так-так! Здесь призраки разгуливают, а ему только и забот, что о каком-то дурацком телефонном номере горевать!

После обеденного перерыва Всеволод входил в архив, словно в клетку с живым тигром: и страшно и любопытно одновременно. Дама глянула равнодушно и опять уткнулась в книгу. Сева замешкался перед дверью в хранилище.

— Извините...

Дама оторвала взор от романа.

— Да?!

— Извините, — вновь промямлил Сева. — Здесь был мужчина... Модест Карлович... Он ушел?

— Молодой человек! — Архивщица строго глянула на Севу. — Туда, кроме Вас, никто не заходил!

Да-а! Дела... Нет, он не трус. То есть... не до такой степени, чтобы устраивать истерики,

при встрече с «потусторонними силами», тем более здесь, в Институте. Но! Еще раз оказаться с глазу на глаз с ним, Всеволод не желал бы ни при каких обстоятельствах.

В хранилище — ни души. Ни живой, ни мертвой. Желая доказать всем, а главное — себе, что чего-то стоит, четыре часа кряду молодой специалист добросовестно работал, перебирая пожелтевшие страницы дневниковых записей и черновиков, делал необходимые выписки. За работой и страхи куда-то ушли. Вспомнил Сева о странном «госте оттуда» только, когда окликнула архивщица:

— Молодой человек! Пожалуйста, заканчивайте! Через десять минут я закрываю архив.

Ее резкий голос, прозвучавший среди абсолютной, «кладбищенской» тишины хранилища, заставил парня вздрогнуть. Он с опаской огляделся — никого. И, слава Богу...

В рабочую комнату Сева вернулся, словно в родной дом. Эти средневековые ужасы, подвалы с привидениями — не для его нервов.

Кроме начальника в кабинете была только Лариса, разбирающая пыльные папки в дальнем шкафу — ее опять откомандировали в помощь Солнцеву с Юриным. А у шефа, видно, нынче бзик: заставляет всех ковыряться в бумажном хламе.

Егорыч спросил:

— Ну, как? Он больше не появлялся?

— Бог миловал...

Лариса заинтересовалась:

— О чем это вы, Михаил Егорович?

— Всеволод вам потом все объяснит. — Шеф задумался. — Ох, дела... Не иначе Варвара Берберовна балуется спиритизмом. Любит она потревожить гениев прошлого. Не зря ее назначили заведующей архивом.

— А Берг... Он, что, был гением?

— Берг!? Он был богом! Помните, что сказал Ньютон? «Я стоял на плечах титанов». А кто такие титаны? Это те, по чьим плечам боги взошли на пьедестал! Или, правильное сказать, по чьим трупам. Да. Это были воистину боги. Вот, прошу вспомнить: Булгаков, устами Шарикова, сравнивал профессора Преображенского с богом. Помните? И это правда. Какие были люди! Кто из нынешних способен на самопожертвование во имя науки!? А для них это было нормой... Скажем, Альфред Вегенер. Слышали про такого? Его имя незаслуженно забыто, а ведь он, подобно Галилею, совершил революцию в науках о Земле, дерзнув утверждать, что материки движутся! Сейчас теория дрейфа континентов общепризнанна, а тогда, почти сто лет назад, ее сочли ересью. Чтобы добыть доказательства своей гипотезы Вегенер забирался в самые неприступные уголки планеты, и погиб, сгинул во льдах Гренландии. — Егорыч вздохнул, и закончил странной сентенцией. — Так что, дружите Сева с Варварой Берберовной... Кстати, как она вам понравилась?

Шеф бросил лукавый взгляд в сторону Ларисы.

— Мне она показалась типичной... стервой.

Всеволод смотрел на Ларису, но боковым зрением увидел, как шеф делает ему какие-то знаки. Повернулся. Егорыч торопливо поднялся из-за стола и пробормотал:

— Совсем забыл... — и бочком, бочком к двери.

Он, должно быть, сокрушенно вздыхал, или, наоборот, хихикал, направляясь в курилку.

Севе же было не до смеха. Грохот обрушившейся на стол тяжелой папки перекрыл гневный, на грани визга, голос Ларисы:

— Не смей так называть мою маму!!!

Х. Румата из Арканара

Среди сотрудников Института бытовало мнение, что Джордж Мустафьевич Инхандек никогда не уходит домой. На самом деле, как бы рано не являлся Сева на работу, проходя мимо апартаментов начальника отдела, он постоянно видел (дверь в кабинет утром всегда была распахнута) восседающего за столом Патрона.

Стол сделал бы честь даже маршалу Советского Союза: огромный дубовый крытый зеленым сукном, и совершенно чистый. Ни бумаг, ни письменного прибора, ни телефона или персонального ЭВМ ЕС-1840 — не к чему чиновничьи игрушки Посвященному такого ранга. Общаться с сотрудниками Инхандек мог, при желании, телепатически, а что касается всякого рода отчетов, то Джордж Мустафьевич их элементарно «визуализировал»: клал после обеда в выдвижной ящик своего, напоминающего бильярдный, стола пачку бумаги, а ближе к концу рабочего дня вытаскивал готовый НТО инвентарный номер такой-то.

Было совершенно непонятно, чем занят начальник в данный, конкретный момент: решает научную проблему, следит за передвижениями подчиненных (кто, когда приходит-уходит) или просто дремлет.

В тот день у Инхандека был необычный посетитель: крепкого сложения мужик, похожий на лишенного бороды Деда Мороза. Усы, при этом, сохранились и свешивались по обе стороны подбородка толстыми белыми сосульками. Мясистый красноватый нос, сеточка «склеротического румянца» на щеках и васильковый цвет глаз делали его сходным, также, с фанатом ЦСКА в боевой раскраске. А вот костюмчик-тройка у деда явно не русский, тёмно-серый, с редкой бордовой «искрой». На манжетах бежевой рубашки — желтые (возможно золотые) запонки. При всем этом он явно проигрывал в импозантности хозяину кабинета, да и держался почтительно.

В дверь заглянул молодой сотрудник.

— Здравствуйте! Вызывали?

— А вот и наш герой, — изрек, вместо приветствия начальник. — Проходи. Познакомься, — сделал жест в сторону гостя, — Шуххардт Карл Иванович.

— Очень приятно. — Сева кивнул Шуххардту. Тот никак не отреагировал.

— А это Карлуша, Всеволод Кириллович.

— Просто Сева.

«Оп, как неудобно, — мысленно спохватился молодой человек, — вроде, как намекнул, что если он «Карлуша», то можно и меня не по отчеству».

Патрон, тем временем, продолжил неспешно:

— Приехал к нам Карл Иванович с нижайшей просьбой, так что придется тебе, Сева, быстренько собираться в командировочку.

Ничего оригинальнее, чем спросить куда, у Севы не получилось.

— Да, недалеко, — радостно оповестил Инхандек подчиненного. — На восемьсот двадцать шесть лет назад. И километров где-то примерно так же. Около Дании...

— За границу?

— Ну, что ты! В те времена это была, практически, Родина... Карл Иванович сам бы обернулся, да не с руки ему.

Тут фон Шуххардт чуть шевельнул бровями, будто на мгновение нахмурился. Не зря в голосе Инхандека сверкнула шпилька — видно этот инструмент для заколки дамских шляпок воткнулся куда надо. Патрон — известный «шпильман». Так величали немцы скоморохов и просто насмешников.

— Только вот что, Карлуша. Западная магия теперь не в чести, — сам, верно, знаешь, — ныне другие ориентиры: Тибет, пустыня Гоби, шаманы... Всеволод у нас тоже, в основном, Блаватскую с Рерихами читает... В ваших делах не силен.

— Да вижу. — Шуххардт соизволил, наконец-то, раскрыть рот.

Голос у Карла Ивановича, оказался истинно «дедоморозовский», то есть артиста на первых декабрьских елках, когда лицедей еще не устал, и от души желает порадовать детишек.

— А раз видишь, так и вводи героя в курс дела.

Ситуация, как видно, забавляла начальника.

— Джордж Мустафьевич, что вы меня все время героем называете?

— А вот и узнаешь. Ты, Карлуша, проясни ему ситуацию...

Патрон застыл: перевел, видимо, сознание в «спящий режим». Теперь он напоминал мраморное изваяние «Вольтера в кресле».

Господин в костюме-тройке не торопился начинать: толи с мыслями собирался, толи выдерживал актерскую паузу.

— Трудно рассказывать прописные истины, — пожаловался он. — Если коротко, у нас сейчас, как ни странно, очень неблагоприятный политический прогноз. Я представляю Европейский Центр Прозрачной Магии, и мы крайне заинтересованы, чтобы на территории России оказались некоторые магические артефакты славянского происхождения. А так как перемещать имеющиеся в Настоящем нельзя, то придется забрать из Прошлого. Смотри, дошедший до нашего времени там не ухвати, а то будет тебе — не-зя.

— Почему «нельзя»? — поинтересовался неопытный специалист.

Карл Иванович опять замолчал. Потом ответил просто и ёмко:

— Потому.

Пришлось Севе проглотить обиду.

— Главное, — продолжил гость, — перенести мы можем только человека, не обладающего магическими способностями. Это раз. Второе, я тут неофициально, поскольку... Впрочем, это не важно. Третье, я все расскажу, где что лежит, и как забрать.

— А почему «герой»? — засомневался Сева. Он, вдруг, подумал: так могут называть не за прошлые заслуги, — у него их не было, — а за будущие, в том числе и «посмертно».

— Ну, это Гоша пошутил...

«Понятно: раз ты — Карлуша, то Джордж Мустафьевич — Гоша».

Ситуация складывалась презабавная. С таким же успехом Сева мог выслушивать наставления по управлению космическим кораблем: «Мы сейчас оденем тебе скафандр, быстренько привезешь лунного грунта — и свободен. Приказ на присвоение Героя Советского Союза уже готов...».

— ... Что касается конкретики. Все сведения получишь под быстрым гипнозом. Не волнуйся, никакой магии.

— Да куда вы меня хотите отправить-то?

— Тысяча сто шестьдесят восьмой год. Город Аркона. На острове Рюген. — Сказал, как-то обиженно: почему, мол, Сева этого не знает.

Всеволоду названия на самом деле ничего не говорили. Остров Рюген, рядом с Данией. И что?..

— Это последний оплот балтийских славян. Там хранилась святыня. А сам факт разрушения Арконы — узловым моментом для истории Европы.

Ох, не стоит, пожалуй, лезть в «узловой момент»: может ведь так затянуть в этот самый узелок, что тот петлей покажется...

Тут Инхандек приоткрыл глаза.

— Всеволод, надо.

Патрон сунул руку в нагрудный карман и извлек... огромный, размером с волейбольный мяч, стеклянный шар. Сева нервно хмыкнул: все еще не разучился удивляться ловким трюкам институтского начальства. Инхандек аккуратно скатил шар с ладони на стол. Предложил:

— Небольшой тест, Всеволод Кириллович. Внутри есть маленький пузырек воздуха. Посмотри внимательно: что он тебе напоминает?

Сева добросовестно таращился в шар, стараясь отыскать пузырек, но не смог. Мешали искаженные сферической поверхностью фигуры Патрона и «Деда Мороза»; они комично расплывались, растекались лужицами, дробились на множество капель, пока не исчезли окончательно среди бесконечного стеклянного пространства...

Сколько всего запихнули в память Севы за последующие три часа — передать сложно. И дело вовсе не в количестве мега- или гигабайт информации: ведь слово из каких-нибудь жалких шести символов может иметь расширенное толкование на нескольких страницах убогим текстом, а из яйца размером со страусиное способен был вырасти тридцатитонный динозавр.

Инхандек отправил Всеволода домой, с наказом лечь спать, будто не он только что продрях три часа кряду.

2

На следующий день Сева появился на работе без восьми девять.

Весь отдел был в сборе, даже те, кто имел привычку заглядывать по пути к знакомым попить чайку и обсудить политические новости. В обширном помещении, которое при первом знакомстве с Институтом Сева принял за конференц-зал, царила непривычная суета. Люди с деловым видом сновали туда-сюда, и вроде бы что-то делали, а может, просто создавали видимость, втирая начальству очки.

Кругом, на вешалках, столах, спинках стульев лежали и висели странные предметы: рубахи, штаны, шапки из войлока и домотканые(?), грубой выделки, преимущественно серые, лишь некоторые окрашены в коричневый и темно-синий цвета, а один непонятный предмет — ярко-кумачевый. Обилие бутафории делало помещение подобием киносьемочной площадки. Не хватало лишь софитов-юпитеров и оператора с камерой.

Откуда-то из боковой комнаты донесся голос Инхандека:

— Всеволод, здравствуй. Быстро выбирай себе, что нравится, и — переодеваться!

— Доброе утро, — крикнул Всеволод в ответ. — А что, всё переодевать нужно?

— Да. Полностью. Учти что в средние века ни маек, ни трусов не носили!

Всеволод выбрал, сам не зная почему, наиболее яркий предмет, оказавшийся шелковыми шароварами. «Награждается красными революционными штанами, — вспомнилась ему фраза из бессмертной картины «Офицеры». — Хорош же я буду в портках этих, клоунских».

Фу! При ближайшем рассмотрении штаны вызвали отвращение: во-первых, ношенные, во-вторых, не стиранные и, в-третьих, использованные человеком, мягко говоря, не соблюдавшим общепринятые правила гигиены.

— Не бойся, это искусственная грязь. Я постарался! — гордо сообщил присутствующий тут же незнакомец — сухопарый мужчина в очках с перемотанными изолентой дужками.

Молодой специалист счел за благо поверить на слово, и вдобавок к штанам взял со стула рубаху, сукно которой показалось ему самым тонким. Великое множество шапок он решил пока проигнорировать, и принялся озираться в поисках обуви.

— А что на ноги?

— Варвары!! — грозно прорычал, вошедший в комнату Инхандек.

— Что? — синхронно отозвались из трех разных мест женские голоса.

— Я кому сказал вчера вечером о чунях? Товарищ в носках выступать будет?

— Не знаю, — опять одновременно и из трех разных мест.

— Варвара Семёновна, я вас лишу премии. И вас, Варвара Михайловна, и вас, Варвара Сергеевна. Быстро найдите поношенные чуни из козьего меха...

Наличие в штате отдела сразу трех Варвар определенно создавало проблемы. Вот и Севе, похоже, придется надевать обувь без выбора, какую дадут. Остается только уповать на то, что заведомо поношенные чуни не окажутся заражены грибком...

Когда Сева предстал перед шефом, шаровары уже не выглядели нарядом огородного пугала, низ которого обмотали яркой тряпкой для придания схожести с человеческой фигурой. Казалось, на эти штаны материи пошло никак не меньше, чем на римскую тогу.

— Абель, ты наш... Не обессудь: создать для тебя тренировочный учебный городок древних западных славян, чтобы пожил месячишко, да пообвыкся, мы не можем. Увы! Но в Прошлом ты пойдешь не один.

— Так ведь вы сами сказали, что нельзя с магической силой...

— Наука, — Инхандек скривил губы, словно недолголюбил это слово, — не стоит на месте. Мы с тобой отправим, грубо говоря, передатчик. Маленькую такую центрифугу времени. Для передачи сведений, не более того.

Джордж Мустафьевич выложил на стол... опять шар. На этот раз напоминающий снаряд для игры в боулинг. Во всяком случае, стук, при соприкосновении шара со столешницей, был такой же, как в мультике «Том и Джерри».

— Вот. Персональная связь. Хотелось бы, однако, проверить, как отложилось у тебя в голове то, что мы, с Шуххердтом постарались вложить туда вчера.

— Пожалуйста. А Карл Иванович здесь?

— А, — Патрон махнул рукой, — без него управимся... Закрой глаза, и увидишь Рюген.

Сева послушно выполнил указание начальника.

Перед мысленным взором предстал... Нет, он никогда не бывал в этом месте. Какая-то ложная память. Может так возникает дежавю? Всеволод увидел берег, отдаленно напоминающий знакомый с детства пляж в Комарово. Того самого, куда собирался уехать «на недельку, до второго», небезызвестный Игорь Скляр.

Почему-то возникло ощущение жуткого захолустья. Казалось, там, в ближайшем городке притаились типовые пятиэтажки с газовыми колонками и дверными глазками. Появилась уверенность, что это побережье — не материк. Но и не остров, в строгом значении. Какое-то странное место, которому близко по смыслу выражение «остров Крым».

Море мелкое — отчетливо просматривается ребристое, напоминающее стиральную доску, дно. Рядом кусты, камыш какой-то, сосны. Песок пляжа мелкий, ноги утопают, так и тянет плюхнуться и лежать пузом кверху, греясь на солнышке. Вот только загорать тут — не фонтан. В воде, наверняка, теплее, чем на воздухе. Хотя, — Сева знал точно, — здесь самое солнечное место на всей Балтике...

— Стоп!

Сева открыл глаза.

— Откуда ты, путник? Не привел ли за собой злых духов?

Поразительно, но слова, такие знакомые и понятные, не совпадали с артикуляцией начальника. Джордж Мустафьевич произносил совсем другое, и даже как будто при соответствующем усилии можно было бы повторить их, как тарабарщину. Это казалось похожим на плохой дубляж иностранного фильма: раздается русская речь, но рот открывается

не в такт, и слышны чужие лексические конструкции.

«Это же Инхандек сказал так, как говорят в Арконе, — догадался Сева, — А, мне ответить требуется».

— Меня зовут... — На долю секунды Сева замялся, не зная, как представится, и тут само собою выскочило, — Румата. Я из города... Арканар. Нет злых духов ни за мной, ни со мной, ни во мне. Аминь.

Только окончив говорить, Сева понял, что произносил нечто непонятное.

— Отлично, — похвалил Инхандек. Правда, создавалось ощущение, что радовался он своим гипнотическим способностям.

— Джордж Мустафьевич, а разве я говорил на западославянском? Что-то ни на чешский, ни на польский это не похоже.

Патрон ухмыльнулся.

— Ох уж этот Карлуша... Так и не стал ничего объяснять, политикан... Возьми этимологический словарь русского языка. Полистай, посмотри... У большинства исконно русских слов есть слова-братья в прибалтийских и немецком языках. Но самое главное другое. Слова можно заменять. Например, как в воровском жаргоне. Однако, построение фраз, времена глаголов и тому подобное модифицировать практически невозможно. Арконцы пользуются другими словами, но славянскими фразами. Это был рюгенский язык. Вот так, Румата из Арканара.

— Да как-то само выскочило, — принялся оправдываться Сева. — Я и Стругацких не очень-то люблю, но... Вроде бы Румата как раз в средневековье оказался, вот, наверное, поэтому.

— Ничего, не беспокойся. Нормальное имя. У славян имена были сродни воровским кличкам: повторения настолько редки, что случайными не бывали. Ты главное не занимайся там прогрессорством... Мы с тобой об этом поговорим в более спокойные времена.

— Боюсь, если Карл Иванович прав, то спокойные времена настанут не скоро.

— Отчего же? Привезешь меч...

Сева встрепнулся:

— Так вот что это за артефакт! А то все клад, клад...

Он прикрыл глаза, напряг память. Да, «кладенец»... Меч огромного размера. Длиной как двуручный, но пропорции — римского «глада». Только самому Сятовиту было под силу биться таким чудом кузнечного искусства.

— Значит, мой путь лежит в храм Сятовита?

Инхандек предпочел уйти от ответа.

— Тебе будет, наверно, интересно узнать, Всеволод, что hvid и weiss — обозначает «белый». На датском и немецком соответственно. И серебряные монеты четырнадцатых веков носили названия вит и виттен.

Инхандек явно не тяготел к разговору на конкретные темы. Что ж, придется перевести разговор на общие.

— А вот, я привезу меч, чтобы изменить будущее. А разве не может, заодно, изменится прошлое?

— Что, собрался убить своего дедушку? — усмехнулся Инхандек.

— Ну, предположим...

Джордж Мустафьевич засмеялся, ехидно.

— Не получится. Помнишь байку о человеке, который не хотел в армию, и приписал себе диагноз «ночное недержание мочи»? Он не смог за две недели ни разу помочиться в постель, когда его положили на обследование.

— Да, но...

— А с чего же ты решил, что сможешь убить человека, при этом зная, что убиваешь, в том числе, самого себя? — Инхондек опять усмехнулся. — Хотя бывает. Бывают исключения. Психологические аномалии, которые вовремя не распознали...

Начальник замолк и поднял вверх указательный палец, призывая к тишине. Он прислушивался.

— А вот и наш гость, который должен был тебе рассказывать о путешествии.

Карл Иванович своим видом демонстрировал, что дела идут не так, как хотелось бы. Но Инхандеку было на это недовольство наплевать. Начальника отдела никто не мог назвать чутким.

— Карлуша, помнишь, твой коллега однажды попытался оборвать петлю времени? Что там у вас произошло?

Европеец, казалось, хотел бы поговорить о чем-то другом, но перечить не стал. Заговорил на заданную тему:

— Не уследил я... за одним... экспериментатором. И он втайне от всех грубо убил своего деда перед самой его, дедушкиной, свадьбой. Через некоторое время выяснилось: это был не его дед, а первый жених бабушки. После его смерти старшая родственница нашего горе-ученого вышла замуж. Тогда наш путешественник во времени решил не мелочиться и отравил бабушку. Труп, в лучших традициях, залил в бетон. Вернулся. Ничего не изменилось. Эксгумировали труп. Не бабушка. Но родственница. В чем дело? Оказывается, тот, второй жених, ухаживал за двумя сестрами, и выбрал убиенную. Хотя любил вторую. Но у первой — приданное. Подозрения падают на мужа — дедушку нашего коллеги. И что делает дедушка? Он выдает свою любимую за сестру. Та делает вид, якобы отправилась на сафари в Африку, а на самом деле уезжает в другую страну под личиной собственной кузины с любовником в Швейцарию, где и появляется на свет отец будущего «двойного убийцы во времени». Ужас. Представляете, Сева, какие интересные вещи вскрываются. Но самое непонятное: лежал ли документ в комод, или он магическим образом появился там? Не известно, до чего бы дошел коллега! Однако, будучи полностью уверен, что бабушка убита, он сообщил научным руководителям о своих проделках. Вот так...

— Все несколько проще, Всеволод, — добавил Инхандек. — Сколько бы ты не перегораживал тот ручеек, из которого вытекает Волга — дельта Волги не высохнет.

— Я знаю одного ученого, который однажды убил сам себя. — Карл Иванович сообщил это с такой легкостью, что стало понятно — это он про собственный эксперимент. — Помнит, как вышел из временной центрифуги, и все последующие действия. Но собирался-то он совершить совсем другое! Объяснение следующее: временная петля. Ученый, назовем его Икс, убивает своего предка и линия прерывается. Но место предка Икс занимают предок Игрек, который до того жил себе и никуда не стремился. В этой Большой Петле уже Игрек выходит из центрифуги, но! Все его действия полностью совпадают с действиями Икс. Более того, совсем нельзя исключить то, что Икс и Игрек, имея разного предка в эн-надцатом колоне, полностью идентичны.

Сева немного запутался, что, где и куда, хотя не подал вида, и счел возможным поинтересоваться:

— А если временной отрезок мал?

— Не известно. Перемещение на короткие отрезки времени невозможно теоретически. Время только искривляется, но прорвать его нельзя. Временная центрифуга дает разрешение на семь целых, восемьдесят шесть сотых века.

— Ну, хватит! — прервал Инхандек научную беседу. При своем отнюдь не командирском

голосе патрон умел говорить вполне доходчиво. Наверно, из-за того, что говорил обычно по делу. Кое-кому из сотрудников частая правота Инхандека стояла поперек горла. — Хватит. — Повторил он. — Общие сведения Всеволодом Кирилловичем получены. Конкретные мы ему еще вчера сообщили. Сегодня — приодели, приобули. В котомку миничентрифугу времени положили. Как думаешь, Карл Иванович, выполнит Всеволод сие простенькое поручение? Кстати, Всеволод, расскажи-ка нам, что требуется от тебя?

— Прибыть в Аркону в день штурма. Проникнуть в храм Святовита под видом получения благословения. Заменить артефакт копией меча Святовита. Сам меч спрятать, и прибыть обратно.

Бас Шуххардта прозвучал уже уверенно-довольными красками:

— Вот теперь вижу, что да, герой. Коротко, ясно. Не убавить, не прибавить.

Инхондек хмыкнул и подытожил:

— Сам себя не похвалишь, никто не похвалит. Он же повторил твою формулировку.

Карл Иванович нисколько не смутился:

— От этого она хуже не стала.

Сева, для которого произнесенное им было неожиданностью, уж решил ни на что не обращать внимания, и спросил по делу:

— А где муляж артефакта? И куда прятать сам меч?

Тут Карл Иванович, которому Сева изложением плана действий и так поднял настроение, просто расцвел:

— Мы, проведя раскопки, недавно обнаружили в Арконе, недалеко от предполагаемого фундамента храма так называемую «домину». Пустую. Вот в нее спрячешь. Так она, милостивый государь, потому и пустая, что там кто-то что-то прятал. А Джордж Мустафьевич, как большой знаток оружия того времени обещался визуализировать копию.

Инхандек, предупреждая следующий и вполне прогнозируемый вопрос Севы, заявил:

— А ящик этот поможет отыскать твой «колобок». Поскольку магия меча, который только будет положен в домину, уже придало материалу футляра магическую ауру.

Господин Шуххардт трубно кашлянул:

— Друг мой. Мы у себя его проверяли, там нет никакой магии.

Сева переводил взгляд с одного мужчины на другого... Такое впечатление, что два старинных товарища всю ночь играли в преферанс с болванчиком-Севой, и уже при закрытии пульки один заказал шесть пик, другой объявил мизер, а первый на самом деле собирался провозгласить десять без козыря. Его заказ и так никто не переможет, но сделать пакость (помучив игроков, прикидываясь, дескать, карта не сильная) — дело святое.

— А я, знаешь ли, для вдохновения, телепортировал домину сюда, к нам. Не угодно ли взглянуть? Пройдем...

3

Несколько позже Сева выбрал момент и просил Инхандека пояснить произошедшее.

— ...Мы так усердно готовились к похищению тысячелетия, что оно совершилось виртуально. Что тебя не устраивает, Всеволод? Что ты готовился? Поверь, без этого не получилось бы обретение меча. Знаешь затасканный анекдот: у миллиардера спрашивают, как он заработал свой первый миллион. Тот говорит: купили с женой яблоки по цене один дайм. Помыли — продали за кварту. Купили яблок на два дайма, помыли — продали за половину доллара. А потом умерла теща и оставила наследство — миллион. Слышал? Так вот, если бы не

мытьё яблок, то наследства он бы не получил. Так и в нашем случае. Волшебство не терпит ленивых. Простым людям можно, даже нужно быть ленивыми. Это развивает их изобретательность, двигает мир! Но в волшебстве, как и в науке в целом, лень не позволительна. Слишком уж хрупка та игрушка, с которой мы затеяли щенячью возню: время. Вероятность, что меч лежит в домине, на момент прихода Карла Ивановича составляла два процента. Но пока ты готовился, эта вероятность постоянно росла. И на момент отпирания замка составила около тридцати пяти из ста.

Так что тебе не пришлось мчаться в узловую точку европейской истории. Прости, Румата. Главное, грибок не подхватил?

4

— Севочка, ты готов заняться любовью в необычном месте? — спросила Ирма.

Всеволоду сразу представилось кладбище, прерывающее завывание волка уханье совы, быстро мчащиеся в высоте рваные облака, время от времени загораживающие полную луну... Ну, не имеет же в виду Ирма телефонную будку, на самом-то деле?

Странная женщина, эта Ирма. С одной стороны Сева видел, что ей нравится проводить время с ним в постели. Она получала удовольствие и не скрывала этого. Но встречаться старалась как можно реже. Всеволоду ни разу не удалось её никуда пригласить. Пытался, но она быстро окоротила, заявив, что зарплаты молодого специалиста все равно на двоих не хватит, а у нее достаточно средств. Ирма сама назначала встречи. Их было лишь четыре за последний месяц, и вот — «заняться любовью в необычном месте»...

— Я готов. Хоть в склепе.

— В склепе? О, нет! Мы отправимся в прошлое...

— Что, опять!? И ты, туда же!! Мало того, что Инхандек выставил меня на посмешище перед всем отделом: «Абель ты наш»... Шнобель! Штирлиц, блин, Мата Хари! «Забросим тебя на остров Рюген». Чуни вонючие заставил надеть, вместе с шароварами обосранными! А потом: «Извини, Сева — мы сами справились. Тебя за болвана держали»... Ты что, тоже хочешь меня в качестве болванчика использовать?..

Ирма обвила руками шею любовника, зашептала:

— Дурачок ты мой. Я же хочу тебе помочь! Ты — птенчик. Выпал из гнезда родительского, и попал в суровый мир. А здесь — закон джунглей: «Каждый сам за себя». Эпоха «дикого капитализма». Кроме того — ты не Посвященный. Ты беззащитен против любого из наших... Разумеется, перед посвящением мы все давали клятву: не использовать свою Силу во вред другим, но... И среди нас разные попадают, а есть еще Черные. Те вообще не признают запретов!

— А ты не могла бы меня научить чему-нибудь? Колдовству, какому...

— Нет.

— Почему?

Ирма вздохнула тяжело: до смерти, видать, надоели ей такие вопросы и просьбы обучить ворожбе.

— Потому. Во-первых, у меня не тот уровень...

— Понятно, — грубовато оборвал ее Сева, и подумал: «Не хочешь — так и скажи».

Ирма продолжила:

— Боюсь показаться банальной, но могу сказать одно: если действительно хочешь пройти посвящение, нужно начинать с азов. Ну, невозможно получить, например, высшее образование,

не научившись читать и писать, не имея необходимого минимума знаний!

— Но, ведь бывают исключения, — возразил Всеволод. — Вот, Меньшиков, скажем, был неграмотным, а сам Ньютон присвоил ему звание академика.

— Сева! Меньшиков купил себе звание. Он и пол-Англии мог бы купить, если б захотел. Я где-то читала, что у Меньшикова, когда он попал в немилость и был сослан, конфисковали несколько пудов золота и четырнадцать миллионов рублей. Представляешь, какие это были деньги? В то время гусь стоил три копейки. А ты, как я понимаю, пока еще не олигарх. Но, будь у тебя даже миллионы, купить магические способности не получится. — Ирма потрепала Севе волосы, словно ребенку. — Так что слушайся, Севочка, тетеньку Ирму и все у тебя будет тип-топ!... О чем я начинала разговор? А, отправиться в прошлое. Ты не представляешь, как интересно наблюдать за теми людьми! Они так мало жили, и так много хотели успеть. Мне пришлось по вкусу парни с одного полуострова. Сейчас там самые сильные «даны». Они даже брали деньги с королей соседних стран, чтобы не нападать на них. Это и называлось «данью».

— А куда именно мы с тобой направимся?

— На остров Рюген. В Аркону.

5

Это было чудесно. Ночь, присоленный волнами теплый западный ветерок, врывающийся через открытые ставни и узкий серп месяца среди звездного неба.

Рядом горел огонь перед идолом. Жрецы должны были поддерживать огонь, но Ирма воспользовалась висевшем на шее амулетом — концентратором психоэнергии, и все они уснули. По её словам, заснувших ждала смерть.

«Эти люди очень похожи на нас», — подумал Сева, прежде чем жаркие объятия Ирмы заставили забыть обо всем.

Наверно, и она тоже забылась, окунувшись в чувственный мир наслаждения. Их плоть, похожая на скульптурные изображения богини и полубога, созданные резцом гениального художника, — так нашептала любовнику на ухо сама Ирма, — действовала, словно в отрыве от владельцев. Хозяева отдались на откуп своим телам, как вышколенным лошадям, и те могли мчаться по разноцветной равнине, повинаясь не поводьям, но лишь малейшим прихотям и пожеланиям. Огонь желания, горящий в мужчине и женщине, полыхал ярчайшими красками.

Любовь ли это была? Конечно! И страсть. Неистовая, всепоглощающая. Сева и Ирма находились наверху блаженства. Чувства захлестывали, не оставляя мыслям ни малейшей лазейки. Боги по рождению (так им обоим сейчас казалось), они вели себя словно токующие глухари. Оттого и не смогли увидеть, как их ложе окружили арконцы.

Жрецы, прибывшие заменить дежуривших у костра, были немало удивлены видом спящих товарищей. А потом услышали звуки, донесшиеся из святилища. Здесь творились плотские утехи!

Верховный жрец Перуноса истолковал это достаточно неожиданно:

— Святовит прислал своего сына нам в помощь и спасение. А кто же еще мог так ублажить женщину?

Верховный жрец спросил и сурово обвел всех остальных колючим взглядом.

— Как бы он нас не покинул... — засомневался второй жрец.

Они неслышно подошли к занимающимся любовью.

Первой поняла Ирма.

— Тихо! — воскликнула она и вонзила ногти в плечо Всеволода. Тот даже не вздрогнул.

— Кажется, кто-то тут есть...

Ирма щелкнула пальцами, и комната залилась сиреневым, бестеневым светом.

«Кто-то есть» очень слабое определение. Широкий топчан, покрытый смятыми шелковыми простынями, окружал, по меньшей мере, десяток сурового вида воинов. Коротко подстриженные желтого цвета бороды, украшенные червонной вышивкой молочные домотканые рубахи, опоясанные алым кушаком, серые штаны до щиколоток, без обуви.

Нутром Сева понял — это не «даны», хотя так похожи на солдат в диковинных мундирах. Гордость и внутреннее благородство читалось в лицах. Такие не будут получать грузы монет ни за что ни про что, угрожая в случае отказа убивать и грабить.

Что подумала Ирма — тайна. Она схватилась за свой амулет, который никогда не снимала с шеи и исчезла так быстро, как позволяла физика вакуума: чтобы не произошел взрыв при исчезновении материального тела. В том, что ведьма бросила его одного на растерзание, у Севы не было сомнений.

Пришел северный лис к гнезду полярной гусыни...

6

— Ты слуга Святовита?

Всеволод убедился, что понимает слова воина — знания, полученные от Шуххардта в гипнотическом сне, засели в голове намертво. Он решил, что реноме ронять не стоит и постарался ответить как можно убедительней:

— Я лучший друг Святовита.

Ну, чего ждать от этих простых и суровых до крутости ребят, чьи бицепсы по мощи не уступали мозгам — те же сто двадцать операций в минуту. Конечно, они поверили.

На самом деле Сева не ожидал, что арконцы повалятся на колени. Но торжественное вручение меча несколько расстроило молодого специалиста. Он четко помнил, что это — Аркона, что сюда идут враги, и что Аркона должна быть разрушена.

Да и меч подали какой-то не такой. Сам Сева занимался самообороной без оружия, но его знакомые «ролевики» назвали бы такое чудо-юдо «ковыряльником». Во-первых, рубить им невозможно. Заточенный свинцовый стержень — и тот лучше. Он легче будет хотя бы. Во-вторых, свинцовый стержень можно хоть самому наточить. Достань нож — и стругай. А это что такое? Пластина толщиной в сантиметр, шириной в ладонь, а на краях скругления радиусом в полсантиметра. При этом рукоять мало чем отличается от клинка. Разве что толще. По длине — если поставить у ног — как раз до пупка достанет.

Сева так и сидел на покрытом шелком топчане в чем мать родила, держа в руках суперартефакт земной цивилизации. Попробуй он применить навыки, полученные когда-то на занятиях по кун-фу — его тут же уложили бы на пол. И что случилось бы с «другом Святовита» один Святовит знает.

Оставалось надеяться на Ирму. А значит — тянуть время.

Жестом, который он видел в театрах, Сева сорвал простыню с ложа и обмотался ею. Надеясь, что выглядит очень важно, с мечем в руке, «друг Святовита» произнес:

— Враги да погибнут. Святовит послал меня на бой.

Не будучи уверен в стопроцентном владении арконским языком, Сева старался говорить коротко. Он надеялся на лучшее, но ответ его огорчил:

— Враги у стен, друг Святовита.

Его повели на вал.

Защитное сооружение впечатляло. Высотой метров так... пятнадцать. То есть, если высота потолков в доме два с половиной метра, то с пятиэтажный дом. А что бы мало не казалось, по гребню вала шел плетень. Еще метра три. Нападавшие, добравшиеся до плетня, должны были прорубаться сквозь ореховые прутья, толщиной в руку молоденькой девушки, а защитники могли между тех прутьев без спешки в упор пускать кленовые стрелы. А при необходимости, выдернув кол-фиксатор, выбежать гуртом через секретное место в плетне, и устроить маленький «истрибинишь».

В Арконе уже наступило утро. Видимо даны собирались именно сейчас начать решительный штурм. Всеволод стал мысленно просить о помощи Ирму, что было более разумно, нежели умолять Святовита. Но, не исключено, что столь же безнадежно.

Севу водили по всему валу, показывая как талисман. Что было в нем необычного? Хорош собой? Среди защищающихся были и более пропорционально сложенные ребята и красивее, но, честно сказать, он оказался самым мускулистым. Кажется, на аборигенах сказывалось плохое питание. Вооружение также оставляло желать лучшего. Сева со своим ковыряльником выглядел боевым эсминцем в окружении рыбацких шаланд. На каждого вооруженного плющенной кузнечным молотом железной палкой приходилось пяток мужчин с обычными деревянными жердинами, заостренными с конца — как бы пики.

На Всеволода все обращали внимание. Рекламу ему делал том самый муж, что разговаривал с Севой в комнате. Иначе, чем богом и другом Святовита, Севу он и не величал. Возможно, именно такое впечатление пришелец и производил на окружающих. По крайней мере, судя по возгласам, уверенность в силах защищающихся он вселял. Жаль, что атакующие этого не видели, может убоялись бы? Хотя, чего им бояться? Закованные в броню рыцари шли на штурм Арконы.

Оставив своих коней далеко от места боя, тяжелые и неповоротливые словно танки, лезли железные рыцари в гору. Сзади них, будто мобильная пехота, передвигались легковооруженные люди. Но они шли отнюдь не налегке. Длинные жерди, что находились в их руках, упирались в спины рыцарей, помогая тем идти в верх по крутому склону. Редкие стрелы, попадавшие в латников, не причиняли тем совершенно никакого вреда.

Видящий происходящие, Сева удивился: бронированные люди не смогут прорубить плетень. Баш на баш, никакой выгоды агрессоры не получат.

Но все оказалось не так просто. Приблизившиеся за широкими спинами рыцарей легкие воины внезапно зашвырнули на изгородь железные якорьки-кошки, и бросились вниз, разматывая веревки. Твердость защиты сыграла с ней злую шутку. Зацепленная во многих местах, зачalenная к рыцарским коням, изгородь рухнула. Вместо того, что бы ломаться там, где вцепились «кошки» плетень изогнулся, напружинился и начал лезть из сырой земли. Быстрее, быстрее, и вот он уже обрушивается на пригнувшихся рыцарей, скользит над ними и стелется по склону вала. Латники, обнажившие мечи врубаются в ошарашено стоящих славян, которые не способны, конечно, своими жердями и слабенькими луками отразить натиск. Первое смятение еще не прошло, а снизу уже подспела рыцарская подмога. С вершины вала вниз потекли реки крови. Горы трупов защитников Арконы громоздились друг на друга.

Сева был занят только одним: выжить. Точно так же вели себя и другие арконцы. Но для них это означало «не пустить врага», а для Всеволода... Стараясь не связываться ни с кем из рыцарей, Сева лавировал и отбивал удары, благо для него это не составляло особого труда. Но вот то, что творилось вокруг...

Сева чувствовал: долго он не выдержит.

— Севочка, живой!

Ирма хлопотала над ним, как над спасенным из зубов собаки котенком. Молодой человек долго не мог придти в себя. А когда обрел, наконец, способность рассуждать спокойно, то засомневался: а было ли путешествие в прошлое на самом деле? Или то был морок, наведенный ведьмой? Ирма, на все его вопросы отвечала в такой манере, что было не понять, шутит она или говорит серьезно...

Ну отчего все события в жизни Севы, связанные с этим полу-островом складываются так... так... сурово, что ли?

Оба раза жестокие уроки: не верь начальникам — в первый раз, и не иди на поводу у женщины — во второй.

Или это что-то большее? Судьба хочет дать Севе понять, что все уроки только тогда чего-то стоят, и тогда хорошо усваиваются, когда не рассказываются, а вбиваются?

Но что именно должен он, Сева, вынести из эпопеи с Арконой?

Сева лежал, с достоинством принимал хлопоты Ирмы, и занимался самокопанием. Он чувствовал: в нем что-то изменилось. Но что, и почему?..

XI. Поворотный момент

1

Всеволод решил, наконец, осуществить все время откладываемый визит к Арнольду Адольфовичу.

— К Велеречеву? — переспросил Егорыч, когда Сева проинформировал его, что собирается пойти в «сорок седьмую».

Стажеру показалось, будто шеф не одобряет его намерения, а потому тут же уточнил:

— Или не надо?

— Отчего же, сходи. Знаешь, где он сидит?

Вопрос звучал бы, вероятно, двусмысленно, но только не в устах Солнцева. Не так давно Сева был свидетелем пикировки шефа с представителем некой фирмы из Нижнего Тагила: тот съехидничал, мол, «сидеть» не нужно совсем, мол, не «садитесь», а «присаживайтесь», и так далее. Солнцев с протестной улыбкой тут же рассказал историю о знакомом человеке, чей прапрадедушка здесь, в Соловейске, сидел при царе Алексее Михайловиче Романове воеводой...

— Да. Арнольд Адольфович объяснил, как его найти.

Сева замялся. Формально добро было получено, но осталось ощущение, что встреча с Велеречевым Егорычем не приветствуется. Молодой специалист принялся оправдываться:

— Я на субботнике был, помните? Когда возвращались, Арнольд Адольфович рассказал про александриты, вот я и поинтересовался насчет философского камня. Он тоже, вроде как... драгоценный.

— Ну, и...

— Адольфович предложил поговорить у него в кабинете.

— Про меня спрашивал?

— Кажется... Хотя нет, он спросил, не у вас ли я работаю, и всё.

— Понятно.

Егорыч вздохнул, как человек, которому предстоит совершить что-то важное сию минуту. Глубоко и энергично. Словно тяжелоатлет перед выходом на помост.

— Давай. Сходи. Не упускай ничего, никаких нюансов. Чует мое сердце, что эта встреча может оказаться очень важной.

— В чем?

— Ох, Сева, не скажу. Знай мы все заранее, какой унылой бы стала наша жизнь... Заметь: мы даже книгу любимую перечитываем потому, что забыли какие-то моменты. Или, приобретая новый жизненный опыт, надеемся обнаружить там новые черты и грани. А твоя, Сева, какая книга любимая?

«Какая моя любимая книга?», — подумал Юрин. Ему внезапно захотелось изречь нечто необычное, значительное, такое, что осталось бы в веках, что-то типа «та, которую я когда-нибудь напишу». Чуть было не ляпнул глупость — вовремя спохватился. Стушевался и произнес тривиальное:

— «Мастер и Маргарита».

Шеф соорудил кислую мину, но на словах одобрил:

— Хорошая книга. Перечитай на досуге. А пока ступай Сева, ты же в столовую собирался?

И верно, пора.

Институтская столовая работала два раза в день: с восьми до девяти, и с одиннадцати до двух. Сева случайно обнаружил, что тут можно завтракать. Вначале обрадовался, но вскоре разочаровался.

Во-первых, утреннее меню не отличалось разнообразием. Каша-хлеб-масло-какао/чай. Всё, больше ничего. Причем каша манная или овсяная. Любимой Севиной пшенной, увы, не делали.

Во-вторых, по утрам в столовой царил угнетающая атмосфера. Народу завтракало мало, и подпотолочные лампы, из экономии, включали только в одном месте зала. Остальная часть помещения оказывалась лишь чуть освещенной слабым утренним светом, проникающим сквозь запylённые тюлевые шторы, отчего создавалось ощущение, что находишься в склепе или, по меньшей мере, в морге. Сумрачные лица окружающих только усиливали чувство пребывания где-то «там». Утро — тяжелая, не радостная пора. А тут еще и особый контингент: не от хорошей жизни люди пришли завтракать в столовую. Исключения бывали. Но, как знать, может, лучше бы их не было?

Однажды утром Сева встретил там Солнцева, и с тех пор в институтской столовой не завтракал. От обиды. На самого себя, а не на шефа.

Получилось что, встретив Михаила Егоровича, Сева стал вести себя завсегдатаем. Как же, он тут почитай, целый месяц кормится, а Солнцев впервые появился. И Сева от чистого сердца принялся жаловаться: и свет здесь мрачноватый, и кашей пшенной давно не угощался, и.... И когда они с шефом сели за стол, начались волшебные превращения. Каша оказалась пшенной. В стакане не какао, а кофе с молоком. Свет... Да при чем тут свет?! Вся столовая незаметно трансформировалась в открытую веранду, залитую лучами нежаркого утреннего солнца, пропитанную ароматами соснового бора, наполненную звуками просыпающейся природы. Вокруг счастливые, улыбчивые лица.

Солнцев деловито терзал ножом и вилок кровавой бифштекс.

— Михаил Егорыч, — наклонившись через стол, прошептал Сева, — что происходит?

— Ты о чем, Сева? Если про кофе и пшенную кашу, то это подарок от меня. Не стоит благодарить, такой пустяк, право... Мне неловко стало перед тобой: все наши (но только здесь, в этой столовой), могут самостоятельно менять еду, как кому нравится (за отдельную плату), а что касается остального... Это не мое. Прежде тебе казались окружающие люди угрюмыми? Так вот: все что ты сейчас видишь — реальность для одного из завтракающих. Знаешь ли, волшебником быть приятно, иногда.

С тех пор Сева, тыча вилок в слипшиеся макароны, ощущал себя человеком второго сорта:

знал, что в это же время сосед по столу наворачивает на вилку настоящие миланские спагетти. Потому и старался обедать, когда рядом как можно меньше институтских, без пятнадцати двенадцать.

Сейчас Всеволод рисковал угодить в самую гущу обедающих. Хорошо — шеф напомнил.

Чтобы не засиживаться, Сева не стал брать второе, обошелся «полным» вермишелевым супом и половиной стакана сметаны. Чайной ложки, как всегда, не нашлось, а есть сметану столовой — сущий моветон. Однако, делать нечего... «Вот пройду Посвящение, тогда...», — успокоил себя стажер.

Закончив с едой, Сева еще минут пятнадцать-двадцать прогуливался в институтском дворе, прикидывал: а не рановато ли идти к Велеречиву? Может он у себя в кабинете обедает. Если же лаборатория с восьми начинает, то на обед полагается уходить к одиннадцати... Он вдруг хихикнул: вспомнил как в сходной ситуации, когда его вызвал к себе Инхандек, а молодой спец все тянул, настраивался на разговор с высоким начальством, Егорыч так прокомментировал поведение Юрина:

— Ты, Сева, готовишься к визиту, как к первой брачной ночи, ха-ха.

Ну, шеф! Ну, насмешник!

«Сорок седьмую» Сева отыскал без труда.

Велеречев оказался свободен и радушно принял гостя. Угостил чаем, принялся излагать свои взгляды на природу философского камня. Его манера выражаться мало чем отличалась от речи шефа. Или это институтская атмосфера так шлифует сотрудников? Сева, как мог, старался соответствовать. Вел «умную» беседу, переспрашивал, комментировал. Велеречев высказал предположение, дескать, философский камень суть некая самозарождающаяся в живом теле субстанция, а Сева подумал: вдруг и в нем имеется такой камень? Вышло так, что он напросился на проверку собственного тела в изобретенном Арнольдовичем аппарате, да и заснул там.

Дальнейшее само по себе напоминало театр абсурда, а уж только что проснувшемуся Юрину и вовсе показалось продолжением кошмара из сна.

Выяснилось, что проспал он достаточно долго, руководителя лаборатории нет, в комнате распоряжаются неприятного вида личности, из тех, кого обычно называют «людьми в штатском». Заместитель директора также был здесь, но смотрел отсутствующим взглядом.

Юрин чувствовал себя семиклассником, которого директор школы застал с дымящимся бычком. Еще бы — спал на работе! А как только до Всеволода дошло, что пока он дрыхнул, кто-то, судя по всему, убил Велеречева, и запросто мог уколошить его, как свидетеля, с молодым человеком едва не случилась истерика. В довершение ко всему, сопоставив вопросы «силовика» и хмурость замнач, Юрин понял, что является чуть ли не главным подозреваемым.

Как только появилась возможность (его оставили одного, обнаружив нечто важное в соседнем помещении), Сева тут же позвонил Солнцеву.

— Ты что там, заснул? — раздался недовольный голос шефа.

— Я не нарочно... Но это не главное: Велеречева увозят.

— Куда? Что ты еще натворил?

— Я... Ну я...

— Помолчи, сделай одолжение.

Сева послушно прервал бессвязный лепет. А Солнцев дал следующее указание:

— Прижми трубку посильней к уху.

В голове молодого специалиста странным образом промелькнули недавние события, причем в обратной последовательности, вплоть до разговора с шефом, перед тем как пойти в столовую. Затем все повторилось обычным порядком. Длилась эта «прокрутка» не более

секунды.

— Все понятно, — констатировал Егорыч. — Жди, я сейчас буду.

2

— Прочитайте и подпишите.

Капитан Сысин протянул Всеволоду бланк.

— Что это?

— Подписка о невыезде. До окончания следствия.

— Но...

— Знаешь, парень, — оборвал Сысин, — я мог бы отправить тебя в КПЗ. Но ты отчего-то мне симпатичен. Пока, — сделал ударение, — можешь быть свободен. И не вздумай пуститься в бега! Надеюсь на твое благоразумие...

Сева был раздавлен, деморализован. Что происходит!? Никто ничего не хочет объяснить. Только вопросы дурацкие, туманные намеки и запугивания. У них нет против него прямых улик, это ясно; но понятно и другое — им ничего не стоит засадить его за решетку, навешав, как говорят блатные, «всех собак». Хорошо еще мент не злой попался.

Пробежав глазами текст документа, даже не вникнув, толком, в содержание, Сева подмахнул бумаженцию, ограничивающую его в правах. Тотчас же вспомнилась шутливая, но поучительная фраза, которую любил повторять отец: «Каждая подпись — шаг к тюрьме». Батя в таких делах дока: занимал материально-ответственную должность, через его руки ежедневно проходили десятки накладных, ведомостей, ордеров...

Не мог знать молодой специалист, что Сысин отпустил его под подписку вовсе не от доброты душевной, а потому, что следствие зашло в тупик.

Выяснилось: 1. Велеречев убит револьверной пулей. 2. Стреляли, очевидно, с большого расстояния — пуля была на излете. Об этом свидетельствовал характер ранения. 3. Оружия в помещении не нашли, хотя обшарили все щели, даже применили металлоискатель, способный обнаружить иголку в стоге сена.

Таким образом, оснований для задержания Юрина у следственных органов не имелось.

— Я могу идти? — спросил Сева, поднимаясь со стула.

— Да, — кивнул Сысин.

— Прощайте.

— До свидания, — многозначительно поправил капитан.

Всеволод постарался как можно быстрее выбраться на волю из мрачного здания, где того и гляди, застрянешь на неопределенный срок. На улице, несмотря на поздний час, было светло — белые ночи. И безлюдно, разве что какой-нибудь подгулявший гражданин бредет, влекомый к родному дому инстинктом. Сева торопливо зашагал в сторону общаги.

Жизнь в городке, как оказалось, не затихала и ночью. Из бара с грустно-юморным названием «Соловки» доносилась приглушенная музыка — гуляла «золотая молодежь», проматывая родительские денежки, новоявленные бизнесмены «оттягивались» после трудов праведных, «братки» накачивались виски и текилой, подражая крутым парням голливудских блокбастеров. Юрину требовалась разрядка — рюмаха коньяка сейчас бы не помешала.

Двери злачного заведения гостеприимно распахнулись, впустив внутрь очередного полуночника. Сева прошел к стойке, спросил коньяк, проглотил одним махом.

— На ловца и зверь...

Всеволод обернулся. Рядом пристроился незнакомый мужик. Не старый. Не слишком

молодой. Так — от тридцати до сорока можно дать. Бритый наголо. Накаченный — под обтягивающей грудь футболкой перекачиваются тугие мускулы.

— Ты ведь в Институте работаешь, — небрежно обронил незнакомец. — Юрин Сева?

— Откуда вы меня знаете? — насторожился Всеволод. Мужик ему не понравился: наглый тон, бесцеремонность, повадки...

— А я всех в Соловейске знаю. Это мой город.

Вот так. Не больше и не меньше. А может, он на самом деле мэр Соловейска? В наше сумасшедшее время все возможно.

Незнакомец потягивал из рюмки янтарную жидкость — виски, похоже, дорогущее, играл левой рукой связкой ключей с брелоком в виде черепа.

— Ты, кореш, не делай удивленные глаза. И слушай сюда внимательно. Меченый два раза не повторяет. — «Хозяин Соловейска» допил пахучий напиток, отставил рюмку. — У нас дело к тебе. Поможешь — не обидим башлями, а станешь кочевряжиться — пеняй на себя. В асфальт закатаем. И, упаси тебя Бог стукнуть в ментовку.

— У кого, у вас, дело? — только и нашелся, спросить Сева.

— Много вопросов задаешь. У нас, — подчеркнул, — этого не любят. В общем, так. Нам нужно знать все о камне философском. У кого из институтских он хранится и где. Разузнай. Сроку тебе — неделя. Время пошло.

Незнакомец небрежно кинул на стойку купюру в двадцать баксов, поднялся, ушел, не прощаясь.

Сева так и сел, придавленный неведомо откуда свалившимися на него бедами.

3

Кроме «маршальского» стола в кабинете Инхандека имелась еще она достопримечательность: мохнатая голова быка с кольцом в носу, закрепленная на стене, там, где в обычных кабинетах висят большие кварцевые часы. Словно в рыцарском замке средней полосы Великобритании, куда эту голову привез виконт-прадедущка из Индии, где проходил службу в колониальном корпусе. Впечатление несколько портило стоящее в углу переходящее красное знамя.

Михаил Егорович равнодушно скользнул взглядом по кабинетному интерьеру и, сев к столу, уставился в окно, демонстрируя отсутствие каких-либо проблем. А что его, Солнцева, должно беспокоить, собственно? Арнольд Адольфович был коллегой, но не другом или товарищем. Убили? Да мало ли криминальных событий происходит «где-то в России»? На месте преступления находился Юрин, подчиненный Солнцева, да. Но он там был по собственной инициативе, его к покойнику никто не посылал.

Другое дело — голова яка. Однажды Михаил Егорович вот так же был у зама, а того срочно вызвали к директору. Инхандек попросил подождать, и вышел буквально на три минуты. У головы быка тут же открылись глаза и по коровьи грустно посмотрели на Солнцева.

С тех пор между яком и Егорычем установились бессловесные дружелюбные отношения. Входя в кабинет начальника, завлаб окидывал взглядом казенную обстановку, как будто проверял каждый раз: хорошо ли уборщицы протирают пыль. Голова никогда больше не приоткрывала глаза, но каждый раз выражение морды на стене неуловимо менялось, предсказывая, чем закончится разговор или каковы окажутся результаты совещаний. Создавалось впечатление: як знал настрой начальника кабинета.

Хорошо, что Солнцев напрямую не подчинялся Инхандеку. В институте действовало

старинное правило: «Твой подчиненный — не мой подчиненный». Джордж Мустафьевич мог перераспределить работу между отделами, нажаловаться директору, но... Солнцев сидел на магистральном направлении одной из тем института, и запараллелить работу оказалось не на ком. А к мелким придирам по качеству отчета Михаил Егорович привык. В отместку он, иной раз, позволял себе называть Инхандека в лицо дураком. А то и покрепче. Замначу приходилось делать вид, что ничего не слышит.

На этот раз голова яка выражала яростную решимость, будто на тибетской тропе быку повстречался снежный барс.

Восседающий в своей обычной позе «Вольтера в кресле» Джордж Мустафьевич поднял глаза на Солнцева.

— Что скажешь?

— Я? — притворно удивился Михаил Егорович. — Что я должен сказать?

— Не надо юлить, — поморщился Инхандек. — Не надо притворяться: наш коллега погиб. И у него в сейфе нашли золото в самородках. Ты понимаешь, что надо собирать комиссию и решать, куда его отправлять: в Гохран или в Алмазный Фонд? Ведь это — ценности, и им место в Кремле. А там спросят: откуда?

— Ну, не надо так надрываться, Хан. Поднапряжемся, снизим пробу. Потом еще снизим — до следов... И пусть забирают... хотя бы в геологический музей. Пириту там самое место.

— Ах, какие мы умные! Ну, допустим — сделали. А теперь ответь для меня. Откуда у Адольфовича золото? С какого, так сказать, месторождения? А главное, кто и за что его убил?

— Вы — начальство, вы и объясняйте.

Инхандек откинулся на спинку кресла, сжал пальцами подлокотники. Теперь место философа занял тиран на троне: властный взгляд, сжатые губы, готовые, казалось, разомкнуться, что бы повелеть: «В темницу его!».

— Вот как? Такую, значит, позицию занимаешь?! Тогда все просто — это твой сотрудник.

— Юрин?

— А кто еще?

Егорыч потерял мочку уха.

— Чтобы потом заявить, будто я его надоумил?

— А что, вариант.

Уголки губ приподнялись в ухмылке. Инхандек продолжил:

— Начнется следствие, тебя возьмут под стражу. Дело-то нешуточное.

— Следствие... — задумчиво повторил Солнцев. — А если я на следствии расскажу всё, что мне известно? Про неликвиды, пионерский лагерь, работу пищевого цеха «налево»...

— Ты меня в чем-то обвиняешь, Миша?

— Хан, в чем же тебя можно обвинить! Сам-то ты чист, как северное сияние. Но ты покрываешь хапуг... Даже так: они прячутся за тобой. В прежние времена такого бы ты не потерпел.

— То были прежние времена. Теперь многое разрешено. Вернее, не запрещено.

Было видно, что разговор свернул в неприятное для начальника русло, но отступить Инхандек не намерен.

— Хан, мы не на партхозактиве в горисполкоме. Что ты от меня хочешь на самом деле? Чтобы я признал: Арнольд имел философский камень?

— Ты сам произнес это.

Хозяин кабинета вновь расслабился, восседая вальяжно, словно барин средней руки, выслушивающий доклад управляющего имением. Ходить вокруг да около Инхандек мог долго. У Солнцева времени не оставалось. В силу некоторых обстоятельств он попал в цейтнот.

— Мы же с тобой не в этом веке родились, Хан. Совершенно понятно, что в лаборатории, которая занимается «камнем», золото могло явиться лишь из одного источника. Не в туристических же походах по Соловейску и окрестностям он его выкопал, да?

Инхандек скривился.

— Не институт у нас, а... Арнольд сам тебе рассказал, чем занимается «сорок седьмая»?

Солнцев отмахнулся.

— Не морочь голову, Хан. Ты прекрасно знаешь — я с покойником не общался... Да тут каждой собаке известно, что Адольфович половину института проверил на своей установке.

— А твой сотрудник, он-то зачем к нему направился?

Ответа зам директора не дождался.

— Молчишь. А Юрин заявил, что ты дал ему задание отыскать «камень».

— Не отрицаю.

— Еще бы ты отрицал!..

Инхандек опять состроил недовольную гримасу. Побеждать в дискуссиях замдиректора любил со значительным преимуществом над оппонентом. Ему надо было, чтобы с ним спорили. А уклоняющийся от боя соперник не только не интересен, но и... опасен. Что на уме? Нет ли в рукаве запасного козыря?

— Хан, что ты дурака валяешь! Это обычная задача для молодого специалиста. Чтобы вник, так сказать, в суть проблематики.

— Как-то глубоко он вник. Комната была закрыта изнутри. В помещении кроме Юрина и Велеречева — никого. Вывод однозначен.

— Но кто-то мог пройти сквозь стену...

— Миша, не смешно. Стены в «сорок седьмой» непроницаемы.

— А двери?

— И двери, и пол, и потолок...

Инхандек был доволен: теперь Солнцев вел себя, как положено — искал выход, которого не было. Логическими построениями его загнали в угол.

Бычья морда на стене демонстрировала явный интерес, словно шахматный болельщик, точно знающий: партия еще не окончена.

— Возможно, кадавр? Он находился в комнате, а после дематериализовался. А?

— Не говори глупостей. Я понимаю, что у тебя опыт экспериментальной работы огромный и ты мне с полсотни версий выдвинешь... Я проверил твоего Юрина на Магрибском Шаре. И знаешь, что обнаружил?! Искривление! Между получением диплома и приездом в Соловейск...

— Ха! А ведь я сразу догадался: твоя затея с Арконой имела целью лишь проверку молодого специалиста. К чему такие сложности, Хан?

Замдиректора вновь поморщился. Нельзя недооценивать противника. Егорыч — тертый калач, голыми руками его не возьмешь. Похоже, с ним нужно играть в открытую.

— Все очень не просто, Миша. Кто-то сильно интересуется Институтом. Юрин — «засланный казачок». Блок, который ему поставили... Я даже не знаю, кто мог это сделать. А главное — зачем?!

Солнцев бросил взгляд на голову яка. Морда казалась задумчивой, будто животное собиралось присоединиться к «мозговому штурму».

— Знаешь, Джордж... Все что ты сообщил о Юрине — интересно. Весьма. Но для чего ты битый час болтаешь всякую чепуху. Извини, хочется выругаться матом в твой адрес. Всем, кто хоть что-то смыслит в наших делах ясно: появление Всеволода Кирилловича Юрина здесь не случайно! Никаких способностей к колдовству у него не имеется. Это выпирает настолько явно, что прямо-таки подозрительно: почему его не отправили в тот же день обратно в Питер? Кто-то

замолвил за него словечко? Вряд ли. По моим данным Всеволод сам по себе — не плохой человек. Чистый и открытый. И даже если Юрина используют, лучше знать, что именно от него исходит угроза. Это, принимая за аксиому, что наша организация всё еще представляет для кого-то интерес. Но я в это не верю. Просто не представляю, кто мог бы обратить на нас внимание. А то, что администрация давно собирается Институт приватизировать — всем известно.

— Как и то, что кое-кто в Институте считает: всё должно оставаться, как есть. И — вот результат.

— Не вижу, пока, никакого результата.

Солнцев в прошлом сам, — еще и пяти лет не прошло, — занимал пост заместителя директора по науке. Это давало ему моральное право в спорах с Инхандеком (тем более, при разговоре тет-а-тет) занимать жесткую позицию. Он мог бы и сейчас тут руководить. Но возраст, возраст... Как только появилась более-менее приемлемая кандидатура, Михаила Егоровича «ушли в тень», как некогда поступили и с его предшественником. То, что течение жизни в начале девяностых круто изменится, не предвидел никто. Хотя позже некоторые умники заявляли, дескать, они заранее вычислили по Нострадамусу «смену полюсов»...

— Пойми, Егорыч! Если мы не приватизируем институт, его отберут у нас просто так. Пришлют из Москвы другого директора, и — всё!

— Что «всё»? Он снимет тебя и поставит своего человека? Так, и что наш трудовой коллектив потеряет?

— Да новый может позакрывать разработки, которые сочтет «малоперспективными». И всем — коленом под зад.

Солнцева такое предположение явно не испугало: он небрежно откинулся на спинку стула и демонстративно сложил на груди руки. Ноздри яка одобрительно дрогнули. Это заметил и хозяин кабинета. Он понял: Солнцев «закрыт», кутерьма, происходящая вокруг, его не коснется, что бы ни случилось. Следующим вопросом Егорыч подтвердил свою позицию:

— А может, это и к лучшему? Вон, те, кого в девяностом сократили — неплохо устроились.

— Неплохо?.. А я думаю, что это кто-то из них Юрина и заслал.

— С какой целью? Убить Арнольда? Не смешно даже. Его могли подкараулить где-нибудь на рыбалке, или машиной сбить по пути на работу.

— Возможно, при проверке мальчишки Арнольд что-то обнаружил. Вот, его и...

В позиции Солнцева имелся изъян. Ведь, как ни крути, а Велеречева убили. И Юрин находился в помещении. Полностью самоустраниться не получится... Егорыч разомкнул психологический замок, и хлопнул ладонями по коленям.

— Да что там Сева! — В голосе звучало раздражение. — Ничего из себя не представляет. Возьми любого из школы, продержи пять лет в вузе — вот тебе и Сева.

— Искривления, Миша, искривления...

— Знаешь, Хан, давай решать вопросы в порядке их поступления. Есть золото.

— Так.

— Есть труп.

— Так.

— Есть предположение, что виновен в убийстве Всеволод Юрин.

— Есть такое предположение.

— Но, даже, если это и так — мы ничего не сможем узнать. А выходить к директору с предложением лично контролировать ситуацию...

— Да, не стоит.

Инхандек освоил пятый уровень Проникновения: мог заглянуть в подсознание, добраться

до глубинных причин поступков конкретного индивида. В случае с Юриным этого оказалось недостаточно. Можно было, конечно, пойти к директору и попросить задействовать шестой уровень, только пользы от этого ни Солнцеву, ни Инхандеку никакой. А вот не было бы им с того самого беды...

Замдиректора предпочел закруглить беседу.

— Вижу, мы не договорились... Учти, Миша, если ты считаешь, что нам неизвестно, кто тормозит продвижение документов в инстанциях, то это наивно. Если ты думаешь, что нам неизвестно, кто всем руководит, то это глупо. И поверь, что я знаю, что именно ты стоишь за этими «кем-то».

— Понятно. Пугая меня возможной причастностью Юрина к убийству, ты пытаешься решить свои темные дела. Я должен закрыть на них глаза, так? А взамен? Видимо, взамен, я получу Севу обратно. Только, знаешь ли, Хан, Сева мне не нужен. Кто он такой? Хороший мальчик? Да мало ли мальчиков вокруг?! Вы собрались его пытаться? Да ради Бога!

— Не кипятись, Миша. Взамен ты получишь возможность продолжать свою работу. Конфуз с Адольфовичем привлек к институту ненужное внимание. Нам надо срочно решать вопросы. Организация, где могут получать золотые самородки, стоит много больше, чем та, где «черт его знает, чем занимаются». Нас могут просто проглотить. А виновата твоя компания, проводящая неразумную кампанию. Мы делали вид, что ничего не замечаем, надеялись что вы образумитесь, но ситуация изменилась. Жду завтра с конкретными предложениями. А Юрин... Зачем он нам? Если будет нужно — попрошу директора посмотреть, что скрывает блок, пусть он сам и решает...

В этот момент дверь начальственного кабинета распахнулась. На пороге стояла чертежница Лариса Ромашина. Что понадобилось девчонке у замдиректора? Без вызова явилась в кабинет... На мгновение воцарилась неловкая пауза. Егорыч бросил лукавый взгляд исподлобья в сторону Инхандека. Успел заметить досаду на его лице.

— Я занят. Зайдите позже, пожалуйста, — бросил Инхандек.

Бычья морда ухмылялась. Не так, конечно, как это делают люди... Однако даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять — бык насмехается над хозяином.

Егорыч поднялся, протянул и пожал руку Инхандеку. Вроде гроссмейстеры закончили скучную партию, которая не войдет в учебники: тривиальная ничья.

Солнцев, прежде чем покинуть кабинет мысленно послал привет голове яка. Вещи, они ведь тоже обладают душой. А в тех кабинетах, где часто совершаются магические действия, вещи становятся порой слишком уж... одушевленными.

4

Со стороны это совещание вполне могло напоминать секцию Ученого Совета. Доктора наук и перспективные кандидаты собрались в закрытой комнатке, чтобы обсудить работу товарища. Или решить сложную задачу, поставленную Академией. Сидели в кабинете Солнцева. Всеволода шеф отправил в отдел кадров писать объяснительную, чем это он занимался в рабочее время в лаборатории Велеречева. Попросил кадровика Мишина задержать Юрина подольше, дабы тот не путался под ногами.

За большим совещательным столом собрались институтские «зубры»: Эль-Фаед, Семенов, Бек, Берглезов, Яхно-Яхновская, Столыпин, Гликзон и Натанман. Все внимательно смотрели на Солнцева, а тот упрямо пялился на столешницу перед собой, не поднимая глаз.

— Был у Инхандека, — начал, наконец, Егорыч. — Они, кажется, собираются перейти к

активными действиям. В общем, как и ожидалось.

Сообщив эту информацию, Солнцев перешел на более высокий уровень Проникновения и осмотрел присутствующих. Получилось что-то похожее на то, когда он, завтракая с Севой, показал ему в столовой чужое мировосприятие.

С точки зрения Яхно-Яхновской тут шел великосветский бал. Правда, на этом балу присутствовала всего одна дама: она сама. И её никто не собирался приглашать на танец. Но танцевали все.словно на школьной дискотеке: встав в кружок.

Столыпин видел войну. В его глазах это был бивак. Боевые товарищи готовились к бою: кто кивер чистил весь избитый, кто шомполом драил жерло штуцера, кто правил об оселок саблю.

Семенов видел рыбаков на пикнике перед вечерним походом на заводь. В его мире Солнцев варил в котелке уху, а все сидели округ, приготовив ложки.

Бек... Этот крепкий служащий видел ситуацию как бухгалтер: в виде денежных потоков, предусмотренных социалистическими планами, жиденьких и многоярусных.

С точки зрения Берглезова тут проводилось обычное производственное совещание. Но все отчего-то в строгих черных костюмах и в красных строительных касках.

Эль-Фаед, геолог по образованию, жил в мире горных пород и минералов. Он будто бы находился в геологическом музее. На месте Солнцева разместились большущая друза горного хрусталя, Яхновская — нефритовая колонна, Берглезов — кремень, Натанман — мраморный монолит, Гликзон — скала розового кварца, Семенов — гранит, Столыпин — наплыв бирюзы, Бек — шерл. Сам Эль-Фаед оставался человеком в зеленом комбинезоне. Рядом с ним лежала кирка.

Натанман воспринимал присутствующих как птиц. Сам он тоже был птицей: голубем-трубачом.

Гликзон, Лев Давидович, судя по его видениям, людей не любил. Он наблюдал клубок змей. Самой крупной была анаконда — Солнцев. Самой опасной — гюрза Яхновская. Сам Лев Давидович был бесплотным духом в процессе созерцания.

Волшебникам и колдунам не интересно жить в реальном мире. Они уходят в мир грез, иногда уродливый, чаще — красивый. Но порой очень полезный для существования.

— Зачем же ты нас собрал, Миша? — укорил Гликзон. — Я же просил: если всё старое, не отрывай меня.

Ясно: не очень-то приятно наблюдать за змеями...

Остальные продолжали ждать. Лев Давидович был человеком невыдержанным, что не сказывалось на его таланте внушать мысли на расстоянии. Поговаривали, что он не уступал в этом самому Директору, за что и был вечно обойден в финансовом плане. Но в широких научных кругах и министерских коридорах Гликзона ценили. Именно он разработал и осуществил подачу неким деятелям в США идею, что надо отвлечь русских ученых от работ на военную промышленность системой грантов от университетов Америки. Мол, русские кинутся за долларами и не станут работать на оборонку. Лишь благодаря этим грантам некоторые оборонные предприятия смогли удержать высококвалифицированные кадры...

— Мне нужна ваша поддержка. — Солнцев говорил искренне. — Я всегда считал, что мы — единая команда.

— Миша! Разве мы давали тебе повод усомниться?

Яхно-Яхновская старалась поддерживать с Солнцевым хорошие отношения. Помимо всего прочего, она лелеяла надежду вывести у него секрет «вечной молодости».

Солнцев кратко пересказал содержание беседы с Инхандеком. Повисла долгая пауза. Было видно: каждый старается обработать полученную информацию применительно к себе. До молодого специалиста Юрина им, понятно, никакого дела не было. Гораздо больше волновал

вопрос о дальнейшей судьбе Института и, следовательно, их собственной. Солнцеву это не понравилось.

— Главная беда в том, что нами, похоже, заинтересовался криминал, — подчеркнул он.

— Ну, они всегда тут копошились...

Егорыч покачал головой.

— Шелупонь. Но все развивается. Эти не остановятся ни перед чем. Подозреваю, что у них появилась, как они выражаются, «крыша». Причем в лице кого-то из Посвященных.

Семенов, самый молодой из собравшихся, (родился в начала века), даже присвистнул.

— Быть того не может!

— Может, — ответила за Егорыча Яхно-Яхновская. — Не удивлюсь если это окажется один из Черных.

Воцарилась гнетущая тишина. С Черными Колдунами, все знали, шутки плохи. Они, подобно «падшим ангелам», которые, согласно Библии обратились в демонов, были изгоями среди Посвященных. И, оттого, втройне опасными.

— А причем здесь этот пацан, Сева Юрин? — спросил Семенов. — Он же не Посвященный.

— Не знаю, — честно признался Солнцев. — Возможно, кто-то за ним стоит... какая-то влиятельная структура. Но, кто — вопрос!

Опять повисла пауза. Егорыч сидел мрачнее тучи. Собирая коллег, он надеялся на свежее оригинальное решение — пока без толку. Но хуже было другое. Команда, его команда, перестала существовать. Он чувствовал настрой собравшихся. На словах-то они, будут, разумеется, уверять в своей преданности, а как дойдет до дела, выяснится, что у одного умерла любимая двоюродная тетка в Киеве и ему срочно нужно отбыть на похороны, у другой — заболела мама, у третьего... Да, чего там! Он, похоже, остался в одиночестве. Что ж, как говорится, Бог им судья.

— Вот такие дела... Я поделился информацией, теперь очередь за вами. Если кто узнает что-то, или надумает — приходите в любое время.

5

Семенов и Яхно-Яхновская уединились в кабинете.

— Кое-что проясняется, — заявила Инесса Исаевна, — по крайней мере, для меня. Солнцев схлестнулся с администрацией не на шутку. Нашла коса на камень. Просто так он им Институт не отдаст. Как же — любимое дитя!

— Разве он когда-то руководил Институтом? — удивился Семенов.

— Нет, выше зама по науке он не поднимался. Но Егорыч был в числе учредителей, отцов-основателей НИИМагии. — Женщина вздохнула. — Тем более жаль. Ведь они его сожрут. Я имею в виду Инхандека сотоварищи. А без него и нам придется несладко.

— Значит, следует привыкать обходиться самим.

— Похоже, именно это он и пытался донести. А Бек с Фаедом — ты заметил — сидели как воды в рот набравши.

— Заметил. Непонятно — почему?

— Да, все же ясно. Знакомая позиция: моя хата с краю... Ох, как все надоело! Меня ведь в три европейских института зовут. Бросить все к черту, да уехать!?

— Что же держит, Инесса Исаевна?

Семенов и сам давно подумывал об уходе, но не решался: такая свистопляска идет по стране, как бы на улице не оказаться, не пополнить ряды безработных.

Инесса скорбно покачала головой:

— Поздно мне начинать с нуля, Сережа. Что я там буду делать? Учить недорослей пиктограммы вычерчивать? Уж лучше с Инхандеком собачиться по поводу правильности начертания знака «алеф». Шрифт, размер, толщина, цвет, месторождение мела... Кстати, ты мне обещал чилийский.

— Помню. Пока — за мной. Есть аргентинский.

— Давай. За неимением гербовой, будем строчить на простой... Ладно, вернемся к нашим баранам. Попробуй выяснить, что затевают эти... правонарушители. У тебя же есть связи?

— Связи... От тех связей одни узлы остались. Меня уже, как экстрасенса, в милицию давно не приглашают.

— Что так?

Семенов рассмеялся.

— Им стало трудно объяснять, почему к одним делам меня подключают, а к другим — нет. Впрочем, попробую. Может по старой дружбе...

— Только осторожно! Сдается мне, что и там у них все схвачено.

Семенов посерьезнел:

— Хорошо. Меня, Инесса Исаевна, беспокоит молодой парнишка, Юрин. Не похоже, что он связан с криминалитетом. Но что-то с ним — Егорыч прав — не чисто.

— Верно. Надо бы приглядеться к нему повнимательнее.

6

В субботу с утра Алексей Вадимович Сысин почувствовал непреодолимое желание пойти на рыбалку. А ведь не был он заядлым рыболовом, из тех, что сутками готовы сидеть, глядя на поплавок, вставать ни свет ни заря, чтобы не прозевать утренний клев... Нет, рыбалка в окрестностях Соловейска знатная, даже фирмочка одна появилась по обслуживанию любителей из Европы и США. Алексей, поскольку местный, рыбалкой тоже не брезговал. В нежной юности, когда учился в школе, так вообще ходил по рекам с учителем биологии с научно-исследовательскими целями: доказывали, что в северных реках и по сию пору живут раковины-жемчужницы. Но вот так, ни с того, ни с сего, схватить удочку и поспешить на автобус до села Подгорного... Такое случилось с ним впервые.

На автобусе ехать не пришлось. Из старенькой «Нивы», тормознувшей около остановки, выглянул смутно знакомый мужик и радостно закричал:

— Алексей Вадимович! И вы на рыбалку? Давайте к нам!

Отказываться было глупо. К тому же Сысин припомнил, как зовут радушного хозяина: Горбунов Виктор. Заместитель начальника гаража Соловейского НИИ.

В машине Горбунов был не один. На заднем сиденье располагался пассажир. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: человек служил. Сразу и не ответишь, отчего создается это впечатление: взгляд цепких глаз? Подчеркнутая аккуратность? Немодная стижка «ежик»? Явное ли предпочтение зеленому цвету в одежде?

«Нива» рванула с места, а для Сысина продолжались непонятные события. Горбунов, управляя машиной, разразился пространной речью о рыбалке, ни мало не интересуясь, слушает ли его кто-нибудь. Бывший военный протянул руку и похлопал водителя по плечу. Будто убрал громкость.

— Мне с вами, Алексей Вадимович, переговорить бы надо. Чего же время терять?

Сысин окончательно понял: этот тоже из Института, и внутренне подобрался.

— А в служебное время никак нельзя вопрос решить?

— Алексей Вадимович, у нас же с вами всё время — служебное, не так ли? Тем более, что вопрос взаимовыгодный. Наверно, догадались, что речь пойдёт о недавнем происшествии. С Велеречевым.

— Не догадался. Но и не удивлен.

Собеседник продолжил:

— Я в некоторой степени работник Института... Вахтер.

Произнесено это было со значением. Сысин отреагировал верно:

— Как я понимаю, полковник или подполковник в отставке? Видимо, веская причина вынудила вас работать вахтером.

Короткая пауза.

— Майор НКВД. Не расстреляли вместе с Лаврентием Павловичем — и, слава Богу. Я на судьбу не жалею. А что касается причины... Порой от маленькой шестеренки зависит ход всего механизма.

Сысин кивнул. Он, совершенно неосознанно, не только признал старшинство собеседника (а ведь тот был отставником), но и оказался готовым поделиться конфиденциальной информацией.

— Это верно. Так что с Велеречевым? Как выяснилось, у него в сейфе оказалось отнюдь не золото.

Горбунов опять «включил» полную громкость:

— ...когда река в лучах вечернего солнца золотом отливает. Вот это да, это такая красотища, что...

Похлопыванием по плечу майор НКВД в отставке утихомирил пустившегося в поэтические воспоминания Виктора.

— Кстати, как мне вас называть? — спросил Сысин.

Его собеседник хохотнул:

— По имени неудобно, староват уже. Отчество мое мне не нравится... Зови Майором. А про золото могу сказать, что всё не так просто. Сам посуди, Вадимыч, много у вашей Конторы с Институтom проблем возникало? Вот то-то. А почему? И это, когда по всей стране воруют, несут: и всё, что можно, и то, что нельзя, и даже то, что не нужно! Ха-ха-ха!

— Вам, майор, лучше знать: вы же на проходной дежурите.

В голосе Сысина прозвучала обида. Он знал, что руководство Института покрывает «несунов», самостоятельно решая возникающие недоразумения. А поскольку Институт был в Соловейске единственным объектом, на котором можно хоть как-то отличиться, продвижение по службе капитана Сысина шло туго. Не золото его разволновало, как ошибочно подумал его помощник в тот раз, когда увидел засветившиеся радостью глаза капитана — то было служебное рвение.

— Мне лучше знать, — легко согласился Майор. — Я вообще много знаю. И умею... Посмотри-ка в своем внутреннем кармане.

Сысин достал бумагу. На белом пространстве писчего листа его рукой, его перьевой ручкой (шариковых Сысин не признавал) была написана явка с повинной по поводу шпионажа в пользу разведки Южно-Африканской Республики(!). Алексей Вадимович вытер вспотевший лоб.

— Посмотри в окно, — приказал Майор.

Они уже подъезжал к Подгорному.

— Прости, Вадимыч. Шутка. Это, чтобы ты знал — что я могу.

Несмотря на «прости», было абсолютно ясно, что чувства вины Майор не испытывает.

— Могу, — повторил Майор. — Но не хочу. Хочу с тобой договориться. Помогай мне.

Взамен получишь всё, что хочешь.

— Это как с золотой рыбкой: хочу иметь тебя на посылках?

Старик мелко и хитро засмеялся:

— Я не гордый. Могу из вахтеров уволиться, и пойти к тебе курьером. Если такое твое желание будет. Что-то еще?

— Подожди, Майор. Дай подумать.

Машина свернула с асфальтового полотна и аккуратно продвигалась по еще не просохшей грунтовке. Виктор время от времени громко хохотал. Похоже, в его реальности, как теперь догадался Сысин, организованной бывшим энкавэдэшником, пассажиры травили матерные анекдоты.

Чего-чего, а дураком капитан Сысин не был. И понимал: вот шанс, ради которого он всю жизнь просидел в Соловейске. Откуда капитану видеть различия: где мысли его, а где — наведенные со стороны?

А Майор ждать не собирался:

— Молчание знак согласия. И вот тебе первое задание: найди пареньков из местной шпаны, пусть будут наготове. Задание им дам. Не сложное. А это — тебе. Хочешь, себе оставь, хочешь — паренькам раздай.

С этими словами старик протянул брикет купюр перехваченный бумажными банковскими ленточками.

— Что это? — растерялся Сысин.

— Это? — старик вновь мелко захихикал. — Это эквивалент труда. Неужто забыл основы?

И уже на полном серьезе, с чугуном в голосе:

— Не тяни. Ребятишки могут понадобиться в любой момент. И вот еще что: не надо, что бы они считали, что работают на Органы. Пусть думают, что за тобой стоит банковская структура. Я похож на банкира?

И Майор снова залился смехом.

7

Меченому улыбнулась удача. Ему предложили, за хорошие бабки, работу, которую он и так собирался делать. Ментяра, капитан Сысин, поручил потрясти пацана из Института, Севу Юрина.

Меченый давно уже положил глаз на «научную контору» — по слухам там делали золото при помощи философского камня. Сначала-то Меченый не верил — сказки! А после изменил мнение: из надежного источника ему шепнули, есть, мол, философский камень! Но, где, у кого — никто не знает. Закинул удочку Меченый — попался «молодой спец» Юрин. У него-то и хотел бандюган выудить информацию. Слегка припугнул салагу, неделю времени дал, чтоб разузнал про камень. А тут, мент — как снег на голову, и говорит: солидный человек работу предлагает, хорошие бабки дает. Кто ж от бабла откажется? Тем более, почти на халяву...

Часть третья

ХII. В сердце Азии

Не доезжая райцентра машина свернула направо, и через несколько минут остановилась перед железными воротами, по обе стороны которых тянулась изгородь из сетки-рабицы.

— Наша база, экспедиционная, — объяснил Лабазнюк. — Нужно отдохнуть, хоть пару часов: Хайруло хоть и Посвященный, но не железный, уже вторые сутки за рулем, практически без отдыха. Здесь, конечно, не бог весть что, не Гранд-отель, а все лучше, чем на обочине торчать.

— Вадим, — забеспокоился Михаил, — ты забыл, что за нами погоня! А Хайруло можно и заменить...

Лабазнюк отмахнулся.

— Кем? Ты за руль сядешь?... А-а, не умеешь, говоришь... Ну, правильно, откуда в тринадцатом веке можно научиться машиной управлять! И я — водитель аховый. Права есть, но любительские...

— Сева? — повернулся к помощнику Егорыч.

— Не-е. Я — пас! — замотал головой Всеволод. — Угроблюсь сам, и вас угроблю.

Лабазнюк продолжил свои доводы:

— Те, кто нас преследует, уверены: мы драпаем без остановки по трассе. Им и в голову не придет искать нас здесь, будут гнать до самого... Как, бишь, ваш городок зовется... Воробейск?

— Соловейск, — поправил Михаил.

Геолог явно дурачился, изображая забывчивость.

«Про Институт помнишь, а как город называется, забыл!? — брюзжал, мысленно, Сева. — Врешь, дядя...»

Парень так и не смог простить Лабазнюку покушения на их с Егорычем жизни, пусть и по ошибке. Солнцев же был настроен не столь враждебно. Он вообще, как успел заметить Всеволод, принадлежал породе «не держащих камень за пазухой».

— Ну, хорошо, пусть будет Канарейск, — продолжал ерничать Лабазнюк. — Так, вот. Они, думая, что нагоняют нас, станут все время спешить, а мы потихоньку-полегоньку сзади.

— Делай, как знаешь, — согласился Егорыч. — Только смотри, не перемудри.

Шофер Хайруло посигналил. На звук клаксона из бокового домика-сторожки вышел старик в чапане, почему-то засуетился, открывая ворота. На его лице явно читались испуг и изумление.

Путники выбрались из машины. Сторож почтительно кланялся, прижимая руку к груди. Сева, впервые столкнувшийся со столь явным проявлением угодливой покорности, был удивлен и смущен, одновременно, но когда обернулся и посмотрел на их машину со стороны, то все понял. Такую «тачку» и в кино не часто увидишь! Черный лимузин, длиной, пожалуй, с трамвай, с зеркальными стеклами, защищающими салон от любопытных взглядов снаружи, с полированными, нетронутыми пылью боками, способен был произвести впечатление не только на полуграмотного жителя горного кишлака.

— Саид-ака, ты, что не узнаешь нас!? — воскликнул Лабазнюк.

Старик продолжал кланяться, упорно не желая признавать геолога. Он решил, очевидно, что нагрянуло Очень Высокое Начальство, или — убереги Аллах — кто-то из крестных отцов столичной мафии.

— Ассалом алейкум, — обратился к сторожу Хайруло, протягивая ему обе руки.

— Вaleyкум ассалом, — отозвался старик, машинально пожав ладони шофера. — Хайруло, ты? — Он не мог поверить своим глазам.

— Я. Кто же еще! И Вадим Сергеевич. А это, — Хайруло указал на Севу и Михаила, — гости из России.

Саид опять прижал руку к груди и уважительно кивнул гостям. Теперь, вероятно, думал,

что хозяева машины — россияне. Лабазнюк не стал ничего объяснять старику, для его же блага: кто меньше знает, тот крепче спит. Поздоровался и спросил:

— На базе есть кто-нибудь из геологов?

— Нет. Один я.

— Хорошо. Мы до утра тут останемся...

Сторож опять засуетился:

— Проходи мой дом. Чай пьем.

Отказываться было невежливо, да и пить, на самом деле хотелось. Севе было интересно вживую посмотреть быт обитателей Центральной Азии, он охотно последовал за гостеприимным хозяином; увиденное его слегка обескуражило. Сторожка, конечно, обиталище временное, но... как можно до такой степени запустить свое жилье!? Ну и ну. Помещение, куда они вошли, вполне могло сойти за сарай, или подвал, где устроили приют бомжи: прокопченные, местами с отвалившейся штукатуркой стены, окно, завешенное серой тряпицей, слой утрамбованной грязи на дощатом полу... Севина комната в общежитии просто образец чистоты и аккуратности по сравнению с этим безобразием. Из мебели имелись лишь железная кровать и ветхий кухонный столик-тумба. Войлочная кошма, разостланная в углу, дополняла обстановку.

Хозяин накидал на кошму коротких одеял «курпачей» и подушек, предложив гостям садиться, расстелил скатерку — «дастархан». Сидеть на полу оказалось неудобно, особенно Всеволоду и Михаилу, привыкшим есть за столом. Сева долго вертелся, усаживаясь и так и эдак, пока не нашел относительно приемлемую позу.

Подошел и Хайрулло, заправлявший машину. Пришло время подзаправиться самим.

Угощение не отличалось изыском: зеленый чай, черствые лепешки, какой-то кисломолочный продукт под названием чакка. Саид, по просьбе Лабазнюка, достал из своих запасов пару бутылок вина. Оно было разлито в емкости «ноль восемь», как шампанское, и называлось «Памир».

— Любимый напиток местных алкашей, — пояснил геолог. — Жидкость нервно-паралитического действия, ха! Со студенческих времен не пивал... Тогда «Кавказ» — теперь «Памир»... География Страны советов! Впрочем, после китайской водки, ничего уже не страшно.

«Бормотуху» пришлось пить словно чай, из пиал: ни бокалов, ни даже стаканов у хозяина отродясь не водилось. Только желание снять стресс заставило Всеволода, как, впрочем, и всех остальных, отведать подозрительной жидкости. Единственным достоинством «Памира» оказалась крепость — девятнадцать «оборотов». Вкус, запах, степень очистки и даже цвет пошла наводить на мысль о неправомерности причисления его к семейству благородных напитков, именуемых винами. Определение «нервно-паралитическая», напротив, было весьма недалеко от истины: уже после второй пиалы в голове Севы зашумело, в глазах помутилось, в желудке забурчало. Неудивительно, что явившаяся из-под кровати фаланга показалась ему чудовищем, кошмарным монстром. Существо и на самом деле выглядело устрашающе: сплошь покрытые волосками лапы, каждая не менее пяти сантиметров длиной, рыжее с темными полосами туловище, две пары челюстей-жвал,двигающиеся вверх-вниз и вправо-влево... Сева поперхнулся вином, закашлялся. Его сотрапезники удивленно переглянулись.

— Ты чего это, вино не нравится? — спросил Лабазнюк.

Всеволод, продолжая кашлять и мотая головой, указал на страшного паука. Испугался только незнакомый с азиатской фауной Михаил. Хайрулло и Лабазнюк рассмеялись, а хозяин сказал, на ломаном русском:

— Э, не бойсь. Он не злой. Ми ему испасибо скажем...

Геолог счел нужным пояснить:

— Фаланга не ядовитая, но страсть, какая прожорливая. Говорят, где она живет ни одна дрянь не заведется: ни скорпион, ни каракурт. Всех сожрет в момент.

— Но фаланги, вроде бы, могут заразить трупным ядом, — возразил Сева, припомнив что-то из слышанного по телевизору.

— Чепуха, ха-ха! Только приезжие европейцы верят этим нелепым рассказам.

На Всеволода слова Лабазнюка не произвели должного впечатления. Может фаланга — тварь полезная, однако лучше бы ее тут не было вовсе. Как можно допустить, чтобы в твоём доме жило такое страшилище!? Черт побрал бы эту Азию! Он в эти края не вернется ни за какие коврижки.

Саид постучал пальцем по полу и прикрикнул на паука:

— Иди свой дом!

Удивительно, но членистоногое поняло приказание и проворно убралось обратно под кровать. Хозяин перебросился с Хайруло парой фраз на незнакомом Севе языке, должно быть по-таджикски, поднялся и вышел, оставив гостей одних.

— Курить пошел, — объяснил шофер.

Для Севы это прозвучало полным абсурдом: здесь и топят, похоже, по-черному, что уж не курить-то? Видя недоумение парня, Хайруло добавил:

— Стесняется при вас, — чем еще больше его озадачил.

Лабазнюк усмехнулся криво и счел нужным растолковать:

— Саид курит, да только не табак — «травку». Понимаете, о чем я?

Михаил пожал плечами. Для него «курить» означало: жечь пахучие травы, или смолу, обладающую специфическим запахом, ладан, и тому подобное. Сева, напротив, сразу догадался, о чем речь.

— Он что, марихуаной балуется?

Геолог кивнул.

— Соображаешь. Только здесь в ходу другие названия этой дряни: анаша, «план»... Как ни назови, а смысл один: наркота, изготовленная из конопли. Ту, что получше качеством, первый, так сказать, сорт, местные наркоманы именуют шира, или «пластилин», а второсортную, из отходов — пахол. Саид у нас малоимущий, да и вообще, человек не привередливый, пахол, в основном, курит. Запашок при этом стоит, хоть святых выноси!

— Он же старик совсем, — недоумевал Сева. — Я думал, только пацаны увлекаются «травкой»...

— Хе, хе! Ты, мил человек, забыл, где находишься. Здесь — Средняя Азия! Анаша тут чуть ли не обиходный продукт. Некоторые жители совершенно искренне недоумевают, почему законом запрещено выращивать коноплю и, тем более, изготавливать из нее зелье. «Мой дед курил, дед моего деда курил, а мне нельзя? Почему?». А Саид, к тому же, житель Вашингтона... Это в шутку они так свой кишлак называют. Ха-ха! На самом деле — Вагаштон. Расположен на известной, в среде туристов, реке Шинг. Может слышали, про «голубое ожерелье Шинга» — Маргузорские озера? Нет? Ну и ладно. Но не только озерами славны те места. Здешние наркоманы почитают их за свою Мекку... ну, как известную всем Чуйскую долину, местного, конечно, масштаба. Только на реке Чу дикорастущая конопля, а в районе Шинга — тайные делянки-плантации.

Лабазнюк долил в пиалы «бормотухи». Скорчил гримасу, проглотил залпом жидкость, зажевал кусочком лепешки. Его сотрапезники не торопились: им требовалось время, чтобы настроить себя, подготовиться к приему внутрь отравы, именуемой «Памиром». Сева продолжал расспрашивать геолога.

— Саид тоже, поди, выращивает коноплю? Что же он некачественную анашу-то курит?

— Известное дело — сапожник без сапог.

Солнцев слушал и не понимал. Для него все, о чем толковал Лабазнюк, было китайской грамотой.

— Что, Миша, — сказал, несколько развязно, захмелевший геолог, — не врубаешься, да? Ты и табака, верно, не нюхал? Америку-то у вас еще не открыли. Ха! Лишь в самом конце пятнадцатого века старина Колумб, первым, наверное, из европейцев, отпробовал табачку. А индейцев научил «огненную воду» пить, ха-ха! А что у вас, в дремучем вашем веке, пили? Самогон?

— Мед и березовицу, — ответил Михаил, и уточнил. — Если ты о хмельном спрашиваешь.

— Понятно: медовуху и бражку из березового сока. Раз выращивать виноград климат не позволяет, отыщем замену. Воистину — свинья грязь найдет. Человек, если захочет, придумает способ балдежа, и никакие запреты не помогут. За примером далеко не надо ходить: все помнят, к чему привели горбачевские указы о борьбе с пьянством... Хотя, нет, ты-то как раз и не помнишь, ха-ха! Ну, так вот. Виноградники повырубили, винзаводы позакрывали, а в магазинах сахар исчез — на самогон разобрали. Скупили в аптеках все спиртосодержащие настойки, даже валерьянку. В парфюмерных магазинах появились объявления: «Одеколон отпускается с 11–00». Шутка, ха-ха-ха! Да, что у нас! В Америке сухой закон, как известно, мафию породил. — Геолог откупорил вторую бутылку. — Эрго бибамус, як кажуть древни римляне — итак, выпьем! Ха-ха! Не думай Миша, что ты один такой образованный. Мы тоже не лаптем щи хлебаем, по-латыни кумекаем мало-мало.

«Памир», при всех его недостатках, неплохо справлялся с основной функцией: дурманить головы, гнать прочь страхи и переживания. Сева больше не видел в Лабазнюке своего врага. Он поддакивал геологу, громко и заразительно смеялся над его шутками. Тот, довольный, что нашел благодарного слушателя, пустился в рассуждения:

— Вино — древнейшее изобретение человечества. Появилось раньше колеса! Стремление забыться, уйти от реальности — это не блажь, скорее необходимость. В природе постоянно идет жесточайшая борьба за существование. В таких условиях люди, как существа эмоциональные, ранимые, должны были бы стать мрачными неврастениками, а то и психопатами. Алкоголь — идеальное средство, помогающее справиться со страхами, выжить, не сойти с ума в невыносимых условиях. При употреблении в разумных пределах, конечно. Ибо: любое лекарство в чрезмерной дозе становится ядом! Вот тут-то и зарыта собака. Наркотики: гашиш, опий, и, тем паче, героин куда опаснее спиртного — не заметишь, как перейдешь грань, и сделаешься наркоманом. Более того: алкоголь вырабатывается организмом естественным образом, а «дурь» — чуждая нам субстанция, яд в чистом виде!

Ораторствуя, Лабазнюк не забывал подливать в пиалы.

— Дай Бог не последняя, — провозгласил он немудреный тост. Выпил, шумно выдохнул. — Всяк может тяпнуть, но не всяк — крикнуть. Ха-ха. Разве можно сравнить нормальное дружеское застолье с балдежом наркоманов!? О чем можно говорить, накурившись «дури»? Или чокаться... ха-ха-ха... шприцами!?

— Однако наркота все больше становится модной, особенно среди молодежи, — вставил слово Всеволод.

— Увы, ты прав! Новое поколение выбирает не только «пепси», но и шприцы, таблетки, траву... Зараза с юга идет. Американцев травит Колумбия, Россию — Афганистан. Европейская цивилизация, традиционно ориентированная на потребление вина, оказалась не готова к наплыву разной дряни. Азиаты, напротив, в силу религиозных запретов, спиртного почти не пили, но «травкой» баловались всегда. Они более устойчивы к наркоте... уже на генетическом уровне.

Лабазнюк опять помрачнел лицом. Возможно его душила обида за европейцев, или просто спиртное ударило в голову. Есть люди, становящиеся от вина угрюмыми, прежде чем впасть в агрессию.

Хайруло панибратски хлопнул начальника по плечу.

— Э, брось Сергеич! Что, у нас все поголовно курят? Ты же не согласишься, если я скажу: вы, русские — пьяницы все.

— Я не русский. Украинец. Родом из-под Полтавы...

— Да?! — обрадовался Сева. — У меня мама, тоже оттуда!

— Ну, значит, земляки мы с тобой. Эх, сейчас бы вместо дряни этой, азиатской, нашей «горилки з перцем». А? И галушек!

— Сала шматок и борща, — подхватил Сева, и глуповато хихикнул.

— Ну, да... «Який хохол без сала»... Расхожий стереотип: если украинец, значит, сало любит, если русский — водку, француз — лягушек!

— А таджик? Анашу? — подал голос Хайруло.

— Не-е. Таджик чай зеленый дует, потом — «носовой» под язык. — Лабазнюк изобразил, как закидывают в рот жевательный табак-насвай, он же «носовой»; спародировал разговор двух любителей этого зелья. — «Эй, братан, носовой дай!». А тот держит порцию насвая под языком и отвечает: «Аштавлю покуить». Ха-ха-ха!

Смех дружно подхватили все участники застолья, представив себе, как человек «оставляет покурить» (поддержать во рту) использованный порошок. Лабазнюк глянул на часы.

— Однако! Заболтались мы... Саид-ака, где нам прилечь?

Вернувшийся с улицы сторож проводил их в соседнее здание, отпер дверь, показал, где взять матрасы и одеяла — койки в помещении имелись. Все четверо улеглись в одной комнате.

2

Сева спал беспокойно, ворочался. Было очень душно. Даже откинув одеяло, Сева вспотел, как в хорошо прогретой сауне, а под утро из распахнутого окна потянуло свежим ветерком, и парень моментально продрог.

Сева поднялся, стуча зубами, натянул рубашку и штаны, прошел к выходу. По пути задел койку, на которой спал Лабазнюк. Тот пробормотал что-то вроде: «Какого лешего не спиться».

— В туалет, — буркнул Сева.

Где находится заветный домик, Всеволод не знал, а спросить было не у кого. Встал под деревом, показавшимся в предрассветных сумерках яблоней с чересчур большими плодами. Захотел сорвать один, но, разглядев получше, увидел — не яблоки.

«Айва, — определил Сева. — Ерундовый фрукт, чисто деревяшка по вкусу».

В домике-сторожке горел свет. Похоже, Саид уже поднялся. Или просто забыл выключить? Какое, казалось бы, дело до этого Севе? Он здесь вообще проездом... И все-таки. Сработало шестое чувство, а может инстинкт или интуиция. «Неспроста это», — мелькнула мысль. Сева направился к сторожке.

Дверь была распахнута настежь. Предчувствие опасности овладело парнем. Он осторожно, стараясь не шуметь, поднялся на крыльцо, заглянул внутрь помещения. То, что он увидел, подействовало словно удар кувалдой по голове. Сева едва удержался на сделавшихся нетвердыми ногах. Прямо у входа лежал, в луже крови, сторож.

Сева зажал рот ладонью, борясь с приступом тошноты, попятился, обернулся и... застыл. Возле крыльца, отрезав путь к отступлению, стоял человек. Сева сразу узнал его — тот самый

верзила, первым ввалившийся в их с Егорычем кабинет. Он еще врезал гаду, и свалил одним ударом! Даже, может, покалечил, или убил — кровищи, помниться было... Нет! Вот же он, стоит, целехонек. Только... что-то не так в его облике. Неживой какой-то...

Сева вспомнил слова Хайруло: «Он не человек. Мертвец оживший».

Ужас сковал парня.

Питон смотрел прямо в глаза Севы. Во взгляде убийцы не читалось ни злобы, ни ненависти. На его лице не отражалось совсем никаких эмоций. В тоже время, облик возвращена с того света источал непреклонную решимость убивать. Но не маньяка-душегуба, и не воина в бою — то было обличье тигра перед броском. Как хищник не испытывает к своей жертве ни ненависти, ни сострадания, так и Питон готов был разделаться с Севой спокойно и хладнокровно, с невозмутимостью ножа гильотины, падающего на шею приговоренного к смерти.

Питон шагнул к крыльцу...

— Стой, сволочь!!

Позади бандюгана-зомби стоял Лабазнюк. На геологе были только трусы и майка.

— Иди сюда, гадина!

Питон обернулся на голос.

— Получи!!

Разряд, такой же, как во время схватки магов на озере, ударил Питону в лицо. Севе никогда не доводилось наблюдать молнию с близкого расстояния (только искру между шариками на уроке физики), но именно так, в его представлении, должен выглядеть плазменный удар атмосферного электричества, поражающий человека. Только этот был куда мощнее! Гигантская «вольтова дуга» обязана была сжечь голову Питона вмиг, но тот лишь покачнулся, выгнулся как гуттаперчевый, спиной назад, а в следующее мгновение бросился на геолога.

— Сева, беги! — крикнул Лабазнюк, уже вступая в драку.

Питон и геолог сцепились в яростной схватке, стараясь ухватить друг друга за горло. Сева бросился вбок, помчался, не разбирая дороги к дому, в котором остались Михаил с шофером. Он успел заметить, как противники рухнули на землю, и Питон загреб Лабазнюка под свое тело. Огромные ручищи верзилы сомкнулись на шее Вадима.

Егорыч и Хайруло, наспех одевшиеся, стояли у входа.

— Уходим! — прокричал Михаил, и призывно махнул рукой.

— А Вадим Сергеевич!? — отозвались Сева и шофер, в один голос.

— Быстро в кабину!! — приказал Солнцев.

Он подтолкнул замешкавшегося шофера, схватил Севу за руку, потащил к кузову. Их товарищ был обречен, и они бессильны помочь. Все трое прекрасно это понимали, но... оставить геолога, казалось Севе и Хайруло предательством. Лишь железная воля Солнцева, взявшего на себя, в критической ситуации, роль руководителя, заставила их спасаться бегством.

Как он оказался в кузове грузовика, Сева не помнил. В памяти остались только рев мотора и страшный грохот от удара капота о железо. В лучших традициях «крутых» боевиков грузовик снес ворота и помчался по дороге, поднимая тяжёлую утреннюю пыль.

ХIII. Домой!

Внизу, зажатый в теснине, гнал бурые воды Зеравшан — одна из главных рек Средней Азии. Трудно было представить, что столь многоводный поток никуда не впадает, полностью разбирается на поливы. Остались позади серенькие невзрачные домики райцентра. Впереди

зеленела долина, раздающаяся, по мере продвижения на запад, вширь; горы там постепенно сходят на нет, уступая место полупустыне, а затем и красноватым пескам Кызылкума. На границе горного и равнинного регионов лежат древние Пенджикент и Самарканд.

Хайруло не поехал прямо, а свернул на развилке направо в сторону перевала Шахристан. Дорога нырнула вниз, к Зеравшану, перекинулась мостом на другой берег, затем резко устремилась вверх, врезаясь серпантинами в Туркестанский хребет.

Вокруг унылый пейзаж: сухой, лишенный растительности, изрезанный высохшими промоинами склон, растекшиеся веерами щебнистые осыпи, песок и глина...

Натужно гудел двигатель. Поворотам, казалось, не будет конца.

В кузове молчали. Сева шмыгал носом, вытирал набегающие слезы. Михаил угрюмо сопел, буравил взглядом пол. Каждый понимал — вступи они в схватку с мертвяком, итогом явились бы лишь дополнительные жертвы. Только, сознавать рассудком — одно, а вот как примириться со своей совестью?.. Егорыч тяжело вздохнул.

— У нас не было иного выхода. Погибнуть за зря — глупо. А главное, мы должны остановить их!

— Кого? — не понял Сева.

— Прежде всего, этого... мертвяка. Как, пока не знаю. Моя магия бессильна против него... Но, если не сделаем мы — никто не сделает! Только, это не главное... Тот, кто его послал — вот кто нам нужен! Вот наш самый страшный враг.

Машина достигла перевала. Жалобный вой мотора, тянувшего грузовик на первой передаче, сменился бодрым рычанием. Начался относительно пологий, без резких поворотов, спуск. Пейзаж вокруг разительно переменялся. В противоположность южному, северный склон хребта был покрыт зарослями арчи — высокогорного можжевельника. Такие леса, читал где-то Всеволод, росли в горах Таджикистана повсюду, но к концу двадцатого столетия их почти не осталось: вырублены, пущены на дрова.

Их «вездеход» катил и катил, без остановок. Пролетали мимо холмы и овраги, поля, сады и виноградники, поселки и кишлаки. Это была плотно заселенная местность — ни клочка неиспользуемой земли. Любое, мало-мальски ровное пространство занято: если ничего не было построено, то обязательно что-то росло.

Лимузин, а может автобус «Вольво» или «Мерседес», — таким виделся со стороны задрипанный «Газ-66», — повсеместно вызывал восторг и удивление. Люди на обочинах и водители встречных машин не скрывали чувств: ахали, указывали пальцами, кричали что-то. Гаишники на постах пропускали иностранный чудо-автомобиль, вытягиваясь по стойке смирно, только что честь не отдавали. Номера, как объяснил Севе Хайруло, у их «лимузина» были правительственные. Проехали городок Ура-Тюбе, расположенный, как полагают, на месте Кирополя, построенного Киром Великим и разрушенного еще более великим Александром Македонским, затем Ленинабад, вновь обретший, в духе времени, историческое имя — Худжанд.

Сева равнодушно взирал на азиатские пейзажи. Больше всего на свете ему хотелось оказаться дома в Соловейске (город, отстоящий за тысячи километров отсюда, сейчас представлялся родным). Не нужна ему эта богом клятая Азия! Это сумасшедшее солнце, палящее, несмотря на конец августа, так, что трескается земля. Эти царящие повсюду, где собирается больше трех человек, шум и гам, трубный рев ишаков, истошные вопли репродукторов, дым от бесчисленных жаровен и очагов, дорожная пыль, вонь гниющих отбросов и пряные запахи стихийных базарчиков.

— Что-то непохоже, что у них война идет, — проворчал Сева.

— А ты думал, раз война, то всякая жизнь должна прекратиться, так что ли? Нет, мой

дорогой, война войной, а люди — всегда одинаковые, — наставительно произнес Михаил. — Кроме того, ты забыл, Вадим рассказывал, здесь воюют, в основном на юге, близ границы с Афганистаном.

— Это понятно. Непонятно другое. Народ здесь... двуличный. Со стороны посмотришь, бедные, вроде. Чаем, да лепешками пробавляются. Живут в сараях, каких-то. А, как денежная реформа, выбрасывают, я слышал, деньги мешками!

— Как ты можешь судить? — искренне удивился Михаил. — Мы здесь второй день всего. Ты говорил, что раньше никогда в Азии не был!

— Не знаю, — смутился, от чего-то, Сева. — Не был. Но все, как будто, знакомое... Дежавю, прямо!

Михаил внимательно посмотрел в глаза младшему товарищу. Помолчал. Потер, в задумчивости, подбородок.

— Ты же не посвящен... Но, что-то есть в тебе... такое. Только не пойму — что.

Сева тоже задумался. Откуда взялась эта ложная память? В реинкарнацию он не верил, «свидетельства» личностей, якобы вспоминающих случаи из своих прошлых жизней, считал досужим вымыслом: уж если отбросил копыта, то насовсем. И все-таки...

— Ладно, Сева. Не забивай себе голову. Сейчас не время. Домой приедем, разберемся.

Михаил, оказывается, тоже воспринимал путь в Соловейск, как возвращение домой. Воистину, любому человеку требуется дом — место, куда можно вернуться.

2

«Газ-66» остановился в хвосте машин, выстроившихся перед шлагбаумом КПП. Еще каких-нибудь два года назад подобное могло показаться нелепостью. Государственная граница! Здесь! Чья-то злая шутка?! Водители до сих пор не могли поверить, что на дороге, где никогда не было никаких заграждений, а только бетонная стела с надписью: «Добро пожаловать в Узбекистан», появился полосатый шлагбаум и сердитые дяди в пограничной форме.

Опершись о заградительный барьер, стоял боец в каске и бронежилете, придерживая обеими руками «калаш» с укороченным стволом, стараясь всем своим видом показать: здесь не шутят. Остальные пограничники выглядели менее воинственно: в неотглаженных брюках, с солидными животами, выпирающими из-под форменных рубашек, с толстыми лоснящимися физиономиями. Движения стражей границы были неторопливы, даже ленивы, создающие контраст с постоянно бегающими маленькими цепкими глазками «церберов».

«ГАЗ» стоял в общей очереди. Сева догадывался: их машина выглядит теперь не как правительственный лимузин или «навороченный» автобус европейского производства, что было бы бесполезно — узбекским пограничникам таджикское начальство не указ! Необычный автомобиль неизбежно привлек бы внимание вояк, и только.

«Власть развращает». Сей известный тезис здесь, в самом сердце Азии, нашел полное подтверждение. И даже напрашивалось дополнение: «Чем незначительнее лицо, наделенное властью, чем меньше ее у него, тем наглее и беспринципнее ведет оно себя, когда чувствует безнаказанность». Деятельность «стражников» была направлена, по всей видимости, не на защиту границы от посягательств, а лишь на взимание дани с бесправных водителей и их пассажиров.

Шофер Хайруло протянул через окошко паспорт подошедшему пограничнику. Тот взял, развернул, посопел, скривился. На лице доблестного вояки читалось недовольство: чего, мол, прешься к нам, в Узбекистан, сидел бы уж в своей паршивой стране. Но, долистав до нужного

места, куда шофер предусмотрительно вложил зеленую купюру с портретом человека в парике, страж границы подобрел. Ловким движением фокусника он сгреб волшебную бумажку и сунул в бездонный карман. Его товарищ, тем временем, проверил кузов машины. То, что увидел при этом Сева, надолго ему запомнилось. И, каждый раз вспоминая, Сева потом улыбался. Пограничник превратился в собаку, которая внимательно все обнюхала и, подойдя к людям, протянула умильную мордочку за подачкой. Михаил достал из кармана кусок лепешки, отдал псу. Тот радостно завилял хвостом, схватил зубами подношение, с жадностью тут же съел и удалился, благодарно помахивая лохматым хвостиком...

Что это было: морок? И если да, то для погранца или для Севы? Чтобы не разрушать сказку, у Егорыча об этом он не спросил.

Машины давно уж и след простыл, а «стражник» все сидел и пересчитывал полученную «дань». Ведь была еще десятидолларовая купюра! Куда делась?! И откуда тут сложенный вдвое кленовый лист? Зачем он здесь — вон!

И лист, подхваченный ветром, полетел над пыльным асфальтом в сторону Таджикистана.

3

Астраханский вокзал и все пространство вокруг, казалось, пропитались запахами копченой рыбы. У Севы от этих ароматов началось обильное, как у собачки Павлова, слюновыделение. Пивка бы, сейчас, холодного, да с рыбкой! И чтобы не надо было никуда бежать, скрываться, дрожать от страха. Посидеть в приятной компании, поговорить о вечном: политике, футболе, женщинах, и, желательно, у себя дома... Эх!

Над перроном и путями гулял ветер, носил в воздухе мелкий сор. Было по-южному тепло. Сева с Михаилом расположились на лавочке возле входа, Хайруло пошел «разведать обстановку».

Трудяга внедорожник с честью преодолел огромное расстояние. По узбекистанской полупустыне и казахстанской степи гнали почти без остановок два дня. Нынче утром пересекли, наконец, российскую границу. В Астрахани решили пересесть на поезд — Хайруло пора было возвращаться. Шофер осунулся за эти дни, и, даром что смуглый, еще больше почернел лицом. Видно было: парень дошел до предела своих возможностей и дальше просто не выдержит, не поможет и магия. Хайруло решил напоследок оказать россиянам услугу, приобрести за свои деньги билеты.

У касс — вавилонское столпотворение. Люди спешили возвратиться в родные пенаты с отпусков и каникул. Хайруло пришел ни с чем.

— Нет ни на сегодня, ни на завтра билетов.

— Что же делать? — огорчился Сева.

Словно по волшебству возник, ниоткуда, разбитной малый — типичный барыга.

— Мужики! Билет до Москвы не нужен? Последний остался...

— Нам два! — отозвались, одновременно, все трое.

— На сегодня только один. Сами видите, что творится, — махнул рукой в сторону касс спекулянт. — На завтра попробую найти.

Михаил отозвал Всеволода в сторону.

— Езжай Сева. А я завтра. Так даже лучше. Ему будет не угнаться за двумя.

— Миша, ты чего? Давай вместе держаться. Как ты будешь здесь, в нашем времени, один?!

— За меня не беспокойся. Маг, как-никак.

— Мужики! — окликнул их барыга. — Берете или нет? Поезд через пятнадцать минут

отходит.

— Да, — отозвался Михаил.

Хайруло поинтересовался:

— Сколько за билет хочешь?

Малый назвал сумму, от которой Хайруло присвистнул.

— Ты что, мужик! Совесть имей!

— Не хотите — не надо. — Демонстративно повернулся, сделав вид, что уходит.

— Подожди, — остановил его Хайруло. — Черт, с тобой, давай билет. Десятку только скинь...

Они с минуту торговались. Барыга не уступил ни гроша. Азиатские хитрости шофера оказались бессильны против закаленного в коммерческих махинациях ловчи́лы.

— Ну, ты, жук, — проворчал, отсчитывая деньги Хайруло.

Малый невозмутимо пересчитал банкноты.

— Завтра, в это же время сюда подходите, принесу еще билет. Или вам два?

Сева, когда спекулянт удалился, бросил ехидно:

— Представляю, какая будет у него рожа, когда деньги в листья превратятся!

Хайруло вздохнул.

— Нет. Деньги самые настоящие, кровные, можно сказать.

— Как? — не понял Сева, — Ты что, свои отдал? Зачем!?

— Здесь у меня не получится фокус — я на чужой территории, да и... Ну, это долго объяснять. Ты не переживай за меня, Сева! У таджика в заначке всегда найдется...

— Я отдам. Вышлю по почте. Ты адрес скажи.

— Не надо ничего высылать. Может, будешь еще у нас... или я к вам приеду. Сочтемся.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Всеволод. — Слушай, Хайруло... все хотел тебя спросить. Не обижайся только... Вот, у вас, таджиков, деньги, как ты говоришь, всегда имеются, а выглядите... как нищие. Почему?

— Э-э. Это ты правильно подметил! Привычка такая. Менталитет, как сейчас говорят. У нас так: копит человек деньги, чаем да лепешками перебивается, ходит в обносках, потом — вай! Туй закатывает — пир для всего кишлака. У таджика три события в жизни: обрезание, свадьба и похороны, это бешеных денег стоит... И все бы ничего, но при этом соревнование идет, кто круче: сосед бычка купил на туй, а я — двух! Знай, мол, наших. Глупо конечно... Ладно, давай прощаться. Счастливо, тебе!

Сева пожал шоферу руку, обнялся с Егорычем, протянул ему сложенный вдвое листок блокнота.

— Пока, Миша. Буду тебя в Питере ждать. Встречу на вокзале. Вот, на всякий случай адрес родителей — там меня найдешь.

— Давай, поезжай. Я следом. Увидимся...

Егорыч не удержался, продемонстрировал, на прощание Севе один из своих трюков: раскрыл листок, глянул в него, видно, адрес запомнил, потом скомкал в ладонях, раскрыл.... В ладонях сидел чижик. Такой зеленоперый воробушек. Будто гибрид кенаря и воробья.

— Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил...

Пичужка на ладонях, поводила туда-сюда тонким клювиком, взъерошилась, так что стала похожа на пыжик, и, вспорхнув, улетела куда-то прочь.

— Выпил рюмку, выпил две — закружилось в голове. — Егорыч подмигнул Севе и тот на самом деле ощутил легкое опьянение.

— Считай, на посошок, — улыбнулся Михаил.

Поезд прибыл на Павелецкий вокзал к вечеру.

Сева нужно было перебраться на Ленинградский, и двигать дальше, в Питер. Людской поток подхватил парня и понес к окончанию перрона, где по обе стороны стояли рядами торговые палатки — «комки».

— Сева!

Всеволод обернулся.

У палатки, с банкой пива в руке стоял... виолончелист Большого театра, вышедший прямо во время симфонического концерта и направляющийся в Кремль на вручение ордена «За заслуги перед отечеством» первой степени: фрак, сметанная накрахмаленная сорочка, галстук-бабочка, блестящие лакированные туфли... Не сразу признал Сева Егорыча, а узнавши, бросился обниматься.

— Миша! Как ты меня обогнал? Ты чего так вырядился?

Солнцев запустил руку в карман, вытащил красную банку «Амстердама», отдал Юрину, откупорил свою, сделал глоток, поперхнулся, закашлялся.

— Никак не привыкну... — стряхнул пальцами капли, попавшие на сорочку. — Сева, ты прости меня...

— За что, Михаил?

— За то, что шутки у меня такие дурацкие. Паренек ты светлый, добрый, но...

— Не пойму, ты о чем?

Сева свою банку не открывал. Холодный алюминий призывно покрывался влагой, но Сева не замечал, он был весь во внимании. Егорыч продолжил:

— Сейчас попробую объяснить. Вот, например, читаешь ты книгу. Её сочинил кто-то?

— Писатель.

— Хорошо. Читаешь первую главу, вторую. Ты читаешь, а писатель уже знает, чем дело кончится, да?

Сева оглянулся в поисках опорожненных Михаилом пивных банок. Как-то странно говорил Егорыч: не иначе как ждет давно и вот эта банка крепкого «Амстердама» не первая.

— Так вот, возьми ты на себя труд подумать, то дотумкал бы, что если я в своем времени могу свиснуть из вашего достижения науки и техники, то посмотреть свою жизнь — не вопрос...

Речь Егорыча, пересыпанная жаргонными словечками, резко контрастировала с его театральным обликом. Сева недоумевал: что нашло на шефа?

— ... все, что с нами случиться, я знал наперед. В общих чертах, правда, но знал.

Если бы тут была комната — с креслом, диваном или табуреткой — Сева обязательно присел бы. Не просто, ох не просто осознать себя болваном, который идет туда, куда ведут.

— Конечно, — сжалился Михаил, — всё знать невозможно, голова не вместит.

Он открыто и жизнерадостно улыбнулся во весь рот, и тут же отпил из банки.

А Сева помрачнел.

— Ты, верно, считаешь меня гадом, сволочью, из-за которого погибли геологи, а затем и Лабазнюк?

— Я не судья вам. — Всеволод опять перешел на «вы». — И прощать мне вас не за что. Наоборот.

Егорыч тряхнул банкой, очевидно проверяя много ли в ней еще пива, сделал добрый глоток. Тут уж и Сева спохватился: открыл, чуть пригубил. Пиво, как и обещала надпись, было крепким

как вино. А вот вкус оставлял желать лучшего.

— Но послушай, Михаил, ты что, точно знал, что произойдет? Что мы окажемся в Средней Азии. Встретим Лабазнюка, что он погибнет, спасая нас, что мертвяк нас не догонит... Ты это всё знал?!

Егорыч с каким-то остервенением прильнул к баночной скважине, пил, не отрываясь, долго, словно из ведра. Отер губы тыльной стороной ладони...

— А кто же не знает, что родители умрут раньше, чем дети? Но, много ли пользы от такого знания? Наше будущее, как дельта реки. Какой рукав выберем, тот и станет судоходным руслом; но река, хотим мы, или нет, неизбежно впадает в море.

— Я читал про теорию бифуркации, — буркнул Всеволод.

— Тогда тем более, должен меня понять. А простишь ли, решай сам.

— Прощаю, конечно. Ты всё знаешь лучше, и делаешь всё правильно. Я привык. Но хоть сейчас можешь сказать, кто за всем этим стоит? Что ему нужно? И какая у меня судьба дальше?

— Ну вот... Говорили про рукава реки, говорили... А ты о своей судьбе. Это, милый мой, от тебя зависит. Теперь, касаясь «что ему нужно». Про того, кто за нами мертвяка послал, я уже тебе давно ответил: нужна моя дорога. Мой путь, по которому я могу попасть в будущее. Дело в чем? Отправившись в года последующие, я становлюсь... маяком, что ли. Другой «рукав» выбрать теперь физически невозможно. Понятно?

— Приблизительно...

— И ладно. Так вот, технику физического перемещения знаю только я один! Во всём мире — я один!

Егорыч пива принял всё же изрядно. Говорил громко, жестикулировал свободной рукой. Пассажиры, снующие по своим вокзальным делам, то и дело оглядывались на них. Всеволод позволил себе не согласиться с шефом:

— И я теперь знаю.

— Да, неужто?! Ты, Сева, видел, как я «достал ключ и открыл дверь». Это да. А ключ у тебя есть?

— Ты прав, как всегда... Послушай, а тот... зомби, что прошел за нами, он-то как смог?

— «Дверь» не успела закрыться. Да, ты не бойся, в ближайшую тысячу лет мой путь не одолеть никому. Я поставил блок. Думаешь, дорогу в грядущее я сам отыскал, методом научного тыка или проб и ошибок? Всё проще! Точно таким же образом, как и с электричеством. Посмотрел, как это делается в будущем, и поставил защиту, чтобы другие раньше времени не увидели. Ах, какое элегантное решение, Сева! Ты мне поверь. Правда, точность еще оставляет желать, как говорится. На самом деле, мы могли бы выскочить в Соловейске...

— Да, ты что!?

— Могли. Но, только чуть позже нужного времени, чтобы с самими собой не встретиться.

— Почему «позже»? Ведь тогда бы мы, то есть, наши двойники там находились, и мы бы обязательно с ними столкнулись.

— Нет, в тот момент мы были бы в прошлом... Ладно, не ломай себе мозги хронопарадоксами. Главное: не встретились и, слава Богу!

— А если б столкнулись?

Егорыч помрачнел.

— Лучше тебе не знать этого.

Водопад мыслей в голове Севы совсем сбил его с толку.

— Что же теперь?

— Что? Жить. Любить, работать. Если нужно — биться. В покое тебя не оставят... Ты,

главное, не трус. Сейчас телепортирую тебя в Соловейск, прямиком в твою комнату в общежитии. А у меня свои дела... Как только ты появишься, то мои друзья, да и враги, захотят посмотреть прошлое твое, и пройти по моей дороге... Так что, есть чем заняться. Пока — прощай!

Егорыч допил пиво, скомкал банку, швырнул в урну. Повернулся и зашагал прочь. Всеволод недоуменно смотрел ему вслед.

— Егорыч, подожди!

Солнцев обернулся:

— Чего тебе? — Остановился, ожидая, пока Сева догонит.

— Еще один вопрос, последний... Миш, ты говоришь: один знаешь «дорогу». А, ведь, мы с Ирмой были в прошлом... В Арконе. И благополучно вернулись. А еще Инхандек с Шуххардтом рассказывали про экспериментаторов, «нырявших» в прошлое, и возвращавшихся от туда. Как же так...

Егорыч хитро улыбнулся, и подмигнул Севе.

— Знаешь, есть анекдот... бородатый, правда, зато к месту. Приходит к врачу дедок, и жалуется на половую слабость. Врач ему: ну что вы хотите, в вашем-то возрасте! Дед возражает: а Петрович, он на семь лет старше, рассказывает, что еще — о-го-го! Врач: так и вы рассказывайте, кто вам мешает? Ха-ха-ха! Что касается дорог... Они ведь разные, дороги эти. Одно дело — от Москвы до Тулы, другое — с Земли на космическую орбиту. А расстояние, в сущности, одно и то же — две сотни верст...

— Так как же мы с Ирмой, все-таки?

— «Никому нельзя верить. Даже самому себе. Мне можно», — процитировал Юлиана Семенова Егорыч.

Сказал как отрезал. Продолжил путь.

Отойдя шагов на двадцать, остановился: к нему подошли милиционеры, и, наверное, попросили предъявить документы. Егорыч что-то достал из кармана, отдал патрулю. Затем, не оборачиваясь к Юрину, как-то по-особенному махнул в его сторону рукой.

И Сева исчез.

XIV. Судьбы людские

1

Однажды, еще студентом, Сева ехал в необычайно жаркий июньский день в битком набитом трамвае, и от духоты с ним случился обморок.

Сначала «выключился» звук — уши наполнились тонким противным звоном. Потом стало темно. Миг — и Сева отключился полностью; устоял лишь благодаря толчее. Стоило ногам подогнуться, как он тут же пришел в себя. Постепенно восстановились и зрение, и слух, остались только ужасающая слабость. Стоящая рядом женщина проявила чисто петербургское участие:

— Вы бледны, молодой человек. Вам плохо?..

Он в ответ слабо улыбнулся.

Ощущение, что и говорить, не из приятных. Хотя в целом, ничего экстраординарного. А в последние два месяца Сева побывал в таких отключках не единожды. Можно сказать, даже начал привыкать к обморокам. Если, конечно, к такому состоянию вообще применимо понятие «привычка».

Однако теперь Сева отрубился конкретно, и, видимо, надолго. Очнулся на полу, в их с

Егорычем рабочей комнате. Сразу бросились в глаза разбросанные повсюду бумаги и битые стекла. В кабинете — словно Мамай прошел. Все вверх дном. На линолеуме и штукатурке темнеют пятна крови.

Сева поднялся, ухватившись за дверной косяк. Пол и стены покачивались, словно в корабельной каюте при сильнейшем шторме. В ушах — знакомый звон. Волной накатила дурнота. Сева бочком, бочком, по стеночке, добрался до стула. Присел, рванул ворот рубашки, вытянул шею — не хватало воздуха. Сердце стучало неровно, еще немного, казалось, остановится вовсе. Закрыв глаза, вдохнул, задержал дыхание... Выдохнул, огляделся — что за черт!

Обстановка в помещении невероятным образом переменялась. Комната целехонька, кругом чистота и порядок, на полу — ни соринки, уют. Только из распахнутого настежь окна тянуло сквозняком. Прохладно и сыро — не июль месяц... Да! А какое ж нынче число-то? Все перепуталось у Севы в голове. «Наезд» бандитов, скачки в пространстве-времени, игра в прятки со смертью — многовато для привыкшего к неторопливой размеренной жизни, — работа-дом, дом-работа, — молодого специалиста. Всеволод посмотрел на наручные электронные часы — 18:09, чуть двинул рукой — 00:32. Нечистая сила! Что опять происходит?!! Часы дураят, или само время?

Вокруг творилось что-то совсем уже непонятное: воздух в комнате явно собирался в вертикальные жгуты, дрожал, как над песком раскаленной пустыни, искажал предметы. Освещение за окном все время менялось: от предзакатного багрянца до черноты глубокой ночи, потом наоборот. Поскрипывала, постанывала мебель, мелко хлопало створками окно, дребезжало стеклами. Отчего-то верилось, что прямо вот сейчас все вокруг посрывается со своих мест, завертится в дьявольской карусели, и явятся званные на шабаш ведьмы.

Сева застонал, схватился за голову — того и гляди «съедет крыша». Вдруг все успокоилось, стихло. Только здоровенная, с хорошего шмеля, муха колотилась меж рам о стекла захлопнувшегося окна.

Всеволод огляделся: тут вновь что-то неуловимо поменялось. Не сразу понял — изменилось его восприятие мира.

Предметы, вещи остались прежними и на прежних местах. Но они словно бы обрели собственные голоса. Будто люди, которым долго затыкали рот, в то время как было, что сказать. Вещи сначала тихонько шептали, а потом всё громче и громче стали излагать свою позицию на происходящее. Севе стало по-настоящему страшно. И оттого, что растение, свешивающееся из горшка на подоконнике, просило убрать в затененное место, а сам горшок требовал полива. И что большой стол твердил только одно, жалобное: «Пыльно, пыльно, пыльно...».

Сева ощущал, что может разговаривать с вещами. Он способен задать им любой вопрос, и те, если знают ответ, не станут скрывать правду. Он, Всеволод Юрин может разговаривать с домом, с валуном, с деревом, рекой, солнцем!

Севе сделалось плохо. Как тогда, в трамвае. Но теперь никто не помешал ему рухнуть на пол вновь...

2

— Государь!..

Всеволод приподнял тяжелые набухшие веки и встретился взглядом с человеком, стоящим на коленях. Руки его были заведены назад и связаны веревкою, уходящей к блестящему сталью блоку на потолке. Иссиня-бледное, искореженное страхом и болью, лицо молодого

длинноволосого мужчины освещал бьющий сбоку из крошечного окна-бойницы солнечный луч. Конец веревки, спускающейся от блока, держал в руках крепкого сложения человек в коротких, до колен, кожаных штанах и высоких (опять же, до колен) сапогах, с кнутом в левой руке. Лицо пыточного мастера оставалось бесстрастным — застывшая маска, а не человеческий лик, оттого казавшееся ужасным. Где-то Всеволод видел этого палача...

— Государь! Вели продолжить, или?..

Это ему. Да! Он — царь Петр Алексеевич, милостью Божьей самодержец всероссийский... Странно, но Сева не воспринимал происходящее как раздвоение личности, а ощущал себя единым целым. Наверно, так чувствует себя актер на сцене.

— Продолжай, — кивнул царь.

— А-а-а!!

Палач. Его крик сливается с тяжелым гудением кнута. Удар!

— О! — коротко вскрикивает длинноволосый.

Мастер пытающий истину. Мастер. Таким кнутом, — одно неверное движение, — убить можно. А он на холеной белой спине молодого мужчины лишь румяную точку оставляет. Хлопнул кнут в воздухе — укус, не боле. Но прошлый раз ошиблась рука бьющего. Прошел удар сильный. Хорошо, что и промахнулся палач: угодил в веревку, прямо над запястьями. Тут же повинился перед государем, попросил передых себе... И вот так же страшно кричал палач в тот раз, когда чуть не перешиб вервие... «Господи Иисусе! Ан ведь так и убьет! А вдруг Государь того... в монастырь... Помилует?».

— ... Сознаюсь! Дядя родной, Авраам Лопухин, да протопоп Яков — это они соблазнили!.. Яков Игнатьев на исповеди моей, говорил: «Вся святая Русь желает тебя на царство...». Через них возжелал я пристать к радетелям веры...

«Сука! Лопухинский выблядок...».

Мысли гневные запульсировали в мозгу непривычными для Севы словами, отдавались болью в правом глазу. Что бы унять её остроту Всеволод-Петр ослабил одной половиной лица.

«Знал, всегда знал — этим кончится! Попы, бородачи проклятые, только и ждут, чтобы всадить бердыш в спину. В царевиче нашли себе сторонника... Воры, семя крапивное! Каленым железом гниль выжгу!!».

Допрос продолжался. Каждый удар кнута уже оставлял на обнаженном теле царевича не пятно, а короткую полосу. Только вот отчего-то ложились эти полосы всё больше по плечам и были одного размера. Лицо палача оставалось непроницаемым, только губы чуть подрагивали, кривились незаметною для других усмешкой...

Всеволод огляделся, подле него сидели люди, и он их узнавал: Петр Толстой, Меньшиков, Скорняков-Писарев... Верные люди, скоро предстоит им судить царевича-изменника. Сам он давно уж отрекся от сына. Суд, — какие сомнения! — вынесет правильное решение, объявит смертный приговор царевичу... бывшему наследнику престола, ибо подписано им, собственноручно, отречение в пользу сводного брата Петра.

«Но, ведь, сын, родная кровь, — неожиданно пробились в глубине души, сомнения, пожалуй, благодаря Севе, а не Петру. — К тому же обещал он, государь, прощение царевичу, отдавшегося под покровительство Карла VI, коль воротится тот, добровольно, в отечество. Посулил дать разрешение жениться на крепостной девке Ефросинье и удалиться вместе с ней на жительство в деревню. Государево слово нерушимо... Но признание, что Алексей готов был пристал к бунтовщикам, меняло дело. Допустить, чтобы власть в государстве перешла в руки бездарного, бесхребетного человека, которым дядя вертит как корабельным штурвалом?! После его, государя, кончины, моментально забудется и отречение царевича и торжественная клятва

верности новообъявленному наследнику Петру Петровичу с целованием креста, данная высшими сановниками. А сам наследник будет во всё большей опасности. Задушат, отравят, столкнут с мостков... Бородачи сделают все, чтобы посадить на царство Алексея, дабы править Россией. Тогда рухнет созданное! Напрасными окажутся все его титанические труды, все его бесчисленные жертвы... Нет, нельзя предаваться сомнениям. Смерть изменнику!»

3

Всеволод внимательно разглядывал лиловую кляксу — чернильное пятно, сходное с маленьким солнцем, каким его изображают художники, стараясь сделать вид, что рисовал ребенок. Парню, выросшему в эпоху фломастеров и шариковых ручек, раньше видеть такие кляксы приходилось лишь в сборнике психологических тестов: «что это вам напоминает?».

Сидящий по левую руку человек, скользнул взглядом по той же кляксе, не меняя выражения лица, одними уголками губ выразил недоумение: мол, что происходит? Сева торопливо перевернул лист бумаги «солнышком» вниз.

— Следующего...

Конвойный ввел в комнату, где заседала «тройка», мужчину лет пятидесяти, в хорошо сшитом, но сильно помятом, покрытым пятнами белом парусиновом костюме. Ничего удивительного: обвиняемый не один день провел в камере предварительного заключения, пока с ним работал следователь. Всеволод, вернее заместитель прокурора Ленинградской области Виктор Петрович Нефедов, пододвинул к себе и раскрыл картонную папку с делом Я.И.Леонтовича, доцента кафедры структурной геологии Ленинградского Горного института.

«... был откомандирован в геологоразведочную партию, проводящую работы по изучению месторождения стратегически важного для оборонной промышленности СССР сырья...». Боже, какой ужасный, казенный стиль. «...Леонтович признал, что осуществлял вредительскую деятельность, направленную на подрыв обороноспособности страны...». Зампрокурора листал прошитое дело, вникая в обстоятельства. Кандидат наук. Доцент. Курировал разведку месторождения вольфрама в Казахстане. Выдвинул идею, что изучаемое рудное тело является частью останца геологического покрова — шарьяжа, следовательно, коренной блок, с основными залежами шеелита (вольфрамовой руды), находится в стороне, а именно в сорока-пятидесяти километрах юго-восточнее. Там и надо было ставить основные работы. Однако перенос оборудования дальше в горы требует существенных затрат... В общем, поступило анонимное письмо, в котором говорилось, что «вредитель Леонтович, увлекшись буржуазными теориями, предлагает разбазаривать народные деньги, намерен сорвать график выполнения важного задания партии и правительства». Колесо завертелось.

Следователь глубоко вник в суть проблемы — видать привлек знающих специалистов. Нефедов же сходу разобрался, что к чему. Он в свое время окончил геологический техникум, правда, по специальности почти не работал — вначале на срочную, а после службы в Красной армии партячейка дала рекомендацию и направление на юрфак.

Дело Леонтовича явилось отголоском борьбы двух направлений в науках о Земле: фиксизма и мобилизма. Фиксисты, адепты старой классической школы, в своих построениях основную роль отводили вертикальным движениям в земной коре, считая горизонтальные перемещения лишь частным их проявлением. Идеи о тектонических покровах они объявляли ересью, «буржуазными штучками». Мобилист Леонтович обвинялся в пристрастии к лженаучным теориям, что в свою очередь, якобы толкнуло его на путь вредительства и измены...

— ... Вы пропагандировали вредные для рабочей науки идеи!

Это сидящий слева Голуб, невзрачный жидковолосый субъект, редкий болван: настроение председателя тройки понимал великолепно, а вот чем оно вызвано...

Нефедов-Всеволод поморщился, скосил глаз направо: энкавэдэшник по-прежнему сидел с непроницаемым лицом. Этот — не дурак... Плохи твои дела, геолог.

— ... в период с 1926 по 1935 годы четыре раза выезжал за границу: дважды в Германию, один раз в Австрию и один — во Францию, где был завербован иностранными разведками...

А за это уже полагается расстрел. И ничто не спасет. Но... обвинение в шпионаже шито белыми нитками — нет ни одного факта, лишь «косвенные улики», да предположения.

Только это ли смутило Юрина-Нефедова? Еще десять минут назад в данной ситуации он бы, не колеблясь, принял окончательное решение. Виктор Петрович увидел нечто, что не дало ему отодвинуть дело в сторону.

Всеволод знал из популярной литературы о перемещениях плит в земной коре, не совсем, правда, понимая, какие такие вертикальные или горизонтальные движения имеются в виду. Стало быть, прав Леонтович, отстаивая идею с перемещением тектонического блока.

А Нефедова беспокоило совсем не то...

Конвоиры вывели Леонтовича из комнаты. «Тройке» предстояло согласовать уже подготовленный приговор.

— Не вижу оснований для расстрела, — веско сказал Нефедов. — Следствие сработало небрежно, шпионская деятельность обвиняемого не доказана...

Вот в чем загвоздка! Донос-анонимка напечатан слишком качественно. Опечаток нет, шрифт ровный по цвету: по клавишам стучали с одинаковой силой, а главное, имеется одна маленькая ошибка: тектонический покров назван «покрывалом». Геолог не мог, черт дери, написать такое!

И что это значит? Да, на самом деле, то, что письмо настрочила какая-нибудь секретарша. Либо из ревности к Леонтовичу, либо в надежде, что место Леонтовича займет её начальник... Так что анонимке нет никакого доверия. Донос ложный.

«Ну и что? — сам себе удивился зампрокурора. — Мало ли ложных сигналов? Признания — вот они, подписанные, в деле». И сам себе возразил: «Разве новость для тебя, какими методами подчас выбиваются признания?! Да и, найдись хоть одна зацепка, следовательно наверняка раскрыл бы всю «шпионскую сеть».

Высказавшись против расстрела, председатель тройки рисковал. Даже не тем, что «встает на скользкий путь попустительства врагу народа», а потерей репутации безжалостного борца со скверной.

Голуб молчал, выжидал — он человек маленький, что решит начальство, под тем и подпишется. Теперь все зависело от неулыбчивого мужчины с кубиками на воротнике кителя. Тот чуть повернулся к Нефедову, встретился с ним глазами. Пристальный взгляд, от которого мурашки бегут по спине...

— В иностранных разведках не дураки сидят, чтобы давать нам прямые улики. А мы здесь поставлены изобличать их всеми средствами... Жаль, что не удалось добыть бесспорные доказательства деятельности Леонтовича в качестве шпиона...

Вот, как! Энкавэдэшник, похоже, умыл руки: сам решай, какой приговор вынести геологу... Эх, запретить бы эти анонимки. Уже двадцать с лишним лет при советской власти живем! Чего бояться? Вот, вызвали бы сейчас автора, а он: «я этого не писал». И вопрос бы сам собой снялся. Или: «полностью подтверждаю...». Так ведь не скажет никто. А ему, Виктору Петровичу, решать. Эх, кабы английское судопроизводство: провозгласил «не виновен», и стукнул молотком по столу. «Освободить в зале суда!» Только нельзя, нельзя...

— ... Предлагаю снять с Леонтовича обвинение в шпионаже, и назначить ему наказание — 10 лет лишения свободы, за вредительскую деятельность. Кто против?

Решение приняли единогласно.

Тяжелым грузом лег приговор на душу зампрокурора. А вместе с ним — и Всеволода. Он осудил невиновного. То, что Леонтович избежал расстрела, было слабым утешением. О жизни в сталинских лагерях Сева, читавший Шаламова и Солженицына, знал куда больше работника прокуратуры...

4

— А ну раздайся!.. Дорогу князю!

Двое дюжих молодцов пинками и ударами нагаек расчистили дорогу сквозь толпу, плотно обступившую ворота перед «приказом». Всеволод... нет, теперь уже князь Владимир Одоевский скорым шагом прошествовал к приказной избе. «Черные» людишки, узнавши князя, торопливо срывали шапки, кланялись в пояс. В светлице приказные повскакивали с лавок, били поклоны раболепно.

Посреди комнаты стояла, потупив голову, молодая женщина, простоволосая, босая, со связанными руками. При появлении князя она одна осталась неподвижна, ровно библейский столб соляной.

Князь подошел к женщине вплотную, приподнял ей за подбородок голову. «Какие глаза у неё! Чудо, — подумалось Одоевскому-Всеволоду. — Какой редкостный бирюзовый цвет».

— Как звать тебя?

— Дарья... Воронцова, — чуть слышно отвечала женщина.

— Мужняя жена?

— Вдовая.

— Какого звания?

— Дворянка, из захудалых...

Князь отступил, присел на лавку.

— Развязать...

Тотчас подлетел один из приказных:

— Княже, жонка сия — ведьма, уличена в чародействе...

— Увидим, — оборвал Одоевский.

Пути с женщины сняли. Вперед выступил невысокий мужчина с очень бледным лицом, на фоне которого двумя черными угольями сверкали глаза. Их сразу признал Всеволод — невозможно забыть взгляд этих страшных очей...

— Говори, — устало велел князь.

— Княже, дозволю осмотреть жонку, нет ли на ней отметины Сатаны!

Одоевский кивнул: любой колдун, или ведьма непременно должны быть помечены дьявольским знаком. Приказные подступили к женщине, намериваясь сорвать с нее одежду. Та остановила их, выпростав вперед руки:

— Не троньте!.. Я сама.

«Гордая, — мелькнуло в голове Одоевского-Всеволода. — Не желает, чтобы лапали её похотливые руки судейских. Только это она зря волнуется, для них она враг христиан, а не женщина».

Князь любил иметь дела с благородными. Это мужик-лапотник хоть сто ударов плетью вытерпит: привычный. А изнеженному барчуку рукоятью трости в зубы ткни, он, как кровь из

разбитых губ учует, так со страху всё и выложит.

Женщина через голову сняла и сарафан, и нижнюю рубашку, оставшись нагой. Стояла, прикрывшись, сколько возможно руками, но голову не опустила, глядела презрительно. К ней приблизился находящийся тут же дьякон и принялся внимательно осматривать — сверху донизу, вершок за вершком, тело женщины. Жиденская его бороденка мелко дрожала, помаргивали маленькие подслеповатые глазки, узловатые скрюченные пальцы шарили по женскому стану.

«Ах, ты, сморчок, прыщ мерзкий!».

Гневно сжал зубы князь. Зрелище красивого обнаженного тела вызвало стеснение в груди, хаос в мыслях. Он едва сдержался, чтобы не топнуть ногой, заорать, выгнать прочь свору судейских, чтобы остаться вдвоем со вдовицей...

Дьякон повернул женщину спиной, продолжал осмотр.

— Вот! — вскричал он, указав на родимое пятнышко между лопаток. — Печать Дявола!

В пятне, обладая известной долей фантазии, — подумалось Севе, — на самом деле можно было увидеть изображение рогатой головы. И этого довольно, чтобы осудить человека на мучительную смерть?!

— Какая вина на ней? — спросил он грозно.

Судейский развернул свиток.

— ... сия Воронцова Дарья в нынешний год из под Рязани переехала на село Покровское... Жила уединенно, с соседями дружбы не водила...

Дальше шли обыкновенные обвинения: случился большой падеж скота, да пожар на селе (сгорели четыре избы) и, главное, сосед Воронцовой сельский староста Иннокентий приметил, как сия жонка, выходила ночью за село, на перекресток дорог, где волшбу творила... При обыске на дому Воронцовой нашлась книга немецкая, не иначе — бесовская. Предъявили книгу: сочинение римского поэта Овидия. Князь подивился:

— Неужто латынь знаешь?

Она кивнула.

— Батюшка, покойник... научил латинской грамоте.

Одоевский-Всеволод задумался. Оговорили ведь женщину. Змеиное отродье!

— Не усматриваю за ней худого. Потребно новое дознание провести, а куда, отпустить домой.

— Никак не можно, княже! — возразил судейский.

— Что!! Перечить князю... Пес! Кат!

Тот продолжал гнуть свое:

— В грамоте Патриарха Иоакима сказано: «Чародеи без всякого милосердия да сожгутся»... Жонка с бесами дружбу водит! Сатанинское семя! Наводит порчу, волховством да чародейством промышляет.

— Волховство, говоришь?! Где этот староста Иннокентий, подать его сюда!!

Привели соседа Воронцовой. Он повторил, что третьего дня видел, мол, соседку, стоящую у перекрестка дорог, при полной луне, нагую, жгущую в руке пучок какой-то травы.

— Посередь ночи, говоришь? — строго спросил князь. — А что ты сам-то делал за селом в такую пору?

— Я... эта... корову искал — заблукала иродова скотина.

— Врешь! Какая корова ночью! Да и луна третьего дня не полная была, с неделю уж месяц на ущербе. Хотел напраслину возвести на соседку!? Чаял поживиться ея имуществом, как доносчик!?

Иннокентий бухнулся на колени.

— Княже, прости! Бес попутал. Спьяну мне должно быть пригрезилось. От кума я ночью брел, да за село попал...

— А-а! Так я и знал! Уберите эту собаку шелудивую с глаз долой, — приказал Одоевский, и, судейскому. — Ну, что теперь скажешь!?

— Истинно говорю: ведьма она! Видишь, — указал на шею женщины, — креста нательного нет! Нехристь! Чародейка!!

Рот обвинителя перекосялся в хищной ухмылке. Подобно матерому волку, он знал, когда нанести решающий удар, чтоб одним махом прикончить жертву.

Князь не нашелся, что изречь. Судейские явственно алкали крови. Вот, перед ними — ведьма, чернокнижница, слуга Антихриста. Ату её! На костер!!

Дарья не пыталась защищаться, что сочли признанием вины и основанием для вынесения смертного приговора.

Воронцова молча выслушала вердикт, стоя с отрешенным лицом, не проронив и единой слезинки.

— В здравом ли ты рассудке? — спросил князь, вновь подступив вплотную к женщине. — Ведаешь ли, что тебя ожидает?

— Да, — отвечала Воронцова, устало. — Знать тому и быть.

— Как же так!?

Всеволод не мог смириться с ужасной участью, ожидающей женщину.

— Не печалься князь, — прошептала Дарья. — Я хочу умереть... сама. Хворь у меня смертельная. Нет спасения от сего недуга. А что касаясь мучений предсмертных, то их не будет. Я в любой миг могу сделать так, что душа моя оставит брренное тело...

Слушал Одоевский-Всеволод, потрясенный. Горело его сердце от вспыхнувшей любви к женщине.

— Всё знаю князь. Ведаю о страсти твоей... Только не помысли, будто я навела чары колдовские... Прощай, князь. Пусть будет светла печаль твоя.

5

— Милостивый государь, потрудитесь отвечать на вопросы!

Окрик не оказал надлежащего воздействия на допрашиваемого. Господин в дорогом модном пальто тонкого английского сукна, полез рукой в карман, затем в другой.

— Забыл, черт...

И, обращаясь к следователю:

— У меня при обыске забрали портсигар. Это произвол!

Следователь, не теряя выдержки, достал из ящичка стола позолоченную папиросницу и коробок спичек.

— Ваши?

— Мои.

— Возьмите.

Бунич (согласно паспорту) раскрыл портсигар, протянул следователю:

— Не угодно ли?

Всеволод, он же следователь Бессонов, едва сдержался, чтобы не прикрикнуть, указать наглецу его место.

— Я не курю, — процедил он сквозь зубы.

Бессонов поймал себя на мысли, что ему мучительно хочется встать и въехать Буничу в

физиономию.

«А ведь неспроста он ведет себя вызывающе. Старается вывести меня из равновесия... Ничего у вас не выйдет, господин террорист».

Бунич сидел непринужденно, закинув ногу на ногу, словно находился в питейном заведении, а не в следственной комнате Охранного отделения, курил, не спросив разрешения.

«Какого черта! Эти господа, так называемые революционеры, ведут себя вызывающе, похамски, а мы вынуждены чуть ли не расшаркиваться перед ними: «соблаговолите», «не угодно ли», «прошу вас». Тьфу!».

Бессонов взял себя в руки, — нельзя давать волю эмоциям, — начал допрос:

— Ваше имя, фамилия?

— В паспорте все указано...

— Не советую вам вести себя подобным образом! Я спрашиваю не из праздного любопытства... Запираясь, вы усугубляете свою вину.

— Какую вину?

— Во-первых, ваш паспорт — фальшивый.

— Позвольте! — вскричал допрашиваемый.

— Не позволю! — отрезал Бессонов. — Мы проверим, разумеется, документ на подлинность, но это формальность... У меня глаз наметанный: фальшивку распознаю с одного взгляда. Пойдем дальше. Нам известны ваши подлинные имя и фамилия: Артур Штерн. Что скажете?

Лже-Бунич только усмехнулся.

— Смеетесь? Ничего — скоро будет не до веселья. Нам также известно, что вы являетесь участником террористической организации «Народная воля».

Ухмылка исчезла с лица допрашиваемого. Впрочем, внешне он оставался спокоен.

— У вас есть доказательства?

— Конечно. — Бессонов раскрыл лежащую на столе папку и достал оттуда фотографию. — Знаете этого человека?

Тот небрежно взял карточку, глянул, покачал головой.

— Впервые вижу.

— Ой, ли! Тогда почему же вы трижды за последний месяц встречались с этим господином — третьего, шестого и тринадцатого числа?.. Не помните? Я вам подскажу: в первый раз это было в бильярдном клубе на Гороховой, последующие два — в общественной бане, на Фонарном... Будете и дальше отпираться, господин Штерн?

Штерн-Бунич пожал плечами: мол, даже если и встречался, так и что?

— Если вы подзабыли — фамилия этого господина Соловьев. Активный участник террористического подполья. При этом — чрезвычайно неврастенический тип. Арестован по обвинению в двойном убийстве. Так вот. На допросе Соловьев показал, что является членом ячейки «Народной воли», готовящей ряд покушений на видных государственных деятелей, и что вы, господин Штерн, состоите в означенной организации, а именно возглавляете так называемое «боевое звено». Желаете ознакомиться с его показаниями?

— Зачем? Читать заведомую ложь... Пусть подтвердит все на очной ставке!

Бессонов замаялся. Соловьев уже никогда и ничего не подтвердит и не опровергнет — нынче ночью он покончил с собой в одиночной камере, вскрыв осколком стекла вены. Штерн, этого, конечно, знать не может. Хотя... В любом случае он, следовательно, допустил промашку.

А Штерн почувствовал слабинку.

— Заявляю: эти «показания» сфабрикованы охранкой! Цена им — медный грош, ха-ха.

Он вел себя все более развязно. Следовательно едва сдерживал нарастающее бешенство. «И

нас еще называют сатрапами, душителями свободы, палачами! Такие вот мерзавцы глумятся над правосудием. Во имя идей «свободы и всеобщего равенства» они готовы устроить кровавую бойню со взрывами и стрельбой, и им плевать, что погибнут ни в чем не повинные люди, случайные прохожие, женщины, дети, — с горечью думал Всеволод-Бессонов. — Пройдоха адвокат, крючокотвор, в пух и прах разобьет на суде доводы обвинения, а двенадцать болванов-присяжных вынесут вердикт: «Не виновен». Штерн посмеется над нами и опять станет готовить покушения. Нельзя этого допустить».

— Хорошо! Оставим, пока, в стороне вашу «революционную» деятельность. Ответьте вот на какой вопрос: где были вы семнадцатого сего месяца от двадцати двух до половины первого ночи?

— Я... А в чем дело? Был у себя дома. И что?

— А то! Вас опять память подводит, господин Штерн. Вы находились не дома, а в «номерах мадам Розэ», на шестой линии Васильевского острова. Тому есть многочисленные свидетели.

— Ну, был! Это никого не касается!

— Ошибаетесь, — покачал головой Бессонов. — Той ночью в заведении произошло убийство. Одну из девиц, некую Варвару Баранову, более известную под именем Лили, нашли под лестницей, задушенную. Как выяснилось, последней в живых ее видела горничная, которая показала, что вы господин Штерн, стояли на лестнице с мадемуазель Лили и вели беседу. И что вы, при этом, были очень возбуждены: размахивали руками, ругались...

— Послушайте! — вскричал допрашиваемый. — Горничная что-то напутала. Я, перед уходом, действительно повстречал на лестнице Лили и перебросился с ней парой фраз, но... Это была обычная, ни к чему не обязывающая шутливая беседа.

Видя волнение Штерна, следователь перешел в наступление.

— Нет. Горничная Варламова готова под присягой подтвердить, что слышала, как вы угрожали девице!

— Клевета! — Штерн сорвался на визг. — Эта стерва ненавидит меня! Она вам такого наговорит...

Бессонов подался вперед и бросил в лицо Штерну:

— Вы пойдете на каторгу, господин террорист! Не в качестве политического, а уголовного преступника! Уж я постараюсь вам это устроить.

Всеволод-Бессонов вызвал конвоира, и приказал увести арестованного.

Присутствующий при допросе секретарь, ведущий протокол, оставшись со следователем наедине, усмехнулся.

— Осмелюсь заметить, Викентий Васильевич, гнев, даже праведный, плохой советчик. Для нас, поставленных охранять правопорядок, эмоции не позволительны.

«Однако, далеко зашло у нас вольнодумство. Какой-то писаришка ничтожный дерзает критиковать старшего следователя».

Бессонов собрался, было, укоротить нахала, да осекся, встретившись взглядом с секретарем. Глаза! Опять эти глаза...

— Впрочем, вы поступаете правильно, уважаемый Викентий Васильевич. Для борьбы с государственными преступниками хороши все средства. Отличная идея: повесить на Штерна обвинение в убийстве.

Всеволод лишь кивнул, соглашаясь.

XV. Воскресенья не будет

«Боже мой! Как плохо-то... О-о-о!».

Сил нет глаза раскрыть. Одно желание — лечь и умереть. С самого дикого похмелья не бывает так хреново... А раскисать нельзя. Что-то надо делать...

Сева вновь обнаружил себя в рабочей комнате, сидящим на стуле у стены. Вокруг — тишина и порядок, все предметы на своих местах. За окном сумерки. На часах без четверти восемь. Скрип, послышавшейся со стороны двери, заставил повернуть голову. Сева вскрикнул от радости и удивления: в комнату вошел Егорыч.

— Миша! То есть... вы, Михаил Егорович!?

Шеф, ни слова не говоря, прошел к своему столу. Сел.

Это был не тот Михаил, из прошлого, а завлаб М.Е.Солнцев, каким его знал Сева до момента, когда к ним вломились бандиты, только одет странно: длинный плащ, шляпа, темные очки... В шпионов решил поиграть?

Очки начальник снял и положил перед собой. Некоторое время молчал, глядел куда-то в сторону. Севу словно и не замечал.

— Егорыч...

Они встретились глазами, и Сева поразился — чужие! Это не Егорыча глаза...

В облике начальника что-то неуловимо поменялось. Ехидная сила! Как он похож на судейского. Того, что зачитывал список обвинений Дарье Воронцовой... Нет — не он. Теперь Сева видел перед собой палача из каземата Петропавловской крепости, пытающего царевича Алексея... Опять не он! Это же энкавэдешник, член «тройки», что судила геолога Леонтовича!

Наваждение какое-то, морок.

— О чем задумался, молодой человек?

Знакомый голос. Ба! Институтский вахтер Кордонов.

— Признал?

— Вы? — Сева не знал, что и сказать.

— А ты думал! Ха-ха-ха, — с мелким дребезжащим смешком ответил вахтер, и, уже серьезно. — Ну как, друг ситный, понравилось тебе роль вершителя судеб людских? Это еще что! Хочешь, сделаю тебя римским императором? Нероном или Калигулой, а? Тысячи людишек будут трепетать от одного твоего взгляда, страшась услышать: «Содрать с него кожу, живьем!». Или восточным владыкой. Только представь себе: неограниченная власть, одного твоего кивка достаточно, чтобы отправить на плаху любого, раболепствующие толпы, сотни наложниц, тысячи рабов! Что скажешь?

Сева молчал, пытаясь осмыслить произошедшее. Выходит, это вахтер манипулирует его сознанием!? Значит Кордонов тоже из Посвященных!?

— Кто вы такой?

Кордонов усмехнулся.

— Я-то? Слишком сложный вопрос, в двух словах на него не ответить. Да ты и не поймешь...

— Почему? — обиделся Сева. — Я что, такой тупой?

— Не в этом дело. Ты не умнее и не глупее любого другого парнишки твоих лет. Но! Будь ты хоть семи пядей во лбу, тебе не постичь Тайного! Для этого требуется особое Знание.

Севе не понравился пафос, которым отдавала речь вахтера.

«Распинается, как политик перед электоратом. Тоже мне, чародей! Копперфилд долбанный!»

— Для чего вы это делаете? Что вам от меня нужно?

— Для чего? Решил тебя испытать, проверить, как вы, молодежь, теперь выражаетесь, на

вшивость.

Вот как! Его опять проверяют!! Или используют в качестве кролика подопытного?!

— Станете готовить меня к заброске в прошлое? В Древний Рим? К Александру Македонскому? К Ивану Грозному?.. Надоело!! Я вам не собачка, чтобы опыты ставить! Ненавижу вас всех...

— Замолчи! — прикрикнул вахтер. — Будешь тут еще сопли распускать! — и, уже спокойнее. — Во-первых, твое мнение меня не интересует. Надо будет — отправлю тебя в прошлое, будущее... к черту на рога. Во-вторых, какой из тебя агент? Кишка у тебя, паря, тонка. Но, и такой, можешь на что-нибудь сгодиться. Пойдешь ко мне в ученики.

Последняя фраза прозвучала не вопросом, скорее распоряжением.

— Нет, — вырвалось у Севы.

— Отчего так? Брезгуешь: мол, вахтер, мелкая сошка... Как же! Ты с докторами наук привык хороходы водить. Да я твоего Солнцева, чтобы знал, раскидал... не на атомы даже — на фотоны! Я их всех могу — в пыль!

Кордонова понесло. Видать, истосковался по слушателям. Всеволод на мгновение поддался гипнотическому действию его голоса; да и взгляд чародея завораживал, подавлял волю. Если б не клокоущая в нем злость, Сева, вполне возможно, не стал бы сопротивляться, позволил бы околдовать себя, сделать послушной марионеткой. Ярость придала ему сил. Вспомнил слова Егорыча, про какую-то «сволочь», пустившую по его следу бандюганов. Теперь ясно, кто эта сволочь.

— Вы, Черный?

Колдун глянул презрительно, скривился в ухмылке.

— Черные, белые... серо-буро-малиновые, ха! Надумано это... Все одним миром мазаны, только некоторые называют вещи своими именами, а другие лицемерят, в благородство играют.

«Знакомая философия, — отметил про себя Всеволод, — мол, все люди в душе подлецы, лишь прикидываются честными. Удобная позиция для оправдания любых мерзостей».

— Ты, Юрин, я заметил, тоже чистоплюйством маешься. Ручки боишься запачкать, — продолжал рассуждать Кордонов. — Невинных ему, видите ли, жалко! Таких, чтобы ты знал, вообще нет. За каждым — хорошо покопаться — что-нибудь, да отыщется. Но главное, чтобы управлять людским стадом, нужна сильная рука. Никакой жалости! Вот, возьми любую из мировых империй: они держались, пока у власти были сильные правители, а стоило попасться хлюпику какому, вроде российского Николашки, или Мишки Горбачева, всё тут же рушилось, державы разваливались, как карточные домики.

«Это мы тоже слышали. Не раз. Сталинисты на митингах орут: «Просрали великую страну!»».

— Вы, значит, считаете, что нам «железная рука» требуется?

— Вам — да! Не мне. Я сам — власть. Верчу-кручу людишками, как мне нравится. Пойми, Юрин, или ты останешься быдлом, которым управляют сильные, или выйдешь из толпы, примкнешь к таким как я, могучим и независимым.

«Врешь, дядя. Хочешь меня шестеркой сделать. Прибрать к рукам, как опытный уголовник лопуха малолетнего, соблазнив рассказами о красивой жизни».

— Скажите, а Велеречева тоже вы... убили?

— Кто ты такой, допрос мне устраивать!! — загремел Кордонов, и — кулаком по столу. Опять усмехнулся. — Только заблуждаешься, друг мой. Не я — ты его убил!

— Врете! — не выдержал Сева. — Я спал... Кроме того, Велеречива застрелили. Откуда у меня оружие!?

Кордонов отмахнулся:

— Для этого не обязательно иметь револьвер. Если бы ты прочитал акт экспертизы, то увидел бы, что там сказано: «...на пуле отсутствуют следы пороха и продуктов его горения». Вывод?

— Духовое ружье?

— Соображаешь! Только ты не совсем прав. Мы, маги, можем и без технических приспособлений обойтись — силой своих легких.

— Но я-то не маг!

— А, как же ты смог с ребятами Меченого расправиться!? Не без магии ведь обошлось, верно?

Сева молчал.

— Представь себе, — продолжил Кордонов, — что так же, как ты получил биоэнергию от Солнцева, некто... — он сделал паузу, — передал тебе часть своих сил. Представил? А потом ты вылез из капсулы, выстрелил пулей в Велеречива, и преспокойно улегся обратно.

— Нет! Неправда!! Я не мог...

— Не мог?! Ты сам-то веришь в это?

«Неужели, я... Возможно ли вообще такое? Здесь, наверное, да. Что если проклятый колдун внушил мне, запрограммировал на убийство, подложил незаметно пулю в карман... Нет, и еще раз нет!».

Не желал Сева смириться с мыслью, что стал, пусть и не по своей воле, убийцей. Разве можно жить с таким грузом на душе!?

— Эй, не раскисать! С непривычки это у тебя. Ничего, пройдет. На войне — как на войне. Главное — цель! Уничтожить во имя великой идеи даже миллион-другой людишек — не вопрос.

«Да он параноик! Явная мания величия: вообразил себя Наполеоном», — решил Всеволод, и спросил:

— Что это за цель, такая?

— Очень простая: порядок, — ответил Кордонов без тени усмешки. — В Мире идет постоянная борьба... Нет, не пресловутых Добра и Зла — это выдумка чистоплюев, слабаков, моральных кастратов. Борются Порядок и Хаос. Закон — против беспредела, государство — против анархии. Разумные существа не зря появились на Земле: их задача убрать первобытный бардак и навести, наконец, Порядок. Это и есть высшая Истина! Вереречев нашел способ превращать некоторые металлы в золото. Это могло разрушить все финансовые структуры, вызвать всемирный хаос. С ним необходимо было покончить.

«Во, как! Арнольда Адольфовича убили во имя Порядка!»

— Истина, говорите... А, вдруг ошибаетесь... Раскольников, скажем... тоже решил, что не «тварь дрожащая» и «имеет право».

— Нашел, с кем меня сравнить! Твой Раскольников слюняй. Раз уж пошел на «мокрое дело» — иди до конца. А он? За зря бабку грохнул — ни себе, ни людям, да чуть в штаны не наложил. Сопля. Расколотся и загремел на каторгу — поделом ему. Я, брат, из другого теста.

— Но, ведь никому не дано знать всю истину...

— А всем хочется. Ха!

Кордонов поднялся со стула, прошелся по комнате, подошел к окну.

— Вот ты, к примеру, зачем искал философский камень? Богатства захотел? Власти? Не-е-ет. Ты, может, сам того не сознавая, хотел приобщиться к мировой мудрости.

«Что-то такое я действительно говорил Велеречеву».

Вахтер продолжил:

— Ты, дружок, пошел по неверному пути... В смысле поисков Камня. Обычная людская

ошибка: смотрят за горизонт, не замечая того, что лежит под носом, ха-ха! Пойдем, я тебе его покажу.

2

Сева покорно отправился за Кордоновым. Прошли гулками полутемными коридорами, спустились на два лестничных пролета, вышли «черным входом» во двор, освещенный мощными фонарями.

Вахтер бодро шагал, не оглядываясь. Сева едва поспевал за ним.

— Вот, полюбуйся!

Кордонов остановился возле каменной глыбы, чернеющей посреди институтского двора.

— Это и есть Философский камень!

«Шутка, что ли?»

— Булыган?..

Вахтер любовно похлопал камень по шершавому боку.

— Сам ты булыган. Туго соображаешь, ха-ха-ха! Впрочем, не ты один привык поверхностно смотреть, не вникая в суть. Это институтские остряки прозвали камень Философским. Году в восемьдесят четвертом в дирекции решили установить перед входом в Институт памятник Гегелю. Заказали бюст философа ленинградскому скульптору... Фамилия из головы выскочила... Ну, неважно. А для постамента выбрали «письменный гранит», по-другому — «еврейский камень». Недалеко от Соловейска есть карьер, где этот камень добывают. Он в качестве облицовочного материала идет. Так вот. Привезли глыбу, выгрузили во дворе, да так и оставили. В райкоме узнали, что философу-идеалисту собираются памятник соорудить, и директора — на ковер. Вы что, говорят, обалдели!? Никакого Гегеля! Будет Энгельс стоять перед Институтом, и баста! Ну, пока суд да дело, перестройка началась. В стране — бардак. Не до памятников стало. А камень до сей поры двор «украшает». Вот такая история с географией, ха-ха-ха!

— Не понял, — буркнул Сева. — Егорыч пошутил надо мной, когда велел отыскать философский камень?

— А ты думал! Это тест для новичков... вроде армейского, когда салаг заставляют макароны продуть.

«Ну, Егорыч!!»

— погоди обижаться, — продолжил Кордонов. — Главного шутники-то не узрели! Камень сей не простой. Посмотри внимательно, что видишь?

На темной поверхности камня выделялись поблескивающие в свете фонарей черточки.

— Закорючки какие-то... На еврейские буквы похоже.

— О! Не зря камень называют еврейским. Кстати, ты иврит знаешь?

«Во, загнул!»

— Откуда!?

— Чему вас только учат... Придется магию задействовать. Гляди мне прямо в глаза, я стану считать до десяти... Ну, поехали! Раз, два...

Пока колдун считал, Сева пребывал в легком оцепенении, своеобразном полусне.

— ... девять, десять! Посмотри на камень. Можешь прочесть что-нибудь?

— Ё моё! Слово «шаббат» вроде бы. Точно! Суббота. Я понимаю иврит!

Севе довелось где-то читать о пегматите, иногда называемом «письменным гранитом», породе со своеобразным рисунком, напоминающим еврейские письмена. Но чтобы хаотично

разбросанные черточки сливались в буквы и слова — быть того не может! Однако, вот же!

— ... «Кровью искупятся грехи людские», — прочитал Кордонов вслух. — Видишь? Искупятся. Кровью.

Сева взгляделся в рисунок на камне: черточки сложились в буквы, те — в слова. Тяжело было с непривычки читать справа налево: «Не будет вам воскресения в День Последний».

«Что же получается? Колдун одно здесь видит, я — другое. Верно, потому что мы с ним слишком разные?!».

— Ну, что, мой юный друг, узрел Истину?

На камне появилась новая надпись: длем бйгк.

«Акоп бэ ядеха, — прочитал на иврите Сева, и перевел. — Всё в твоих руках».

— Да! — неожиданно для себя самого выкрикнул он. — Истина в нас самих! Мы, люди, как природные алмазы, нет совсем уж безупречных: в одном трещина, в другом пятно, третий — и вовсе черный, как уголь. Только это не значит, что все должны диким тварям уподобиться, глотки рвать друг другу.

— Если тебе нравится быть овцой, можешь ей и оставаться, — отпарировал Кордонов. — Но, коли уж существуют овцы, то должны быть и волки, не так ли? — Скривился и сплюнул под ноги. — Должно быть, я ошибся в тебе, парень.

Сева почувствовал в словах колдуна угрозу. Оттого, что Кордонов в нем разочаровался, или он стал ненужным свидетелем. Удивительно, но страха Сева не испытывал, скорее наоборот, почувствовал неуверенность в поведении вахтера: тот, похоже, сам опасался чего-то. Кордонов все время оглядывался, посматривал по сторонам, явно нервничал.

«Чего ждешь, дядя? Или боишься: кто-то из Белых Магов мне на помощь придет?.. А ведь самое время. Положение-то у меня аховое...».

От стены отделился темный силуэт.

Еще не видя его лица, Сева узнал того, кто спешил на помощь...Черному Колдуну.

К ним тяжелой поступью запрограммированной на убийство машины приближался Питон.

3

— Так вот кто к нам пожаловал! Давненько не виделись. — Кордонов глянул на часы. — За смертью тебя посылать!.. Где остальные!? Где эти недоноски со своим говнюком главарем? Работнички! Угораздило же меня связаться... Всё за пацаном гоняетесь? Так вот он! Без вас я управился, как видишь.

Питон не отвечал. Он остановился в двух шагах от Кордонова с Всеволодом, и стоял теперь — статуя статуей.

— Что молчишь, как не живой?

Мертвяк не отреагировал на «казарменную» шутку Хозяина. Похоже, он ждал сигнала разделаться, наконец, с «пацаном».

Сева весь внутренне сжался, не видя для себя пути к спасению.

Кордонов не торопился отдавать приказ, задумался о чем-то.

— Что стало с Меченым и его парнями? — спросил он Всеволода. — Ты их убил?

— Никого я не убивал! — сорвался на крик Сева.

— Не ори! — прикрикнул Кордонов. — Куда же они подевались?

— Они там остались... в прошлом. Егорыч говорил: Меченый решил жить праведной жизнью...

— Иди ты! Не заливаешь, нет? — опять потер в задумчивости подбородок. — Бывает. На

моей памяти не раз самые отпетые разбойники, насильники и убийцы, из тех, кого нынче зовут отморожками, удалялись в монастыри, грехи замаливать. Что ж — пускай! Толку, правда, от такого раскаяния, думаю, не шибко много. Ни к чему — все равно спасутся все, и праведные и неправедные, ха! — повернулся к Питону. — Не так ли, друг мой?! Тебе, в твоём нынешнем состоянии виднее, да? Не молчи, скажи чего-нибудь!

— Ты и сам, скоро, все узнаешь.

Голос у Питона был, как и его облик, безжизненным, лишенным человеческой теплоты.

— Ну, вот. А я думал — язык проглотил, ха-ха! Только ошибаешься, я пока помирать не собираюсь.

— Не все в твоей власти, — бесстрастно возразил Питон.

— Да ты, никак, грозишь мне!? Хорош, ничего не скажешь! Кто оживил тебя!? Передал всю энергию старичка Солнцева!? А, ты... Все вы, уголовники, неблагодарные твари. Вот, перед тобой тот, кто тебя убил! Узнаешь, да? Юрин Всеволод Кириллович, собственной персоной.

«Все. Кранты... Бежать надо. Но, как!?!»

Мертвяк повернул голову и посмотрел Сева в глаза. Его взгляд — невероятно! — сделался осмысленным, живым.

— Сева... Не бойся. Сейчас я — Солнцев... Еще не совсем утратил свое сознание... Он, — указал пальцем на колдуна, — сделал меня нелюдью. Перенес мой разум в труп, в послушного его воле зомби. Я должен был доставить тебя к нему. Живым или мертвым. Он просчитался... Мы, с тобой вернулись из прошлого по временной петле... Но, здесь, в данном отрезке бытия, а именно, 3 сентября, в субботу, я — мертв. Здесь мне нет места. Оставалась единственная для меня возможность — задействовать сознание, заключенное в тело Питона.

Сева заметил: Кордонов изменился в лице, набычился, скрежетал яростно зубами, сверкал глазами злобно. Ошибся, похоже, чего-то не учел, не предвидел, не додумал. Теперь готов весь свет испепелить. Но, видно, как сам выражается, кишка тонка.

— Сука, — прохрипел колдун. — Да я таких, как ты, десятками к стенке ставил! Аристократы-чистоплюи. Мало мы вас пинали сапогами в морду. Ссали вам на лысины. Заставляли блевотину жрать!

Питон шагнул к бывшему хозяину, протянул руку, ухватил за обшлаг плаща, рванул на себя. Тот не упирался, напротив, обрушился на мертвяка всей массой, задействовав известный в восточных единоборствах принцип: «используй силу противника». Ловким акробатическим прыжком он перелетел через рухнувшего на спину соперника, оказавшись на ногах. Рванулся прочь.

Сева, до сих пор остававшийся статичным зрителем, подобно баранчику, приготовленному к закланию, отчаянно кинулся колдуну под ноги.

Кордонов споткнулся, грохнулся и проехал с метр по инерции, прочертив на грязном асфальте широкую полосу.

Сева ухватил колдуна за ноги, вцепился мертвой хваткой, решив, что скорее подойдет, чем отпустит гада.

Над институтским двором бушевала беззвучная буря. Уплотненный воздух пополам с мелким сором и пылью, собрался в гигантский столб, расширяющийся кверху — подобие колоссального смерча. Яркие сполохи металась по темному небу. Подрагивал асфальт, как при прохождении танковой колонны.

Колдун брыкался, силился подняться, выкрикивал заклинания. Сева не отпускал.

Питон оставался на месте. Его корежили страшные судороги.

Сева понял: столкнулись две противоположные силы, идет борьба. Кордонов, должно быть, пытается открыть окно в параллельный мир, либо создать временную коллизию, но Солнцев, в

облике Питона препятствует ему, не дает уйти, затеряться во времени или в пространстве. И вмешательство его, Всеволода, может оказаться решающим, той самой соломинкой, которая ломает спину нагруженному сверх меры верблюду.

«Держать. Во что бы то ни стало, держать!»

Наивный парень. Может ли человек удержать за крыло взлетающий лайнер, остановить руками локомотив, укротить стадо взбесившихся буйволов!?

Колдун так резко дернул ногой, что Сева отлетел метра на три, больно приложившись об асфальт спиной.

Кордонов встал во весь рост, и тут же получил сильнейший удар кулаком в голову — Питон пустил в ход свои железные кулаки, усиленные магической подпиткой. Вахтер крутнулся на месте, но устоял; мало того, подпрыгнул, что твой Брюс Ли, засветив ногой мертвяку в челюсть.

Схватка продолжалась. Противники кружили, высматривая друг у друга брешь в обороне, выбирая момент, чтобы нанести решающий удар.

Сева понял, что не может оставаться пассивным наблюдателем. Он стал оглядываться в поисках оружия. Ага! Возле «стены вечного ремонта» был свален в кучу строительный инвентарь. Сева ухватил густо заляпанную цементом совковую лопату, зашел, крадучись, Кордонову со спины, размахнулся, метя ему в голову, ударил. Промахнулся, угодил в плечо.

Удар получился не сильный, скользящий. Колдун обернулся лишь на мгновение, но и это оказалось для него фатальным. Питон ринулся в атаку и серией ударов по корпусу заставил соперника согнуться пополам, а затем классным боксерским хуком в подбородок отправил колдуна в нокаут.

Кордонова буквально подбросило. Он грохнулся на спину, приложившись затылком о каменную глыбу. Дернулся, приподнялся, но снова упал. Голова колдуна беспомощно свесилась набок.

Он еще был жив, хрипел, шарил по асфальту руками, словно пытался что-то отыскать. Питон не оставил врагу шанса — навалился сверху и задушил. Убедившись, что противник мертв, поднялся, отошел в сторону.

Лицо колдуна мгновенно почернело, обуглилось. Несколько секунд и чародея не стало — рассыпался в пепел. Неуязвимый для обычных смертных, он оказался бессилен против «живого мертвеца», поднятого его же магической силой.

— Егорыч, — осторожно позвал Сева своего спасителя.

Питон повернулся к нему, покачал головой.

— Нет больше Егорыча, — прохрипел верзила, и брякнулся оземь огромной тряпичной куклой.

Мертвяк тоже сгорел. И тоже без огня и дыма — истаял ледышкой. Против него бессильна была даже магия, но срок, отпущенный ему, закончился со смертью Черного.

Сева присел на философский валун, ставший снова обычным булыганом — пегматитом, по-другому называемым еврейским камнем. Глянул, машинально, на часы — 7:56. Высветил дату: 5 сентября, понедельник.

Только теперь Сева заметил: фонари не горят, но вокруг светло — раннее утро.

Соловейск — не Средняя Азия. Утренние заморозки в сентябре здесь обычное дело. Вот и сейчас утро выдалось студеным и ветреным. А одет Сева был, как это часто случалось с ним в последнее время, явно не по сезону: в те же джинсы и рубашку, в которых путешествовал в

пространстве-времени. Да и сидеть на холодном валуне, занятие малоприятное и вредное для здоровья.

Сева поднялся, кривясь от боли в ушибленной спине и припадая на левую ногу пошкандыбал в сторону главного институтского корпуса.

В здании — пусто и тихо, только откуда-то с верхнего этажа доносилось гроыхание ведра «технички». У большинства сотрудников Института рабочий день начинался с девяти.

— Понедельник — день тяжелый, — пробормотал Всеволод, остановившись на лестничной площадке перевести дух.

«Ё моё, на третий этаж подняться — проблема. А дальше!? На пенсию по инвалидности?»

Сева старался не вспоминать о пережитом кошмаре, и сознательно занимал мозги надуманными заботами.

«Интересно, Инхандек уже пришел?»

Дверь в кабинет замдиректора, как обычно — нараспашку, а Джордж Мустафьевич — в любимом кресле.

— Юрин, зайди ко мне, — окликнул патрон молодого сотрудника.

Сева вошел. Встал возле начальственного стола — сесть Инхандек не предложил.

— Ты уже в курсе? Солнцев умер...

— Когда? — Всеволод сглотнул, закашлялся в кулак.

— В ночь с пятницы на субботу.

Предваряя вопрос подчиненного, замдиректора пояснил:

— Обширный инфаркт. Из областной больницы сообщили... Кстати, ты не знаешь, зачем он поехал в Область?

— Нет.

— Мм, да. Ты, вот что... займешься организацией похорон. Родных у Солнцева, насколько я знаю, нет. Придется все нам делать, самим. Цветы, венки, гроб... ну, все что положено. Я подключу еще двоих-троих из Отдела. Да! На кладбище надо будет тебе съездить, заказать копку могилы. Пойдешь в гараж, к Горбунову, он выделит машину. Скажешь: распоряжение дирекции.

Сева собрался, было, идти — в дверях повернулся.

— Джордж Мустафьевич, помните, я говорил: Михаил Егорович поручил мне найти Философский камень?! Я его нашел. Это булыган, что во дворе валяется. Верно?

— Молодец. Сам догадался, или подсказал кто?

— Ну-у, вроде того... Скажите, а здесь что, всех новичков так разыгрывают?

— Обиделся? Зря. Традиция такая...

— Угу. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

Инхандек в ответ махнул рукой: иди, мол, с глаз долой.

«А о том, что камень непростой, вы, наверняка, и не догадываетесь».

Сева вышел из кабинета, спустился в вестибюль.

В плексигласовой кабинке сидел сменщик Кордонова, некто по прозвищу Фунфыря, пропойца, не брезговавший любой спиртосодержащей жидкостью, от одеколona до клея БФ, включительно. Как по-настоящему зовут вахтера Сева не знал.

— Привет, Фунфыря.

— Здорово, — бодро откликнулся вахтер. — Сигареткой угостишь?

Сева протянул Фунфыре пачку.

— Так курить охота, что и выпить не на что, — пожаловался Фунфыря и подмигнул Всеволоду. — Займи на пузырек до полочки — буксы горят.

Сева пошарил в карманах, достал бумажную мелочь.

— Вот. Больше нет.

— Давай. На «Лесную воду» как раз хватит...

Сева не просто так завел разговор с вахтером.

— Сегодня разве не Кордонова смена? — спросил он как бы, между прочим.

— Нету Кордонова. Пропал.

— Да ты что?! Как так?

Фунфыря напустил на себя вид важный и таинственный.

— Ничего не известно. Исчез. Я, знаешь, что думаю, — вышел из кабинки, встал рядом с Севой, — его убили! А труп спрятали... Кто? Да таких, которые ему смерти желали, поди, не одна сотня наберется. Он же был экзэвдешником, понял!? В тридцать седьмом людей пачками расстреливал. В лагеря ни за что отправлял. Вот кто-то ему и припомнил... У нас в Соловейске, знаешь, сколько бывших зеков живет?

«Знал бы ты, кто на самом деле убил колдуна...»

— А может его уголовники местные пришили, — продолжал строить догадки словоохотливый вахтер. — Он с ними корешился.

— С кем? — заинтересовался Сева.

— Есть тут один. Меченым зовут.

Фунфыря вдруг умолк и вернулся на свое рабочее место: понял, видимо, что сболтнул лишнее.

«Все верно: Кордонов Меченого нанял, а его подручный Питон с колдуном разобрался... А это что? Бог ты мой!»

Слева от массивной входной двери, рядом с доской объявлений висел портрет, угол которого перерезала шелковая черная лента, украшенный шестью бордовыми гвоздиками. Под фотографией помещался некролог: «3 сентября 1994 года на 79 году жизни скоропостижно скончался заведующий отделом, заместитель директора по науке в 1955 — 1991 годах, доктор философских наук, кандидат технических наук, кандидат исторических наук, лауреат Государственной и Ленинской премий Солнцев Михаил Егорович».

Моложавое лицо, скорее того Михаила, из 13 века, смотрело на молодого специалиста. Казалось — Егорыч подмигивает Севе.

«Значит, официально ему не было еще восьмидесяти».

Прямо над портретом была приколотая четвертинка ватманского листа с выведенным плакатным пером текстом: «6 сентября в конференц-зале Института состоится защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «История основания скита Варравы Меченого». Соискатель: И.И. Светозаров-мл.».

Всеволод усмехнулся невесело: так вот, какими именно разбойниками основан в тринадцатом веке скит! Гримаса истории: самое духовное место в здешних краях возникновением обязано современным рэкетирам.

5

Намотавшись за день, Сева не чуял к вечеру под собою ног.

Оказалось, похоронить человека — ужасно хлопотное дело. К тому же — недешевое. Пообщавшись с чиновниками разного уровня и прочим людом, так или иначе причастным к отправлению ритуальных услуг, Всеволод начал понимать, что прилагательное «дорогой» по отношению к покойнику, употребляется не только как характеристика его душевных качеств. Впрочем, это обстоятельство беспокоило молодого специалиста меньше всего — все расходы

оплачивал Институт. Иное дело, моральный урон, понесенный им от столкновения с откровенным цинизмом и хапужничеством кладбищенских работников.

Шофер, — Сева был ему за это признателен, — остановил машину прямо у главного входа.

Всё так же, прихрамывая, Сева вошел в вестибюль Института. В нос сразу ударил стойкий запах дешевой парфюмерии. На вахте клевал носом, как видно, не единожды опохмелившийся лосьоном, Фунфюра.

«Этому-то все до лампочки. Счастливчик...»

Похоже, Всеволод дошел до крайней точки, раз начал завидовать алкашам.

— Сева, здравствуй!

Навстречу спешил Семенов из их Отдела. «Шапочный» знакомый.

«А ему чего надо!?»

— Здравствуйте, — сдержано ответил Сева.

— Хорошо, что встретил тебя, — негромко сказал Семенов на ухо парню, взяв его под руку. — Есть серьезный разговор. Будь добр, поднимись к Инессе Исаевне, в восемнадцатый кабинет.

«Ну никто без меня обойтись не может! Нашли мальчика на побегушках», — раздраженно подумал молодой специалист, решив, что его опять хотят задействовать в качестве порученца. Однако, возражать не стал, послушно направился вслед за Семеновым. В кабинет вошли вместе.

Яхно-Яхновская, дама постбальзаковского возраста, выглядела, пожалуй, несколько экстравагантно: косметики на лице чуть больше, чем приличествует научному работнику, много ярких красок в одежде, обилие бижутерии. При этом она не казалась смешной — умела подать себя.

Обращаясь к Севе, женщина смотрела прямо в глаза, словно пыталась выведать тайные мысли. Под ее пристальным взглядом парню становилось не по себе.

«Глазища, как у змеи. Смотрит не мигая, того и гляди — укусит»

— ... Дело очень серьезное, Всеволод, — внушала молодому специалисту Инесса Исаевна. — Ты, можно сказать, под счастливой звездой родился.

«Да, уж! Счастье мне так и прёт»

— Это просто чудо, что ты уцелел. Знаешь, когда сталкиваются интересы Белых и Черных магов, непосвященным туго приходится.

— Воюют маги, а страдают мирные жители, так что ли? Черные придут — грабят, Белые придут — опять грабят. Куды непосвященному податься!?

— Ха-ха, — рассмеялась Инесса, оценив шутку. — Удачное сравнение с крестьянином из «Чапаева». От войны не спрячешься. Хочешь, не хочешь — выбирать придется: за тех, либо за этих. Так, вот Всеволод Кириллович, ученые Института, в нашем с Сергеем лице, просят тебя о помощи.

— Меня?!

Изумлению молодого специалиста не было предела.

— Да! Ты должен занять место Михаила Егоровича.

— Как... занять?

— Обыкновенно... Подожди возражать! Знаю, ты инженер-гидравлик, только что со студенческой скамьи, к тому же — непосвященный. Все знаю. И все-таки! Не боги горшки обжигают. Быстренько напишешь кандидатскую, три-четыре статейки в сборники трудов молодых специалистов, защитишься — это мы устроим. Пройдешь Посвящение. Предложим дирекции твою кандидатуру на пост завлаба, ну и... Вот, собственно, и все. Срок — полгода, максимум — год. Это и в наших интересах — постараться сделать как можно быстрее. Они не будут ждать.

— Кто?

— Администрация. Инхандек и его команда. Они давно собираются прибрать Институт к рукам. Солнцев, пока был жив, отстаивал наши интересы... Я имею ввиду тех, кто действительно занимается наукой, а не просто пытается ловить рыбку в мутной воде. Придется тебе, Всеволод, взять на себя эту не простую миссию.

— Но, почему именно я? Мало разве опытных работников?

— Молодым у нас дорога. Ты, парень старательный, неглупый, инициативный.

Сева засмутился, даже покраснел слегка. Как-то неловко, когда вот так, в глаза хвалят, хотя приятно, черт возьми!

— Даже не знаю, что сказать... Я, конечно не против, но... вдруг не справлюсь? У меня нет опыта руководителя. И с людьми я схожусь с трудом.

— Ой, ли!? — Инесса улыбнулась лукаво, — А с дамочками ты быстро общий язык находишь. Я слышала, девчонки прохода не дают. Кстати, тебе просили передать.

Она достала из стола и протянула запечатанный конверт с надписью: «Юрину В.К.». Почерк Сева сразу узнал.

«От Ирмы. Что такое? Зачем?!».

Сконфуженный и раздосадованный одновременно, Сева торопливо сложил конверт пополам, и сунул в карман. Не при них же читать. Угораздило Ирму слать письма через Инессу. Вот, ведь, незадача. По всему Институту теперь раззвонят: Юрин — любовник ведьмы.

— Так вот, Всеволод, — продолжила Инесса Исаевна, — тебе нужно нас держаться. Иначе пропадешь. Ты не подумай, мы не собираемся опекать тебя как малолетнего, лезть в твою личную жизнь, но защитить, поддержать — сможем.

«Где вы раньше были. После драки все мастера кулаками махать»

— ... Нам нужна полная информация о произошедшем с Солнцевым, — потребовала Инесса. — Не возражай, пожалуйста! Да, он скончался в больнице от инфаркта. Но это лишь видимая сторона Луны, точнее — надводная часть айсберга, общедоступные, так сказать, факты. А, ведь, есть нечто, известное только тебе. Расскажи, будь добр, что случилось в пятницу вечером в Институте.

Утаивать что-либо от новоявленных покровителей не имело смысла. Если раньше Всеволод мог засомневаться, не затронет ли «утечка информации» интересы шефа, или его собственные, то теперь отмалчиваться ни к чему. Егорычу это уже не повредит, ему — тем более. Сева начал рассказывать.

Яхно-Яхновская с Семеновым слушали внимательно, часто переспрашивали, выпытывали подробности. Более всего их заинтересовало пребывание Севы в прошлом и, особенно, возвращение назад по «временной петле». Они буквально завалили молодого специалиста вопросами, заставив выложить все, до мельчайших деталей.

«Так вот, что вам от меня нужно».

Сева понял: неожиданный интерес этих двоих к его персоне вызван отнюдь не альтруистскими настроениями, не странным желанием помочь сделать карьеру малознакомому, в сущности, человеку. Они и затеяли-то, скорее всего, весь этот разговор с одной целью: выведать у него особенности «методики Солнцева», позволяющей перемещаться во времени «в оба конца».

А те и не скрывали, что остались удовлетворенны полученной информацией. Семенов сиял как медный таз, чуть не в ладоши хлопал, довольный. Инесса была более сдержана, но и по ней заметно, что мысленно потирает руки.

«Друзья, о которых говорил Егорыч».

Сева продолжил рассказ.

Услышав о вахтере Кордонове, оказавшемся колдуном, Семенов и Яхно-Яхновская переглянулись.

— Так вот откуда был выброс! — воскликнул Семенов. Пояснил Всеволоду. — Наши приборы зафиксировали выброс энергии. Да и в городе прошел слух, что над зданием Института наблюдалось необычного вида свечение.

— Кто бы мог подумать, — сказала Инесса Исаевна. — Мы догадывались, конечно, что в Институте появился Черный, но... Должна сказать: ты, Всеволод, сам о том не подозревая, заставил колдуна раскрыться. Понимаешь, какое дело... Распознать Черного невероятно трудно, особенно нам, Белым магам. Как ни странно, но это так. Непосвященному, напротив, проще «вычислить» колдуна. Может, оттого, что смотрит «свежим» взглядом. Кордонов, очевидно, боялся твоего разоблачения, вот и решил... упредить, нейтрализовать тебя.

— Так он же мог меня просто убить. Подкараулить, где-нибудь...

— Э, нет, — возразила женщина. — В этом случае он сразу раскрывался, на все сто процентов. «Убрать» тебя Кордонов мог лишь чужими руками. Потому он и затеял такую сложную игру.

Семенов добавил:

— Да, совсем забыл. Я узнал в милиции: подозрения в убийстве Велеречева с тебя сняты. А вот у капитана Сысина, того, что вел дело — проблемы. Он, как выяснилось, встречался с местным рэкетиrom Мечниковым и его «братвой»...

6

Выйдя от Яхновской, Сева, прежде всего, достал конверт с письмом. Вскрыл, волнуясь — руки дрожали. Прочел: «Севочка, дорогой, прости меня и прощай. Я уезжаю. Далеко и надолго. Карл Шуххардт, тот, что приезжал по делам Арконы, предложил мне место в Европейском Центре Прозрачной Магии. Такая удача бывает раз в жизни. Отказаться я не могу. Мне было с тобой хорошо, как никогда раньше, но мне нужно устраивать свою судьбу. Думаю, ты все поймешь правильно. Прости за то, что уезжаю, не повидавшись с тобой. Так будет лучше. Обнимаю тебя и целую, твоя Ирма».

«Ну, вот. Всё само собою разрешилось. Не я — она меня бросила. Ну и хорошо».

Сева старался настроить себя на положительное восприятие, но не получалось — щемило в груди. Оказывается, верно, что уходящий берет с собою лишь малую часть грусти, большая достается остающемуся.

Только жизнь на этом не кончается.

А вот рабочий день уже закончился. Опять тихо и пусто в коридорах.

Спустившись на этаж, Сева заметил, как из двери кабинета Инхандека вышла... Лариса и, обернувшись, позвала, капризно:

— Джордж, давай скорее...

Девчонка-чертежница называет замдиректора по имени! Что это может означать!? Только одно: их взаимоотношения выходят за рамки служебных.

«Эх, Лариса, Лариса...».

На проходной Фунфыря, напустивший на себя, ни с того ни с сего, чрезмерно официальный и бдительный вид, повертел сдаваемый пропуск в руках — и вернул обратно.

— Вас выпускать не разрешили.

Сева не успел возмутиться: что, мол, за идиотские шутки! Фунфыря, прильнув к прорезанному в плексигласе будки окошку, добавил:

— Только что был звонок от Марьи Лексевны — вам срочно к директору.

Юрин колебался лишь мгновение. Не тот уровень у вахтера, что бы шутки шутить. Однако, только войдя в приемную директора и, увидев, засуетившуюся старенькую секретаршу, он окончательно поверил: его не разыгрывают.

В директорском кабинете Всеволод был всего лишь раз. Собрали молодых специалистов, и начальник задал сакраментальный вопрос: чего вам не хватает? Один малый ляпнул сдуру, что ему не хватает мощного компьютера, а потом долго и путано объяснял, зачем ему, инженеру стенда, нужен 486-й, почему «двушкой» не может обойтись?

На этот раз Филарет Афанасьевич так и лучился от доброжелательности. Он даже встал из-за своего огромного стола и прошел Севе навстречу, протянул руку (!)

Ошарашенный парень не сразу заметил, что в кабинете есть и другие люди, в том числе, незнакомец — мужик, чем-то похожий на следователя Сысина.

— Присаживайтесь, Всеволод Кириллович, — радушно пригласил директор. Позвольте вам представить: майор Мезенс из Федеральной службы безопасности.

«Силовик» кивнул Севе, как старому знакомому, четко произнес:

- Лейтенант Юрин, доложите обстановку!

В голове Всеволода будто бы щелкнуло. Он стал вспоминать...

7. Ретроспектива

За полгода до описываемых событий

Вместе с дипломом Всеволод получил повестку. Утром — прибыть в военкомат. Комната номер шесть.

Дома, конечно, нервы, мама чуть не плачет. Единственное утешение — не солдат, а офицер. Лейтенант, так сказать, действующей регулярной армии, «пиджак».

В шестом кабинете Юрина, к полному его изумлению, встретил не «общевойсковик», и не представитель ракетных войск и артиллерии, а флотский — капитан второго ранга, бритый наголо толстячок, прошедший, как видно, половину жизни на подводной лодке. Сева засомневался даже — а не ошибся ли он дверью.

— Оп! — радостно воскликнул моряк. — Заходи! — и, без перехода. — По этому поводу анекдот. Прибыли в часть трое молодых лейтенанта из училища...

Травя байки, толстяк в белом кителе с погонами, очень напоминающими подполковничьи, успел сделать целую кучу дел: набрал номер на телефоне, видимо не дождавшись ответа — положил, вытащил из ящика стола толстую тетрадь, сделал отметку — убрал, снял с запястья часы, послушал их ход, внимательно посмотрел, как движется секундная стрелка — опять надел, выложил на стол из портфеля бумаги, ручки, карандаши и медный блестящий курвиметр. Из портфеля же достал нечто завернутое в газету и пристроил между рамами. Проверил урну, вернее будет сказать — корзину для бумаг. Что он там хотел увидеть — неизвестно, может, просто посмотрел: убрали ли из нее мусор?

Тираву лысый моряк закончил необычно. Ткнул пальцем в телефонный диск (при этом трубку не снимал), довел диск до рычажка, но не отпустил, оставив его во взведенном положении.

— Сейчас я тебя стану спрашивать, ты будешь отвечать. Потом я сделаю знак рукой, и мы с тобой отправимся в Адмиралтейство. Понятно?

Всеволод мысленно пожал плечами: что за странности? В Адмиралтейство? Что ж, наверно там будет интересно...

За руль синий «пятерки» моряк сел сам. Всеволод устроился рядом, нужно сказать с трудом: кресло оказалось отрегулировано под низкорослого, а подстраивать что-то под свой вкус в чужом автомобиле Юрин не любил. Как только «жигуль» тронулся, толстяк заговорил другим тоном, в котором не осталось ни капли прежнего шутовства:

— Значит так, товарищ лейтенант. Слушай приказ: в сапогах тебе ходить не придется.

Сева мысленно усмехнулся: он, человек, выросший в приморском городе, где немало флотских, сразу понял каламбур: моряки носят только ботинки. Атомная подводная лодка? Это близко к его специальности. Следующей должна была придти мысль о трех годах службы, но просто не успела, поскольку Сева услышал:

— Ты будешь служить в разведке.

Сева не понял. Где!?

Отвечая на молчаливое удивление лейтенанта, капвторранг многозначительно сообщил:

— За границей.

Сева растерялся. Как-то уж больно стремительно развивались события: вчера диплом обмыли, как водится, с утра в военкомат, странное поведение моряка с погонями подполковника, поездка в Адмиралтейство, и, здравствуйте — за границу посылают.

— Я английский плохо знаю... — попытался, было, возразить Сева, не замечая, что выглядит в глазах собеседника, по меньшей мере, нелепо.

— Учись, салага, контр-адмиралом станешь! — отмахнулся моряк, и резко ударил по тормозам. Их подрезала черная иномарка.

— Куда ты лезешь-то, а? — риторически выкрикнул капвторранг, навалившись грудью на руль. Продолжил. — Вопрос с языком мы решим. Уж на этот счет можешь не волноваться, гипнообучение у нас на высоте. И вообще у нас много разработок... Что ж ты хочешь!? Спецслужба. Что бы ты знал: у нас есть несколько разведок. Во-первых, КГБ...

— Ведь они теперь иначе называются?

— Да, Сева Кирилыч, по-другому. Но «контора» продолжает заниматься разведкой. Хотя основные функции переданы СВР — службе внешней разведки. Имеется также разведка у МИДа. Специфическая. А, кроме того, есть у армии...

— Я читал «Аквариум», это ГРУ?

— ...а у военно-морского флота своя разведка, — продолжил моряк, игнорируя вопрос Севы, — и она старше самого флота: Петром Первым была создана для вербовки и найма иностранных специалистов. Ну, а дальше... Приехали.

Вышли из машины под пронизывающий февральский ветер, прошли к входу в Адмиралтейство. Тут приключилась небольшая заминка — у Всеволода не оказалось пропуска, однако через минуту примчался старший мичман, с подписанной бумажкой, и их препроводили в кабинет адмирала.

— Александр Владимирович ввел вас в курс дела? — спросил строгий человек с седой головой и молодым лицом. Адмиралу вряд ли было больше сорока пяти лет.

— В общих чертах, — туманно ответил Сева.

— Никак нет, не ввел, — по-военному четко отрапортовал капитан второго ранга. — Не имел полной уверенности, что мы не на подслушке.

Адмирал досадливо кинул взгляд на часы. Не планировал, видимо, продолжительный разговор. Тем не менее, пересел из-за своего стола за стол совещательный и, глядя прямо в глаза Севе, начал:

— Мы выбрали вас, Всеволод Кириллович, по той простой причине, что ваша кандидатура является оптимальной для выполнения задачи государственной важности. Ни для кого не является секретом, что после распада Советского Союза многие разработки спецслужб попали в

руки криминала. Мало того, отдельные специалисты, а порой и целые творческие коллективы начали принимать заказы на разработки, которые должны составлять государственную тайну, и от подозрительных личностей и от иностранных заказчиков. В настоящее время нас чрезвычайно беспокоит ситуация в одном научно-исследовательском институте. Ваша задача на первом этапе: внедриться в этот институт в качестве сотрудника. На это вам дается пять месяцев. Легенда следующая: при прохождении медкомиссии вас признали ограниченно годным, и вы отправились в Соловейск по распределению. Дальнейшие инструкции получите позже. Детали проведения операции вам объяснит Александр Владимирович. Вопросы есть?

Вот так. С места в карьер. Как в плохом кино о разведчиках времен Великой Отечественной: «Немецкий хорошо знаете? Нет? Ничего — подучите, и — за линию фронта. Вас встретит человек, который спросит: «Не продаете ли Вы славянский шкаф?» — это пароль. Отзыв: «Уже продан». Он выправит Вам документы. Внедритесь в штаб генерала Гудериана. Дальнейшие инструкции — потом».

Фантастмогория! Он, Сева — разведчик! Скажи кому — решит, что у парня съехала крыша. Или просто плоховато с чувством юмора.

А адмирал ждет ответа, имеются ли у него вопросы.

— Никак нет! — гаркнул Всеволод, вживаясь в новую роль. Хотя вопросы, конечно же, имелись.

Капитан второго ранга в это время мысленно комментировал, сам для себя, фразу адмирала об оптимальной кандидатуре Всеволода Юрина: «Конечно оптимальная, а как же иначе? Столько кандидатур перелопатили, пока выбрали троих. И потом вели за ними наблюдение, психологический портрет составляли. Коллег из других служб просили подключиться, у каждого из кандидатов в школьных-институтских друзьях человек по пять-семь работало на «органы» в той или иной степени, каждый объективочку подробную написал, вроде бы для проверки собственной продвинутой в проработке психологического портрета. И в итоге именно Юрина решили задействовать в операции, как человека с наиболее предсказуемой, а значит управляемой, реакцией на внешние воздействия. Вот, собственно, и всё, что понимается под «оптимальной кандидатурой».

Из адмиральской «каюты» Всеволод вышел чуть не строевым шагом.

— Расслабься, Сева, — посоветовал капвторранг. — Напрягать тебя станут завтра. Обучим необходимым рефлексам и, — будто бы по распределению, — в Соловейск. Мудрят там чего-то наши академики. Может, западные разведки к ним подкатывают. Хотя, это вряд ли. А вот криминал... Этот вполне может. На первом этапе нас именно воровские авторитеты интересуют, понятно? А чтобы ты себя вел органично, и не раскрылся, мы тебя замаскируем.

— Так вроде уже. Я же, как молодой специалист туда поеду?

— Ну, что ты. Это я про другую маскировку. Ты временно забудешь и про все, что здесь говорилось, и чему тебя обучат. На уровне рефлексов, повторяю, будешь действовать. И никто даже не заметит, что у тебя из памяти месяц пропал. Наши спецы посильней тех академиков будут. А вспомнишь всё... Ну, хотя бы по кодовой фразе: «Лейтенант Юрин, доложите обстановку!»

Лейтенант Юрин вытянулся в струнку.

— Докладываю. Администрация Института заинтересована в его приватизации, которой противилась группа ученых во главе с ныне покойным доктором Солнцевым. Сведений о том,

что администрация связана с криминалитетом, у меня нет.

— Видите, товарищ майор, все обстоит именно так, как мои подчиненные вам и обрисовали, — бросил директор снисходительно. — Зря Управление вас сюда направило. Вопрос о том, включать или не включать Институт в список подлежащих приватизации, будет решаться в Правительстве России. Это даже не прерогатива министерства.

Присутствующие в кабинете заметно расслабились.

Мезенс покачал головой.

— Филарет Афанасьевич, господь с вами! Меня к вам не Прокуратура направила, Управление! А что касается решения правительства, то оно уже принято. Приватизации Института не будет.

«Силовик» раскрыл папку и протянул директору лист. Что там, Сева разглядеть не мог, ему показалось, что-то типа служебной записки с резолюцией. Неужели Черномырдина? Или самого...

— Что ж, если Борис Николаевич так считает...

Директор вернул бумагу майору. Повернулся к Юрину:

— А вы, молодой человек, раз на военной службе, подавайте заявление об увольнении с завтрашнего дня. Бумагу вам сейчас дадут. Я вам тут же его подпишу.

Вместо эпилога

Из дневника Юрина В.К.

Здравствуй, моя старая добрая общая тетрадь в клеточку. Давненько не брал я тебя в руки. Много воды утекло с тех пор. Столько произошло всего, и плохого, и... очень плохого. Когда-нибудь я обо всем расскажу, посредством твоих страниц, а пока... Извини, дневник, всего писать не могу, — пришлось бы ставить гриф «сов. секретно», — только в общих чертах.

Мезенс, мой новый шеф, сообщил, что проект флотские закрыли. Ну, у нас в стране любят все менять да перекраивать. Так и тут: объединили две спецслужбы. В целях экономии. И меня, конечно, сократили. Это понятно: проку от такого «разведчика»... Ну, не резидента же, какого, увольнять, верно? Майор поблагодарил меня за службу, пообещал позаботиться в дальнейшем, и... подыскал теплое местечко.

Угадай, дневник, где?

Нет, не в Европе, и не в Америке. Не, в России даже... Догадался? Ах, какой ты у меня умный! Именно в ней, становящейся уже родной чертовой Средней Азии. Таджикистан!!

Я горюю?! Не то слово. Был три дня у родителей. Навестил знакомых. Жанку встретил случайно, на улице. «Ах, ах, Севочка! Я так скучала!», «Ничего, — отвечаю, — Алекс тебя утешит». «Что ты, что ты! Только ты!! Единственный!!! Только тебя!». Вот ведь, зараза. Впрочем, сам-то я... Да, ладно, хватит об этом.

Сейчас еду с Московского вокзала. В купе. Почему-то один. Может, кто подсядет?

Какие ощущения? Хорошо, поделюсь.

Человека, чтоб ты знал, мундир меняет. Обычно на молоденьких лейтенантах все сидит как влитое. Еще бы: у них за плечами военное училище, а у некоторых и суворовское, в придачу. А вот на таком вояке как Юрин Всеволод Кириллович, 1973 года рождения, образование высшее техническое, не женат, форма сидит как строевое седло на корове. Одно слово — «пиджак». Еще не успев прибыть в часть, только шагая к вагону поезда, я услышал это нелестное определение от командира офицерского патруля. Тот с первого взгляда определил мою

сословную принадлежность. Даже не спросил документы. Демонстративно. Ему-то что, на самом деле: вот прибудет новобранец к месту постоянной дислокации, пусть там с ним отцы-командиры возятся. Хорошо, хоть честь я ему отдал, как положено: не зря четыре года на военной кафедре дрессировали, и потом, в лагерях, на полуторамесячных сборах.

А перед тем, как уехать из Соловейска в Питер, посидели «на дорожку» с Семеновым, нашим, институтским.

Семенов, ничего, оказался компанейский мужик. Анекдоты травил, похвалялся, мол, у него есть заклинание специальное, им же и составленное — никаких следов спирта в крови не остается. Рассказал, что он тут всё разрулил, выяснил, кто якшался с бандитами из «силовики» и дал сигнал «куда следует». А под конец сказал, мол, их с Яхновской предложение занять место Егорыча остается в силе. Просто откладывается. Вот так.

Ну, с Семеновым-то все ясно: он как работал в Институте, так и будет вкалывать, а мое будущее вилами на воде писано. Вернусь ли когда-нибудь в Соловейск — большой вопрос.

А за окнами стеклянными голыми ветвями семафорят деревья. Наверно, пытаются что-то сообщить, какую-то великую дорожную тайну. Но мне не понятны их знаки.

Судьба — кубик Рубика: всё запутано, но всё в твоих руках.

А что, не плохо у меня выходит, а? Ей богу, напишу, когда-нибудь книгу, обо всем, что произошло со мной, после того как получил направление в организацию со странным названием ФГУП ВНИИК (бывший НИИМагии). От третьего лица. И начну ее словами: «Все дело в том, что Сева не хотел служить в родных вооруженных силах»...

(С) Октябрь 2012

© Copyright Горностаев, Щипанов (sergdim@yandex.ru)